
ПОКОЛЕНИЯ ВШЭ

УЧЕНИКИ ОБ УЧИТЕЛЯХ

ПОКОЛЕНИЯ ВШЭ

УЧЕНИКИ ОБ УЧИТЕЛЯХ

Издательский дом Высшей школы экономики

Москва, 2013

УДК 378.011.31-051

ББК 74.58

П48

Над книгой работали:

Мария Юдкевич

Олег Воскобойников

Юлия Иванова

Даниел Карабекян

Генрих Пеникас

Екатерина Талалакина

П48 Поколения ВШЭ. Ученики об учителях [Текст] / М. М. Юдкевич, Ю. В. Иванова и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. — 232 с. — Доп. тираж 500 экз. — ISBN 978-5-7598-1070-4 (в пер.).

Книга, в которой об учителях рассказывают их ученики, — результат коллективной работы примерно 50 молодых ученых, представляющих практически все факультеты и отделения московского кампуса Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». О своих учителях рассказывают как те, кто учился в НИУ ВШЭ, так и те, кто получал образование и делал первые академические шаги в других вузах. Это позволяет взглянуть на ВШЭ в контексте ее места в академическом пространстве современной России и подчеркнуть все многообразие опыта, который лег в основу формирования ее исследовательских команд. Собранные в книге очерки глубоко индивидуальны, но подчинены общей идее: представить научные судьбы и характеры учителей в контексте развития научных знаний в конкретных дисциплинах.

Книга рассчитана на абитуриентов, студентов, выпускников университетов, всех интересующихся историей и судьбами фундаментальной науки и образования в России.

УДК 378.011.31-051

ББК 74.58

ISBN 978-5-7598-1070-4

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013

Нашим ученикам

Вы же не позволяйте называть себя учителями, потому что у вас один Учитель, а вы все – братья.

Мф. 23:8

Послушайте, друзья!
Нельзя же в самом деле передо мной так
преклоняться.
Я такой же, как и вы все, только лучше.

Даниил Хармс

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 6 ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ
- 8 **Лев Львович Любимов:** «Не для себя, а для Университета мы трудимся» (С.Э. Пекарский)
- 13 **Любовь Владимировна Златоустова:** Вкус к науке и жизни (И.В. Ефименко)
- 17 **Аскольд Георгиевич Хованский:** Идеальный математик (В.А. Тиморин)
- 21 **Игорь Аполлониевич Чернов:** Сын Аполлония, тартуская энигма (Я.С. Левченко)
- 25 **Рассел Купер:** Ученый, учитель, энтузиаст и немного хиппи (А.В. Юрко)
- 29 **Алексей Алексеевич Макаров:** Улыбающийся математик (Д.К. Стукал)
- 33 **Владимир Вениаминович Бибихин:** Вольный ум (А.В. Михайловский)
- 38 **Галина Михайловна Андреева:** Главная Мама (Е.Р. Агадуллина)
- 42 **Алексей Брониславович Сосинский:** На каком языке разговаривать о математике? (Е.Ю. Смирнов)
- 47 **Вадим Валерьевич Радаев:** В непрерывном движении (З.В. Котельникова)
- 52 **Бернар Мьеж:** Ученый-многостаночник (И.В. Кирия)
- 57 **Виталий Львович Махлин:** Socrates redivivus (Ю.В. Иванова)
- 62 **Алексей Николаевич Гусев:** Несколько жизнерадостных уроков психологии (И.С. Уточкин)
- 66 **Сергей Михайлович Авдошин:** Постигая новое, лелеять старое (А.А. Савельева)
- 70 **Владимир Алексеевич Томсинов:** Правовед с неутолимым интересом к истории (Д.Ю. Полдников)
- 75 **Сергей Артемьевич Айвазян:** Воплощение научной мудрости (Г.И. Пеникас)
- 80 **Александр Васильевич Михалев:** Человек, на которого хочется быть похожим (К.И. Сонин)
- 85 **Лия Павловна Катлинская:** Дорогой мой человек (Е.В. Талалакина)
- 90 **Андрей Александрович Россиус:** Трудные радости классической филологии (В.В. Файер)
- 94 **Юлий Сергеевич Ильяшенко:** Вершины взятые и непокоренные (Ю.Г. Кудряшов)
- 99 **Александр Борисович Каменский:** Историк повседневности (Г.О. Бабкова)

- 103 **Вячеслав Эрнстович Вольфенгаген:** Учитель Пути (С.В. Зыков)
- 108 **Евгений Григорьевич Ясин:** Мастерская свободной мысли (Д.А. Веселов)
- 113 **Жан-Клод Шмитт:** Четвертое поколение школы «Анналов» (О.С. Воскобойников)
- 120 **Ирина Васильевна Ивашковская:** Le goût de la vie (А.Н. Степанова)
- 123 **Валентина Алексеевна Голубева:** Математик (Д.И. Игнатов)
- 128 **Альфред Эрнстович Жалинский:** Doctor-father (З.М. Погосова)
- 133 **Федор Иванович Гиренок:** Свобода мысли как педагогика, или Сократ в университете (Т.В. Левина)
- 138 **Александр Аркадьевич Шерель:** Профессор-режиссер (А.А. Новикова)
- 143 **Фуад Тагиевич Алескеров:** Уроки наставничества (Д.С. Карабекян)
- 148 **Вадим Валерьевич Васильев:** Sapere aude! – Решись мыслить... (Д.Э. Гаспарян)
- 153 **Александр Олегович Крыштановский:** «Нужно видеть за цифрами конкретного человека!» (Д.О. Стребков)
- 158 **Давид Иосифович Баркан:** Мир маркетинга (В.А. Ребязина)
- 162 **Наталья Евгеньевна Тихонова:** Большой след в маленькой истории (Ю.П. Лежнина)
- 167 **Александр Евгеньевич Кибрик:** Отец-основатель, или Командные методы в современной лингвистике (М.А. Даниэль)
- 172 **Надежда Михайловна Лебедева:** Учитель, ученикам которого просто повезло (А.Н. Татарко)
- 176 **Александр Николаевич Земляков:** Лучший из лучших (А.В. Захаров)
- 180 **Марк Юрьевич Урнов:** Кот, который гуляет сам по себе (В.А. Касамара)
- 185 **Маартен Янссен:** Летучий голландец (А.Н. Парахоняк)
- 189 **Александр Фридрихович Филиппов:** Парцифаль социологической теории (В.С. Вахштайн)
- 194 **Андрей Владимирович Полетаев:** Незабываемый THESIS. Сергей Сергеевич Аверинцев: Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος (В начале было Слово) (А. В. Белянин)
- 200 **Инецца Львовна Бим:** Учитель для миллионов (М.А. Лытаева)
- 205 **Татьяна Львовна Клячко:** Железная леди (И.В. Павлюткин)
- 209 **Игорь Сергеевич Чичуров:** «Византийский европеец» (А.Ю. Виноградов)
- 214 **Гарвин Частейн:** “I am indebted to my teacher for living well” (В.В. Кускова)
- 219 **Ярослав Иванович Кузьминов:** «Где больше неба мне – там я бродить готов» (М.М. Юдкевич)
- 224 СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗГОВОРУ

В этой книге мы, ученики, рассказываем о своих учителях. Мы пишем о людях, сыгравших важную роль в нашем жизненном выборе – в том, что мы стали исследователями и преподавателями. Те ценности, которые мы сегодня пытаемся передать нашим студентам, и идеи, которые мы считаем важными, во многом определились под влиянием наших учителей.

Можно сказать, что книга, которую держит в руках читатель, – портрет. А всякий хороший портрет стремится выйти за рамки своего жанра. Мы чувствуем незримое присутствие Рафаэля в портрете Бальдассаре Кастильоне, а в рембрандтовском «Ночном дозоре» лица солдат и офицеров увлекают нас не меньше, чем рассказ и ощущения художника, запечатленные в каждой детали. Нам хотелось, чтобы «Поколения ВШЭ» стали тем групповым портретом, где каждая индивидуальная черта сохраняет свою выразительность, хором, в котором каждый голос – соло. Однако, работая над книгой, мы создавали и автопортрет, но не скрытый в лице друга – как было у Рафаэля, – а скорее, различимый в ракурсе, в игре зеркал – как в «Менинах» Веласкеса. Наши авторы – поколение преподавателей Вышки, выросшее в те годы, когда Вышка сама была подростком. Некоторые из нас пришли сюда со школьной скамьи, некоторые учились в других университетах и обрели здесь свой дом – кто магистрантом, кто аспирантом, а кто и зрелым ученым. Главное, что все мы – возможно, на волне юбилейных праздников 2012 г., – почувствовали себя поколением: круглые даты нужны университетам не меньше, чем государственное финансирование.

Кто мы? Что привело нас в академическую семью Вышки? Эти вопросы периодически возникают у любого из нас – в общении со студентами, на встречах с коллегами, на выездных семинарах кадрового резерва, на Апрельской конференции, на заседаниях комиссий и советов, при вручении «Золотой Вышки». Так или иначе, почти для каждого из нас приход в академическую профессию был связан с нашими учителями. Возможно, именно поэтому в какой-то момент, то ли за бокалом, то ли за чашкой, возникла мысль рассказать о наших учителях: инстинктивно мы все понимаем, что именно в них корни нашего поколения. Каждый из нас пишет о наставнике, причем о том единственном, которого на суховатом академическом языке называют «научным руководителем», tutor, supervisor, Doktorvater, directeur de thèse, на студенческом жаргоне – «научником», а по большому счету – Учителем. Именно поэтому не все собранные здесь тексты посвящены тем, что когда-либо значились нашими руководителями в кафедральных протоколах: ведь не всегда научная традиция передается по предписанным правилам. Нас, задумавших книгу, объединила простая мысль, что отношения между учителем и учеником едва ли не самое ценное, что есть в университете, как в общечеловеческом, так и в профессиональном смысле.

И еще нам подумалось, что такая история университета, словно рассмотренная под микроскопом, саморефлексия, поданная крупным планом, – это путь к формированию нашей общности. Перед вами, конечно, не история Высшей школы экономики, а попытка ответить на вопрос, кто мы, оглянувшись назад.

Если не история, то, во всяком случае, антропология: мы позвали тех, кто учился не «понемногу», не «чему-нибудь и как-нибудь», а с умом и сердцем, тех, кто сегодня, защитив диссертации и работая на разных факультетах, ждет от студентов той же академической бессонницы и неумемного любопытства, которыми когда-то, заразившись от учителя, заболел сам. В этой ответственности – непреложный закон развития знаний и залог их выживания в эпоху гаджетов и «одиночества в сети». Каждая история в книге глубоко индивидуальна, несмотря на формальные сходства траекторий. Чтобы неповторимость этих историй проступила рельефнее, мы предложили коллегам нехитрую схему. «Данные», достойные справочников и университетских сайтов, читатель найдет в биографических справках. Основной же рассказ – об обстоятельствах знакомства, о научной среде, о конкретных задачах, которые учитель с учеником решали (и зачастую до сих пор решают) сообща. И вместе с тем в нем запечатлены человеческие отношения, жизненные ситуации и коллизии, мир чувств, индивидуальный характер и проявившиеся в нем черты поколения, личный взгляд ученика на учителя и то, что в этом взгляде говорит языком сверстников. Одним словом, диалог поколений.

В процессе работы над своими текстами, в обсуждениях и спорах об уместности слишком смелой откровенности или слишком эзотеричной терминологии, в стремлении сохранить каждый голос в этой академической полифонии многие из нас обрели новых друзей и открыли в уже знакомых коллегах что-то для себя новое и очень важное. Задача, при всей видимой простоте, оказалась уравнением со многими неизвестными, и все решали его по-своему – как нам того и хотелось. Мы наметили только контуры будущего здания, доверив стены, пилястры и своды зодчим, ваятелям и живописцам.

Такой монументальный портрет не может не быть и автопортретом, но все же авторы книги пишут не о себе (для этого есть личная страница на портале), не о том, как им удалось с чьей-то помощью выйти в люди.

Даже если мы все глядим в Пигмалионы, этой книгой мы воздаем должное нашим учителям и традициям, к которым мы через них оказались причастны. Школа, куда мы пришли при различных обстоятельствах, по различным причинам и из разных университетов, воздвигнута не на земле безвидной и пустой. Мы верим, что при всей своеобычности, футуристичности и экспериментальности она станет золотым звеном в российской и всемирной истории университетов. Именно такую картину нам хотелось бы представить городу и миру.

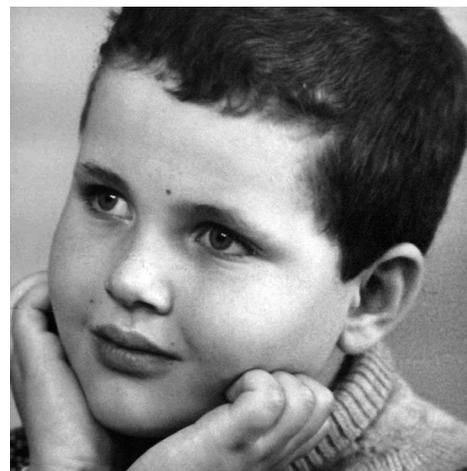
**Мария Юдкевич,
Олег Воскобойников**

ЛЕВ ЛЬВОВИЧ ЛЮБИМОВ

- В 1959 г. окончил Рязанский государственный педагогический университет им. С.А. Есенина.
- В 1963 г. поступил в аспирантуру Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО АН СССР, сектор теории).
- В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1980 г. – докторскую диссертацию.
- 1969–1995 гг. – руководитель различных отделов ИМЭМО.
- Член делегации СССР на Конференции ООН по морскому праву на протяжении 14 лет, один из авторов «Конвенции ООН по морскому праву».
- Ректор-организатор Государственного университета гуманитарных наук (1994–1995).
- Первый проректор (с 1995 г.), заместитель научного руководителя (с 2006 г.) ГУ–ВШЭ, заведующий кафедрой макроэкономического анализа (с 2003 г.), заведующий НУЛ макроэкономического анализа (с 2006 г.).
- Научный редактор журналов «Экономика в школе» и «Школьный экономический журнал», член редколлегии журнала «Вопросы образования».
- Автор первого Федерального образовательного стандарта для вузов по направлению «Экономика», разработчик программ экономического компонента образования для средних школ, автор четырех учебников, вышедших общим тиражом свыше миллиона экземпляров.
- Одним из первых проводил внедрение основных компонентов Болонского процесса в систему российского образования.
- Создатель филиалов ВШЭ в Н.Новгороде, Перми и Санкт-Петербурге.
- Член коллегии департамента образования г. Москвы, разработчик серии программ и законопроектов в области образования.
- Председатель жюри всероссийских олимпиад школьников по экономике и всероссийских олимпиад школьников по предпринимательству и основам потребительских знаний.
- Автор более 150 научных статей и монографий, научный руководитель семинара «Макроэкономика и макроэкономическая политика».
- Удостоен ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2012) и еще более 10 правительственных наград, звания «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (2002 г.).

СЕРГЕЙ ПЕКАРСКИЙ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Лев Львович Любимов: «Не для себя, а для Университета мы трудимся»

Для меня счастье работать в Университете – это не только преподавание и исследования, но и возможность продолжать учиться у замечательных людей. Общение со многими коллегами в ВШЭ обогатило меня в той или иной степени. Но мой главный академический наставник – Лев Львович Любимов.

Макроэкономика: союз по любви

До того как я перейду к рассказу о Льве Львовиче Любимове, я должен отметить важную роль в моей биографии Александра Дмитриевича Смирнова: без его деятельного участия я, возможно, не стал бы макроэкономистом и не остался работать в Вышке. Профессор Смирнов читал лекции по макроэкономике продвинутого уровня в магистратуре ВШЭ. Если не брать в расчет вводный курс по экономической теории на подготовительном отделении, это было мое первое знакомство с предметом.

Теперь я понимаю, что курс Александра Дмитриевича был «авторским»: почти половину курса занимали модели самого лектора. Но, возможно, именно по этой причине, а также благодаря харизматичности преподавателя макроэкономика меня «зацепила». С одной стороны, несмотря на то что курс был подчеркнуто теоретический, у меня сразу же сложилось впечатление, что это «про жизнь». С другой стороны, для меня – прикладного математика, заканчивавшего параллельно МИЭМ и пришедшего в Вышку в поисках, где бы эту математику приложить, – методология курса (акцент на формальный анализ экономической динамики) и высокая степень абстрактности предмета (анализируем не потребителя или фирму, а процессы на уровне сложной системы) были очень привлекательны. На фоне доступных «простеньких» переводных учебников по макроэкономике вводного уровня вся сила и притягательность предмета ассоциировались с личностью Смирнова. Во втором семестре его уговорили вести семинарские занятия в двух группах. И это стало еще одним важным фактором: Александру Дмитриевичу было совершенно не интересно решать с нами задачи.

На первых занятиях он сам сформулировал несколько вопросов для обсуждения, а потом предложил сделать это нам самим. Я не мог упустить такую возможность, нашел (почти случайно) статью из *Brooking Papers* про проблемы высокой инфляции и сделал по ней доклад. После семинара я подошел к Александру Дмитриевичу. Он невозмутимо, как будто и не могло быть никаких сомнений в моих дальнейших планах, достал из портфеля пару своих брошюр и предложил мне их прочитать и подумать, что бы я сам в этой области мог исследовать.

Так он стал моим научным руководителем. Я с удовольствием начал посещать научный семинар по проблемам переходной экономики, который он вел (тогда в Вышке было всего несколько семинаров, не то что сейчас). После одного из таких семинаров мы стояли в фойе здания в Гнезниковском и что-то обсуждали. Поздоровавшись с Евгением Григорьевичем Ясиным и Львом Львовичем Любимовым, Александр Дмитриевич представил меня как одного из своих лучших студентов. Это само по себе несколько смущало (честно говоря, я был далеко не лучшим студентом – сил одновременно учиться в Вышке и заканчивать МИЭМ не хватало). Но когда в ответ на такое представление Лев Львович сказал: «Так давайте его к нам!» – я совсем растерялся и даже не понял, о чем он говорит. Но уже вскоре я, студент второго курса магистратуры, вел семинарские занятия для студентов первого курса магистратуры за Смирновым. Сомнений относительно того, что мне делать после окончания вуза, у меня больше не было.

Свобода от, свобода для

Подход Александра Дмитриевича к работе с аспирантами (а нас было двое: я и Коля Арефьев, которому, как и мне, доверили вести семинары по макроэкономике продвинутого уровня) предполагал почти полную свободу творчества. Мы сами выбирали, чем заниматься и что читать.

Никаких строгих указаний – прочитать именно это и исследовать таким-то образом – мы не получали. Это давало ощущение, что ты уже стал самостоятельным исследователем. Александр Дмитриевич был открыт для обсуждений. Он был по-академически критичен, но бережно относился к ранимой душе начинающего исследователя. Вспоминаю, как однажды он раскритиковал одну гениальную, как мне казалось, идею. А потом сам позвонил мне домой и, подобрав правильные слова, приободрил меня и настроил искать дальше. На определенном этапе, посчитав, что я уже чего-то достиг, он заставил меня подготовить и помог доработать и опубликовать первую статью в «Экономическом журнале» ВШЭ. Сейчас публикации – это и требование, и норма академической жизни. Однако 14 лет назад к этому было мало стимулов. Если бы не Александр Дмитриевич, я бы вряд ли опубликовал свою первую, а вскоре и последующие статьи. Однако, как показала жизнь, чрезмерная свобода в условиях тогда еще весьма мягко регулируемой аспирантуры не смогла не отразиться на стимулах: погрузившись в преподавание, а после и в административную работу, я отложил срок защиты кандидатской диссертации на несколько лет. Своим студентам и аспирантам я готов предоставлять только свободу для творчества, но не свободу от сроков.

Не Лимпопо

Самый важный в жизни кредит – это человеческое доверие. Мне сложно представить свое становление без этого кредита, который дала мне Вышка и, в частности, Лев Львович Любимов. Как первый проректор, он с самого начала делал ставку на академическую молодежь. Я еще не окончил магистратуру, когда он вызвал меня к себе и сказал, чтобы я собирался на стажировку. Доедая йогурт, он рассказывал, как это важно – поучиться за границей, и когда я задал, как мне казалось, существенный вопрос: «А куда вы меня хотите отправить?» – он только рассмеялся: «Не бойся, старик, не на Лимпопо». Как потом выяснилось, речь шла про курсы в LSE.

По некоторым причинам я так и не смог туда поехать. Однако уже через полгода я оказался на аспирантской стажировке в Роттердаме, в Университете Эразма. Потом была стажировка в Сорбонне и еще несколько поездок в Роттердам. Развитие библиотеки с самого начала было приоритетом ВШЭ. Но в начале 2000 г. фонд был все же небольшой, а электронных ресурсов еще не было и в помине. Застав меня в Эразмусе у копировального аппарата, Лев Львович одобрительно похлопал меня по плечу: не зря отправили на стажировку. Количество отсканированных тогда мною книг измерялось десятками, статей – сотнями, а вся «макулатура» – круглой суммой за перевес в аэропорту. (К слову сказать, до сих пор я так и не прочитал и половины отсканенного, зато многое со временем раздал студентам и коллегам.)

Лев Львович не относится к людям, которые с энтузиазмом берутся за все новое, так и не завершив старое. И когда в 2006 г. я наконец-то защитил кандидатскую диссертацию (по сути, уже готовую в 2001 г., но, видимо, старательно выдерживавшуюся и ожидавшую «дожима» со стороны Льва Львовича), он убедил меня, не верившего в саму возможность такого предприятия, перевести текст на английский язык и показать его нашим знакомым в Университете Эразма. И вот уже в сентябре 2007 г. я защищал диссертацию в Роттердаме перед небольшой комиссией профессионалов, в которую пригласили и Льва Львовича. Задумано – сделано.

Расселение коммуналки, новая старая семья

В начале 2000-х годов кафедра экономической теории, на которой я работал, достигла своего предела с точки зрения управляемости и перспектив развития. Сначала появилась кафедра микроэкономического анализа, а затем и кафедра макроэкономического анализа, которую возглавил профессор Любимов. В построении новой линейки курсов по макроэкономике и в открытии специализации «Макроэкономика и макроэкономическая

политика» Лев Львович снова сделал ставку на молодых. За десять лет многое изменилось, и мне кажется, кафедре удалось многого добиться. Но, пожалуй, самый важный результат – Любимов поднял на ноги первоначально совсем не остепененную когорту молодых. Несколько бакалавров, поверивших кафедре Любимова в 2004 г., уже успешно защитили кандидатские диссертации и стали нашими коллегами. Несколько наших выпускников уехали на PhD-программы в престижные европейские и американские университеты. Большинство из них, наверное, уже не вернутся в Вышку. Но Лев Львович очень надеется, что вернутся. Ведь еще задолго до того, как Вышка перешла к политике активного международного рекрутинга, он понимал, как важно нам «говорить на их языке», воспринимать западные академические нормы и жить в соответствии с ними.

Терпение и труд

Как и многие другие, я считаю, что вклад Любимова в формирование стратегии управления человеческими ресурсами Вышки огромен. Сначала меня поражало, как Лев Львович, достаточно решительный и жесткий в некоторых вопросах, может так долго смотреть на беспешное и непоследовательное развитие людей с многочисленными странностями (вроде меня). Откуда столько терпения? Со временем я (кажется) понял, что это многолетний опыт руководителя, который трудится не для себя. В России давно ведутся дебаты о переносе на российскую почву и выращивании институтов. Взгляды Любимова на этот вопрос (в моем упрощенно-ограниченном понимании): для привития и развития институтов нужна культурная основа. Большинство неудач и проблем с российской экономикой и обществом является следствием культурной неразвитости или деградации. (В последние годы Лев Львович стал активно излагать свои взгляды на эти и многие другие вопросы в газетах и блогах – это то, до чего еще не дорос ни я, ни мои прагматичные коллеги.) Эти же проблемы присутствуют и российскому среднему и высшему образованию.

Труд Любимова – это воспитание в молодых людях, которых он терпеливо выращивает, академической культуры, университетского этиоса. Процесс занимает долгие годы, и Лев Львович с терпением верит и ждет. Лев Львович – сеятель в стране, пережившей ледниковый период.

Художественные зарисовки

Беседы с Любимовым

Они (если это именно беседа, а не быстрое обсуждение рабочих вопросов) длятся около полутора часов. В кабинете Льва Львовича звучат Рахманинов, Чайковский, Мусоргский. Лев Львович умеет очень интересно рассказывать. Я стараюсь запомнить слова, которых нет в моем словарном запасе, чтобы потом посмотреть в энциклопедии. Иногда с завистью смотрю на книжные полки, где больше половины книг – не по экономике, а русских философов (когда я тоже найду время читать не только макроэкономику?). Из лирических отступлений от темы – что такое университет? что сейчас происходит в средней школе? нужны ли прямые выборы губернаторов? – я понимаю, каким богатым и неординарным личным опытом обладает Лев Львович.

День рождения Льва Львовича

Наша кафедра вклинивается в нескончаемую череду разных людей, которые не могли не прийти поздравить Льва Львовича. Фантастическое число тех, кто его уважает, кто ему благодарен, кто его любит. Произнести тост в честь именинника невозможно: он всегда переделывает его в тост за молодежь. (И как вообще профессор, заместитель научного руководителя ВШЭ, может за день выпить столько коньяку?)

Любимов на заседаниях

Что-то Лев Львович готов терпеливо слушать, кратко резюмируя в конце. Кого-то он бесцеремонно прерывает, ставя справедливый, с его точки зрения, диагноз, хотя прекрасно понимает, что часто коллегам нужно дать возможность выпустить пар. Лев Львович не жалеет времени для раздумий и обсуждений, но не может позволить ни себе, ни окружающим тратить его на бесполезные разговоры.

О своих и чужих

В терминологии Льва Львовича факультет экономики делится на «профессионалов, говорящих на одном языке с Гарвардом», и остальных, говорящих на «русском народном». (Как он может так часто нас хвалить, не боясь девальвировать свое мнение на фоне подчас скромных достижений кафедры? Видимо, это должно заставить нас быстрее оправдывать его ожидания.) Ему хочется, чтобы в «стране непрофессионалов» Вышка была Университетом.

Вместо подписи под семейным портретом

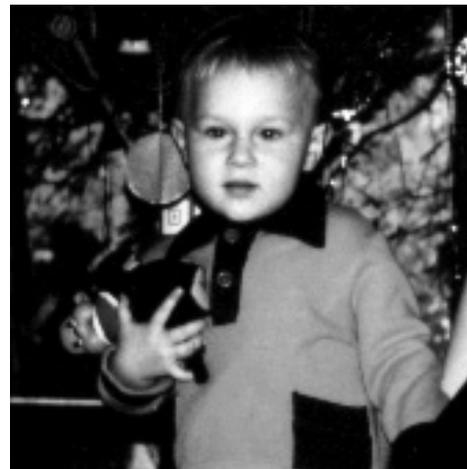
Университет – это место, где ты растешь, когда с твоими аргументами соглашаются более опытные люди, и где незазорно учиться у младших коллег, не говоря уже о студентах.

ЛЮБОВЬ ВЛАДИМИРОВНА ЗЛАТОУСТОВА

- Родилась в г. Чистополь (ТАССР).
- В 1948 г. закончила Казанский государственный университет; продолжила обучение в аспирантуре Ленинградского государственного университета.
- В 1953 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 1970 г. – докторскую диссертацию «Фонетические единицы русской речи».
- С 1964 г. – преподаватель филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (проработала на факультете около 50 лет).
- Член Международной комиссии по фонетике и фонологии, Президиума Всероссийского Акустического общества, Комиссии по фонетике и фонологии при РАН; член специализированных советов по теоретической и прикладной лингвистике.
- Член редколлегии реферативного журнала «Общественные науки в России» (серия «Языкознание»).
- Автор более 200 научных работ, в том числе шести монографий.
- Основные работы: «Фонетическая структура слова в потоке речи» (1962), «Фонетические единицы русской речи» (1981), «Русская просодия в стихе и пении» (2002).
- Награждена медалью «Ветеран труда», удостоена нагрудного знака Минвуза СССР «За отличные успехи в работе» и почетного звания «Заслуженный профессор МГУ».

ИРИНА ЕФИМЕНКО О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Любовь Владимировна Златоустова:
Вкус к науке и жизни

Отделение теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, широко известный – и не только в узких кругах, – фактически легендарный ОТиПЛ, где мне посчастливилось провести несколько лет своей жизни, богато замечательными, без преувеличения великими учителями во главе с удивительным человеком, солнцем отечественной лингвистики – Александром Евгеньевичем Кибриком. Недавно его не стало, но за много лет своего «правления» он, всегда знавший каждого из нас по имени, сделал для отделения столько, что эти два образа – ОТиПЛ и Кибрик – останутся неразрывно связанными, наверное, навсегда.

Среди таких чудесных учителей была и Любовь Владимировна. Она вела у нас один из обязательных предметов, фонетику, но познакомились мы с ней до этого. В самом начале первого курса, когда было еще в общем-то не положено посещать спецсеминары, мне рассказали о некоем предмете с загадочным названием – лингвокриминалистика.

Название интриговало, и мы пошли посмотреть, что же это такое. Курс оказался очень интересным, еще более интересным – преподаватель.

Несмотря на силу притяжения Любви Владимировны, в силу описанных выше особенностей ОТиПла это был не простой выбор. Тем не менее однажды я попросила Любовь Владимировну быть моим научным руководителем – сначала курсовой, затем диплома, диссертации... А криминалистическая тема увлекла настолько, что на третьем курсе я пошла параллельно учиться на юридический факультет МГУ, а затем попала на практику в Экспертно-криминалистический центр МВД.

Любовь и Машка

«...И тогда я подплыла к Машке и сказала: “Маша, зачем тебе гидрофон? Смотри, какая у меня есть красивая ленточка. Давай я отдам тебе ленточку, а ты отдашь мне гидрофон”. Машка описала вокруг меня несколько кругов, затем подплыла, отдала гидрофон (мы все с облегчением вздохнули, поскольку этот прибор стоил огромных денег), забрала у меня ленточку и уплыла...»

Любовь Владимировна улыбается, вспоминая истории о своей работе с боевыми дельфинами, «речь» которых она изучала много лет, а мы слушаем, раскрыв рот. Дельфины – это не как другие животные, которые работают «за награду». Дельфины выполняют то, о чем их просят, поскольку это challenge, потому что им интересно суметь сделать правильно. И как только они понимают, что выполнили все как надо, им становится скучно. А ученым нужна статистика, и они пытаются заставить дельфина работать снова и снова. Это и рассердило Машку, которая решила покончить с занудством своих коллег-людей и просто отгрызла гидрофон, тем самым лишив исследователей основного инструмента.

Брокгауз и Ефрон

С ней всегда было увлекательно разговаривать, и не только на профессиональные темы. Однажды она рассказала, как в самом что ни на есть юном возрасте они со старшим братом осваивали «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона – можно сказать, учились по нему читать. Тайком «выкрадывали» его в родительском книжном шкафу и изучали. Не здесь ли истоки ее разносторонности и энциклопедизма? Любовь Владимировна рассказывала нам о своей семье: ее мать была филологом, а отец возглавлял работу по ликвидации безграмотности в ТАССР, преподавал в Казанском государственном университете, а затем был руководителем отдела электрификации Госплана Татарстана. Помню, мы обсуждали на занятиях, как мало в Москве осталось коренных, в нескольких поколениях, москвичей. По заданию Любви Владимировны я специально отправлялась в Замоскворечье, чтобы искать их, записывать их речь и изучать ее особенности. А когда потом меня спрашивали, знакома ли я лично с кем-то из тех самых «настоящих», с кем-то из старой московской интеллигенции, я всегда уверенно отвечала: да, с Любовью Владимировной Златоустовой. И лишь потом вспоминала, что родилась она в Чистополе, а заканчивала Казанский государственный университет.

Лыжи и Волга

«Ира, хочу с вами посоветоваться. Еду в профилакторий, вот думаю: лыжи с собой брать или там дадут? Ой, смотрите, а как вам моя новая юбка?» В свои восемьдесят с небольшим Любовь Владимировна, как всегда, хороша собой. Стильная укладка, легкий макияж – и, конечно, куда же без каблучков? Все это подобрано так, что вместе производит замечательное впечатление достоинства и элегантности. Понятию «интеллигент» (видимо, речь идет как о московских, так и об остальных) словарь Ушакова забавным образом дает, среди прочего, такое толкование: «Человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями». Определение спорное, во всяком случае для нее. Сильная, мужественная, полная оптимизма (несмотря на то что часто у нее и ее близких жизнь складывалась очень и очень непросто), в юности она переплывала Волгу.

Святые и грешники

В роду у Златоустовых фактически все обладали или талантом к живописи, или слухом, близким к абсолютному, или и тем и другим. Остальные таланты носили более индивидуальный характер. А в жизни все это воплощалось очень по-разному, но всегда небанально. Так, брат Любви Владимировны был известным специалистом по авиации, заведовал кафедрой в КАИ, а позже принял постриг и стал игуменом Раифского монастыря под Казанью. Он пишет иконы, прекрасно разбирается в музыке самых разных направлений и жанров и является одним из основателей детского приюта при монастыре. Там кроме основ православия преподают дисциплины естественного и гуманитарного цикла, информатику, проводят музыкальные вечера. В 2006 г. впервые за всю историю обители было совершено пострижение в схиму, и одним из схимников стал игумен Филарет (с этого момента – Сергей) Златоустов. Не так давно, во время одной из конференций в Казани, нам с коллегами удалось разыскать его в монастыре.

Он принял нас очень тепло, несмотря на то что визит был неожиданным. И несмотря на свой почтенный возраст: ведь схиигумен Златоустов – старший брат профессора Златоустовой. Но какой это был живой, молодой, светлый взгляд, какая прекрасная беседа...

Таланты Любви Владимировны реализовались в ее выдающихся достижениях в акустической и перцептивной фонетике, сопоставительной фонетике языков разного строя, изучении эмоций в звучащей речи, фонетике певческой речи, автоматическом распознавании и лингвистической экспертизе речи, разработке компьютерных учебников. Она стала первооткрывателем целого ряда направлений в современной лингвистике, в частности одним из основателей лингвистической криминалистики. Благодаря ее энергии в МГУ были созданы лаборатория фонетики и речевой коммуникации, уникальное отделение лингвокриминалистики. Любовь Владимировна участвовала в роли эксперта в немалом количестве реальных судебных дел. О некоторых из них она рассказывала нам, о других говорить было неуместно. Осваивая просторы лингвистической криминалистики, мы, ее ученики, тоже сталкивались с самыми различными ситуациями. Помню, как быстро я убежала от одного из своих «информантов», когда собирала материал для базы звучащей русской речи...

Фундамент и здание

Конечно, у нас был коллектив, свое сообщество, в которое входили, с одной стороны, студенты и аспиранты ОТиПЛа, а иногда и других отделений и факультетов МГУ, с другой – «внешние» люди, например эксперты-практики, часто тоже бывшие ученики Любви Владимировны. Но для меня это были прежде всего личные отношения. Она всегда предоставляла нам значительную свободу и в выборе тем исследования, и в реализации задуманного. Защитив диплом по проблеме идентификации диктора в случае аппаратурных искажений голоса и поступив в аспирантуру с темой, посвященной

исследованию просодии, уже в первый год я радикально поменяла ее на «Модель времени в системах извлечения информации из письменного дискурса», и с тех пор область моих интересов связана с семантическими технологиями, инженерией знаний, информационно-аналитическими системами. Несмотря на то что эта сфера не относилась к основным научным интересам Любви Владимировны, ее советы и мягкая, ненавязчивая манера руководства были незаменимы и здесь.

Так от изучения базового уровня языковой структуры, фонетики, я перешла к исследованиям и разработкам в области семантики, прагматики, дискурса. И «за пределами» лингвистики. В общем, это очень в стиле Любви Владимировны: ее семинары всегда были посвящены исследованиям на стыке наук. Здесь были и лингвистика, и физика, и юриспруденция.

Но лингвистическая криминалистика осталась первой любовью. Как и зажигательная, многогранная Любовь Владимировна, которой, увы, уже нет в этом мире. Как ее улыбка. Как ее элегантность и интеллектуальный аристократизм. Для всех, кого она воспитала, для ее учеников и коллег, она навсегда останется человеком, полным жизни. Благодаря ее семинарам, ее рассказам «о разном», знакомству – через нее – со специалистами-практиками многие из нас впервые ощутили вкус к науке, к прикладным, междисциплинарным исследованиям, пришли к осознанию того, что научная деятельность может быть вписана в общий контекст жизни, что она не должна быть оторвана от остального, так же, как (вспомним игумена Филарета) «нельзя быть христианином только по воскресеньям».

Это, пожалуй, и есть то главное, чему мы учимся у наших учителей. Меняется жизнь, мы приходим в новые университеты, которые становятся любимыми, трансформируются области научных интересов, но первая любовь, на которой строится здание последующей судьбы, остается.

Как основа всего. Как фонетика для лингвистики.

АСКОЛЬД ГЕОРГИЕВИЧ ХОВАНСКИЙ

- Родился в Москве.
- В 1970 г. окончил механико-математический факультет МГУ по специальности «Математика».
- В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию «О представимости функций в квадратурах» (руководитель – В.И. Арнольд), в 1988 г. – докторскую диссертацию «Многогранники Ньютона и малочлены».
- В 1973–1976 гг. – младший научный сотрудник Института прикладной математики АН СССР.
- Сотрудник Института системного анализа РАН (с 1976 г.).
- Один из создателей, профессор Независимого московского университета (с 1991 г.).
- Профессор Университета Торонто (с 1995 г.).
- Член правления Московского математического общества, член Попечительского совета Московского центра непрерывного математического образования.
- Член редколлегии журналов «Успехи математических наук», «Moscow Mathematical Journal» и «Functional Analysis and Other Mathematics».
- Автор более 130 публикаций по чистой и прикладной математике.
- Основные работы: «Малочлены» (1997), «Теория Галуа, накрытия и римановы поверхности» (2007), «Топологическая теория Галуа. Разрешимость и неразрешимость уравнений в конечном виде» (2008).

ВЛАДЛЕН ТИМОРИН

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Аскольд Георгиевич Хованский: Идеальный математик

Аскольд Георгиевич Хованский для меня не просто научный руководитель. Он воплощает мой идеал математика. Конечно, есть некоторые аспекты человеческой деятельности, в которых он не идеален. Но он идеален как математик. Он говорит о науке с заразительным увлечением – дух захватывает. Есть люди, которые занимаются математикой лишь потому, что не могут без этого жить. И всем, кто видит Хованского, с первого взгляда становится ясно, что он принадлежит к числу таких людей. Он не устает восхищаться красотой математики. Это восхищение выражается жестами, мимикой, этим восхищением наполнено каждое его слово.

Во всем дойти до самой сути

Будучи студентом МГУ, по вечерам я учился в Независимом московском университете, где впервые и встретил Хованского. Там небольшое число сильных студентов общались почти индивидуально с преподавателями, среди

которых были довольно знаменитые математики. Хованский вел анализ, но лекций почти не было – были беседы и обсуждение задач. Задачи были несложные, но они, как по ступенькам, вели к глубоким результатам. Я довольно скоро понял, что хочу стать учеником Аскольда Георгиевича. Начал с ним заниматься. Мы беседовали часами, я ездил к нему на дачу с ночевками. Огромная часть того, что я понимаю в математике, пришла именно из этих бесед. Они были гораздо полезней, чем книги или даже лекции, потому что в книгах и на лекциях объясняют теоремы и доказательства, в которых много шелухи, а Хованский объяснял только самую суть. Именно так я по-настоящему понял многое из того, что давно уже считал пройденным. К сожалению, современное изложение математики часто устроено так: строится теория, оптимизированная по количеству слов. Сначала вводятся определения, потом доказываются десятки утверждений, из которых одно или два – в сотни и тысячи раз глубже остальных. Но это незаметно. Их доказательства столь же коротки, как и доказательства остальных утверждений, так как ключевые идеи, гениальные догадки математиков прошлого введены вместе с определениями на том этапе, когда их глубину невозможно оценить.

Я думал, что понимаю эти доказательства, а на самом деле даже не понимал, в каких местах доказательств кроются ключевые идеи. Аскольд Георгиевич научил меня копать глубже, отличать настоящее, глубокое понимание от поверхностного.

Мы активно общались зимой и летом, а остальное время Хованский был в Торонто, а я в Москве. Дело в том, что, как раз тогда, когда я стал учеником Аскольда Георгиевича, Университет Торонто предложил ему постоянную профессорскую позицию, которая, в отличие от предыдущих контрактов, обязывала его проводить оба семестра там. Впрочем, каждый семестр длился по три месяца, и так получалось, что в сумме Хованский проводил столько же времени в Москве, сколько и в Торонто. Аскольд Георгиевич предложил, чтобы я по окончании мехмата поступил в аспирантуру Университета Торонто, на что я согласился без колебаний. Пока же мы работали неформально. Будь то у него дома или на даче, мы обсуждали математику и за письменным столом, и за обеденным, и во время прогулок.

Князья и математики

Разговоры велись не только о математике. Я услышал множество увлекательных историй о князьях Хованских, родственниках Аскольда Георгиевича, тех самых, про которых «Хованщина». Аскольд – прямой потомок князя литовского Гедимина, эта прямая мужская линия включает зятя Дмитрия Донского и идет через плеяду замечательных персонажей российской истории. В «Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской Империи» (1798) герб князей Хованских указан самым первым. Правда, в те времена Гедимин считался прямым потомком Рюрика. Я сам увлекся математикой с детства – мой папа решал со мной занимательные задачи. Но мои родители и все родственники, которых я знаю (впрочем, я мало кого знаю из своих дальних родственников, не то что Аскольд Георгиевич), не занимаются наукой. Поэтому мне было очень интересно наблюдать большую, по моим меркам просто огромную, семью,

да еще почти целиком состоящую из математиков. И знаменитый Александр Михайлович Ляпунов, автор «устойчивости по Ляпунову», и Алексей Андреевич Ляпунов, основоположник советской кибернетики, – предки Аскольда по матери. Отец Аскольда, Георгий Сергеевич Хованский, занимался номографией, геометрическим разделом прикладной математики, игравшим важную роль в середине прошлого века. Я познакомился с дочерью Аскольда Георгиевича и его зятем, их маленькими детишками Саней и Петей. Вся большая семья воспринимала меня как своего.

Интересно отметить, на примере этой семьи, притягательную силу Вышки: дочь Аскольда, Ирина Хованская, уже много лет работает на общеуниверситетской кафедре математики, а в настоящее время преподает в совместном бакалавриате РЭШ и НИУ ВШЭ. Саня Пушкарь, дочь Ирины и внучка Аскольда Георгиевича, защитила в прошлом году диплом на факультете математики под моим руководством. Петя Пушкарь-младший заканчивает бакалавриат в этом году, тоже работает со мной. Петр Пушкарь-старший, отец Сани и Пети, – мой коллега по факультету. Сам Аскольд Георгиевич приезжал к нам на факультет и прочел интенсивный курс. Хотя он и не работает в Вышке, он очень тесно с нами связан.

Торонто

В аспирантуре Университета Торонто я проучился четыре года. В течение первого года в Торонто Аскольд Георгиевич мне очень помогал, а когда я заболел (подхватил воспаление легких из-за центральной системы кондиционирования аспирантского общежития), насильно перевез меня к себе домой и ухаживал за мной. Мне было тяжело в новой обстановке, я впервые жил один. На второй год моя любимая девушка стала моей женой и приехала в Торонто, стала учиться в аспирантуре, как и я (она тоже математик). Мы сняли квартиру в специальном общежитии для семейных аспирантов, принадлежавшем университету. На эти квартиры большая очередь, но я ее занял еще примерно за год до этого.

Торонто – прекрасный город. В нем живут веселые и дружелюбные люди всех рас и национальностей, в нем говорят на всех языках, но все друг друга понимают, и здесь никогда не чувствуешь себя чужим. Наше общение находилось на пересечении двух главных улиц города. Под окнами проходил ежегодный Торонтский кинофестиваль, и мы смотрели на кинозвезд с высоты двадцатого этажа. Из этих же окон открывался захватывающий вид на небоскребы. Из неприятного: когда побеждала хоккейная команда Maple Leaves, заснуть было невозможно.

В Университете Торонто Хованский вел научный семинар. Семинар небольшой по числу участников, большинство из которых – ученики Аскольда Георгиевича. Мы обсуждали интересные задачи, делились идеями и свежими результатами, иногда просто что-то изучали. Мы занимались проблемами из разных областей математики и при этом активно интересовались не только своей областью, но и всем, чем были заняты остальные участники. Семинар существует и сейчас, он постоянно пополняется молодыми участниками.

Еще в Москве я написал несколько работ про геометрию и комбинаторику выпуклых многогранников. Аскольда Георгиевича эти сюжеты интересовали в связи с теорией многогранников Ньютона. Теория многогранников Ньютона, в значительной степени разработанная Хованским, устанавливает замечательные связи между алгебраической геометрией и выпуклой геометрией. Эти связи полезны для обеих областей. В Торонто я заинтересовался совсем другим сюжетом – геометрической задачей про окружности и прямые в многомерных пространствах (кстати, этот сюжет идейно связан с работами Г.С. Хованского, отца Аскольда Георгиевича). Я решил заняться этим сюжетом. В результате по окончании аспирантуры у меня было два цикла работ. Торонтский цикл я защитил как диссертацию в Торонто, а московский цикл – как кандидатскую диссертацию в Москве.

Все гениальное просто

Я не буду перечислять те направления математики, в которых вклад Хованского заметен, и уж тем более не буду формулировать его результаты. Но расскажу про некоторые их общие свойства. Главное свойство – простота. Хованский никогда не останавливается на первом найденном доказательстве, потому что придумать какое-нибудь доказательство – еще не значит до конца понять, что происходит. Когда же полное понимание достигнуто, все становится почти очевидным. В нашем мире далеко не каждый математик может позволить себе доводить свои результаты до очевидности. Во-первых, на это тратится время. Во-вторых, читатели могут не оценить глубину результата. Так часто и происходит – о глубине результата судят по технической сложности доказательства. В-третьих, это уменьшает число публикаций. Если сначала все продумать до самой сути, а потом записать, то получится не десять статей, а одна. Но только такие работы могут пережить века.

«Простота» и «наглядность» часто воспринимаются как синонимы, но они могут иметь разную природу. Логическая простота связана со словесным описанием, а геометрическая простота, наглядность – со зрительным образом. Простой зрительный образ не всегда бывает легко описать словами. Во всех работах Хованского зрительный образ играет важную роль.

В любой профессии, как говорит Аскольд Георгиевич, важно делать свое дело хорошо. Только в этом случае оно приносит удовлетворение и радость. Конечно, всегда можно схалтурить, но вот только удовольствия от этого не получишь! Аскольду Георгиевичу занятия математикой всегда приносили и приносят огромное удовольствие.

Недавно прошла конференция, посвященная 65-летию Аскольда Георгиевича Хованского. Конференция называлась «Алгебра и геометрия», причем оба предмета понимались в самом широком смысле. Более узко интересы Аскольда Георгиевича описать нельзя.

ИГОРЬ АПОЛЛОНИЕВИЧ ЧЕРНОВ

- Родился в г. Тарту.
- В 1966 г. окончил Отделение русского языка и литературы Института славяноведения (Москва).
- В 1975 г. защитил под руководством Ю.М. Лотмана кандидатскую диссертацию «Литературная культура русского барокко (пути и методы изучения)».
- 1988–1991 гг. – заведующий Отделом литературы Института языка и литературы Эстонской Академии наук.
- 1992–1997 гг.- заведующий Отделением семиотики, ординарный профессор (с 1992 г.) Тартуского университета.
- 1964–1974 гг. – участник и организатор летних школ по вторичным моделирующим системам.
- 1964–1992 гг. – член редколлегии издания «Труды по знаковым системам».
- Автор новаторской концепции русского барокко, изложенной в кандидатской диссертации (1975) и спецкурсе «Из лекций по теоретическому литературоведению» (1976).
- Автор курсов по теории литературы и фольклора, семиотике интерпретации.

ЯН ЛЕВЧЕНКО О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Игорь Аполлониевич Чернов: Сын Аполлония, тартуская энигма

(Не)далеко от Москвы

Точно не помню, откуда взялась идея поступать на журфак МГУ, но классу к десятому я уже усвоил совет набирать публикации для творческого конкурса. О его существовании я услышал в гостях у школьного друга, чей отец работал в «Советской Эстонии» и когда-то дружил с Сергеем Довлатовым. Я писал о слете школьных военруков, наборе в ПТУ и местных русскоязычных рок-группах, которые, конечно, бесконечно уступали эстонцам в технике, но идейно равнялись на андеграунд соседнего Ленинграда. Завуч по внеклассной работе, могучая брюнетка с офицерским званием, пару раз намекала, что надо бы вступить в комсомол. Иначе было не попасть в республиканскую квоту, а на общих основаниях я отсеивался уже по среднему баллу аттестата. Проблема сама собой решилась, когда в последнем классе я начал заниматься у репетитора по русскому языку и литературе. Ее звали Ирина Григорьевна Эрбсен, она была накоротке с Зарой Григорьевной Минц,

профессором Тартуского университета и женой Юрия Михайловича Лотмана, о котором я также ничего не знал. Ирина высмеяла «никчемное» журналистское образование. «Оно захотело столичной карьеры! – Ее голос а-ля Фаина Раневская разносился, как из матюгальника. – И это когда рядом процветает ведущая филологическая школа нашей страны!» Я плохо понимал, что значит «филологическая» и конфузился. Выбор был сделан. Отец расстроился. Мать, напротив, приободрилась: ведь Тарту – это все-таки наша маленькая Эстония, а не чужая огромная Россия!

Воспитание научных интересов

Ирина выдрессировала меня, дай бог каждому. Я поступил с максимальным баллом. Аттестат с шестью тройками был прочно забыт. Начинались новые либеральные времена. Их яркими свидетельствами были концерт Jethro Tull на Певческом поле в Таллинне и отмена выезда на картошку, путч в Москве и бетонные глыбы вокруг здания эстонского радио, новое тартуское пиво «Александр» и провозглашение независимой республики.

Август 1991 г. был безумным. Начало занятий на его фоне как-то смазлось. Необходимость партизанить в общежитии, где не было мест, антисанитария, жирные клопы, отвратительная еда в столовой «Темпо» и угроза банкротства после первой пьянки – не помню, как я из этого выпутался. Античную литературу читал доцент Унт (все звали его «Полярный»), обнаруживая невинный шовинизм), введение в литературоведение – Роман Лейбов, уже культовый препод, но еще не отец Рунета, фольклор – Игорь Аполлониевич Чернов. Он тут же запомнился диким отчеством, сиплым голосом, алым пиджаком и подкупающей бесцеремонностью. «Вот это что? – интересовался он, схватив за ожерелье девицу с первой парты. – Это культура?» Леви-Брюль и Леви-Стросс, Малиновский и Мосс... Читали, впрочем, «Нечистую силу» Максимова как самую понятную. К чему все это было? Я и сейчас не знаю, кому была адресована культурная антропология на первом курсе традиционного филфака. Меня как человека поверхностного завораживал артистизм Аполонича, его мощный юмор и амплитуда мгновенных реакций. Вдобавок он страшно пил, что в моих тогдашних наивных глазах прибавляло демонизма.

Когда речь зашла о том, к кому идти в семинар, сомнений не было. Мне хотелось писать о том, что я любил и, как хотелось надеяться, неплохо знал. «Я буду писать курсовую работу о роке...» – пискнул я на первой встрече. «Кто это – Рокке?» – важно переспросил Аполонич. Я смешался. С музыкой как объектом исследования было покончено. Аполонич не был каким-то мракобесом, он цитировал на лекциях битлов и носил ботинки с металлическими бляхами, что для советского доцента со знанием английского даже в либеральной Эстонии было весьма. Но я смутно представлял себе, как описывать рок-культуру, а мой будущий руководитель как раз набирал семинар по составлению словаря Тартуско-московской семиотической школы. Мне достались разделы «Общие проблемы семиотического описания» и «Семиотика культуры». Вскоре я понял, что это главные темы словаря, а еще через какое-то время остался один в проекте, о чем позже.

Роман с семиотикой

Словарь был шансом Аполонича войти в историю. Вся жизнь он был в тени своего великого учителя – Юрия Михайловича Лотмана: помогал в организации первых летних школ по семиотике; переводил американские книжки из спецхрана, чтобы с ними мог работать германоязычный учитель; урывками писал о случайных вещах от издательства «Алконост» до семиотики запретов; защитил диссертацию по русскому барокко, но много этой темой не занимался; выпустил крамольную, на вкус 1970-х, подборку русских формалистов с тезаурусом их основных понятий, но продолжать дело не стал, хотя на обложке хрестоматии было заявлено: «Часть первая». За всем этим стояла глубокая личная драма, анализировать которую я не имею ни желания, ни сколько-нибудь веских оснований. Это безошибочно чувствовалось, случайно проговаривалось во внешне пустяковых замечаниях, внезапно осевшей фигуре и рассеянном взгляде, в ауре глубокого одиночества, которая сопровождала моего наставника с его прекрасным портфелем, вальяжным плащом, элегантными очками. Первые два года Аполонич смотрел мимо, даже если я что-то пытался говорить. На четвертом курсе я по техническим причинам перешел к другому руководителю, которая сделала для меня гораздо больше, чем Аполонич. Он оставался моим кумиром, а мы продолжали делать словарь, хотя всем было понятно, что затея, мягко говоря, непродуманная. Я порядком начал исследований по терминологической лексикографии и все более убеждался в том, что мы движемся вслепую. Идея Аполонича заключалась в том, чтобы извлечь из корпуса опубликованных в Тарту 25 томов «Трудов по знаковым системам» термины с авторскими дефинициями. Он хорошо понимал, что после безвременной смерти Лотмана в 1993 г. тартуская гуманитарная среда вступает в новый период своего бытования. Словарь должен был закрыть эпоху, обозначив переход к новому времени. Но для закрытия не было ни концептуальных, ни человеческих ресурсов.

Основанная по инициативе самого Лотмана кафедра семиотики оказалась в «контрах» с кафедрой русской литературы. Неразличимость истории русской культуры и семиотики в биографии основателя изначально ставила под сомнение

необходимость отдельной институции. Литераторы не скрывали иронии, ведь на новую кафедру ушли те, кто всю жизнь занимался теорией литературы, окончательно дискредитировавшей себя в советские годы. Лотман умер, а кто эти люди? Они такие же, как мы, просто увлеклись посторонними вещами. Настоящее дело – эмиграция в XIX в., как завещал нам Юрий Михайлович своими «Беседами о русской культуре»! Между тем амбиции Аполонича были очевидны: оторваться от харизмы учителя, и если не реализовать самому, то дать такую возможность другим. Преподавать на эстонском, сменить место, имидж и, если получится, методологию. Копировальные машины, факсимильные аппараты, солидные лампы и дорожные комплекты энциклопедического словаря по семиотике под редакцией Томаса Альберта Себеока были куплены под залог памяти о Лотмане, чьим дистрибьютором оказался он, Аполонич. «Это все потому, что я такой charming», – говорил заведующий новой кафедрой, любовно похлопывая только что распакованную кофеварку.

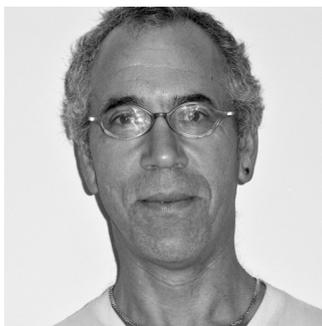
Мои однокурсники, работавшие над словарем, защитили свои дипломы и стерлись с горизонта. Одну я встретил за тасованием карточек в музее эстонской литературы, другой был случайно запеленгован на рубеже столетий в Твери в качестве работника пивного завода «Афанасий». Я учился в магистратуре и начинал заниматься формалистами. Все материалы к словарю разной степени убогости скопились у меня, чтобы выйти наконец в 1999 г., когда Аполонич уже не работал в Тарту, проиграв конкурс на заведование кафедрой. Все было, наверное, справедливо. Он давно ничего не писал. До своего отъезда в новую жизнь, которая продолжается до сих пор недалеко от Эстонии, мой учитель успел устроить в 1995 г. Летнюю школу молодого семиотика, на которой я познакомился с антропологом Ильей Утехиным, впоследствии профессором Европейского университета в Санкт-Петербурге. Его влияние на меня, как и мою к нему благодарность, невозможно измерить. В 1996 г. я поехал к нему в гости, а заодно на студенческую конференцию, где познакомился со своей первой женой. Аполонич сказал, что уезжать пока рано. «Поживите вдвоем в Тарту – там видно будет». Понимая легкомысленность своего прогноза, Аполонич вписал меня в грант на издание словаря и ежемесячно выдавал доллары.

На фоне ранней смерти отца и вечного безденежья мне до слез памятен электрочайник, купленный на первые грантовые деньги.

Прочь от истории

В 1997 г., который оказался последним благополучным годом Аполонича-начальника, мы поехали большим кагалом в Иматру на семиотический конгресс. Там я впервые узнал, что являюсь «мистером Левиценко», могу плавать в озере Сайма с классиком венгерской семиотики Вильможем Фойтом, а за обедом – нагло подсесть к немецкому профессору Оге Ханзену-Леве, чью книгу жутких размеров благоговейно цитировал в нескольких местах магистерской работы. Аполонич советовал: «Вы напрасно не берете ничего с собой в номер. У них же до фига остается!» Колумбийские коллеги, надо сказать, меньше парились и носили с собой на обед пакеты с логотипом супермаркета «Призма», которые потом бугрились и подтекали на секционных заседаниях. Свой первый доклад на английском языке я правил вместе с учителем в его номере прямо над гранитным руслом знаменитого водопада. «Скажите еще раз ‘towards’! – кипятился Аполонич. – Вас никто не поймет, это не советская школа!»

Через год мы виделись в последний раз, долго гуляли по ветреной Площади Свободы недалеко от его таллиннской квартиры, пили кофе в бывшем кафе «Москва» в доме (бывшего?) Союза художников. Аполонич говорил, что ни на кого не держит зла и рад расстаться с кафедрой. Вряд ли он мог просить меня о чем-то, но я понял, что словарь надо издавать. В итоге мне навязали соавтора, не имевшего к делу никакого отношения, и мне стыдно перед учителем. Почему я все еще зову его так? Он научил меня не относиться всерьез к самому себе. Вероятно, это препятствует подлинным прорывам, но и предохраняет от пошлости. Он научил меня смеяться, чтобы не расплакаться, потому что мир этого не оценит. А еще я твердо знаю, что жизнь больше и важнее науки. Аполонич сказал меньше, чем мог. Он позволил себе расхотеть. И мне безразлично, жалеет ли он об этом. Ведь тайна – она важнее успеха.

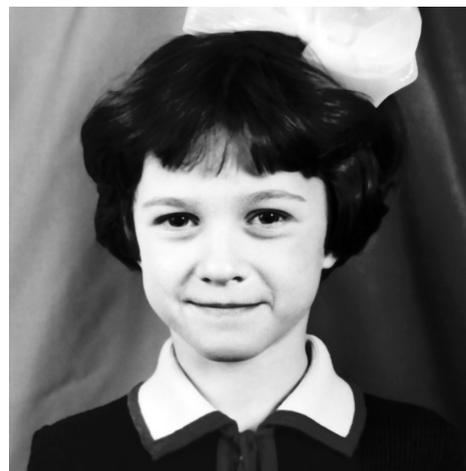

РАССЕЛ КУПЕР
RUSSELL W. COOPER

- Родился в 1955 г.
- В 1982 г. получил степень PhD по экономике (Университет Пенсильвании), защитив диссертацию «Сочинения по экономике асимметричной информации» под руководством Костаса Азариадиса (Costas Azariadis).
- 1982–1985 гг. – сотрудник Йельского университета.
- 2009–2011 гг. – профессор Техасского университета в г. Остин (University of Texas at Austin).
- В разные годы был приглашенным профессором университетов Бостона (Boston University), Айовы (University of Iowa) и других университетов мира.
- Профессор Института Европейского университета (European University Institute) во Флоренции.
- Профессор Пенсильванского государственного университета (Pennsylvania State University).
- Автор более 140 публикаций, в том числе на пяти иностранных языках.
- Основные работы: «Coordination Games: Complementarities and Macroeconomics» (1998), «Dynamic Economics: Quantitative Methods and Applications» (в соавторстве с Джеромом Абба, 2003).

АННА ЮРКО

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Рассел Купер: Ученый, учитель, энтузиаст и немного хиппи

Почему Купер?

Мое обучение по программе PhD по экономике в Техасском университете в г. Остине началось в августе 2003 г. За несколько месяцев до этого Расселу Куперу, в то время профессору экономики в Бостонском университете, предложили должность профессора и декана факультета экономики в Университете Остина. Купер принял это предложение и поменял холодный Бостон на солнечный Остин. Это решение изменило не только его жизнь, но и мою, а также жизнь еще нескольких десятков студентов программы PhD, период обучения которых совпал со временем его пребывания в Остине.

Как известно, для достижения успеха в творческой сфере деятельности требуются огромная любовь к своему делу и меньших размеров трудолюбие. У Купера они есть. Его любовь к экономике, к любым темам и вопросам, связанным с ней, и неизменная готовность их обсуждать – первое, что приходит мне в голову при упоминании его имени.

Второе – хипповатый вид и увлечение велоспортом. Меня и моих соучеников привлекли под крыло научного руководства Купера его энтузиазм и отношение к экономике как богатому инструментарию для познания мира. Мое первое знакомство с Купером состоялось на его лекциях по макроэкономике. До этого времени макроэкономика не была в списке моих любимых областей, я планировала стать микроэкономистом и специализироваться в области поведенческой экономики. Но Купер не только талантливый ученый, но и прекрасный преподаватель. В его изложении макроэкономика оказалась самым интересным предметом, а сложности инструментария и монументальность задач – творческими вызовами.

Ученый и организатор

Большинство научных работ Рассела Купера посвящены макроэкономическим темам. В его последних статьях исследуются проблемы регионального долга в монетарных союзах и фискальных объединениях, влияние издержек по изменению количества факторов производства на агрегированные экономические показатели.

Но он принадлежит к довольно редкой породе экономистов, которые в списке своих научных интересов указывают макроэкономику рядом с теорией отраслевых рынков. Купер вообще не видит большого смысла в проведении жестких границ между макро- и микроэкономическими исследованиями. Его научный подход заключается в постановке интересного вопроса, формулировке задачи и выборе наиболее подходящего инструмента из всего арсенала профессионального экономиста, микро или макро, для поиска решения. Вопрос, получение нового знания – первичны, а как экономист он очень любопытен и на протяжении своей длинной карьеры интересовался множеством вопросов как из области микроэкономики, так и из области макроэкономики. В обширном списке его научных работ есть статья о том, как программа выплаты субсидий владельцам старых автомобилей на утилизацию их машин и покупку новых влияет на продажи новых автомобилей в краткосрочном и долгосрочном периоде. Его более ранние работы посвящены проблемам ценообразования и выбора качества товаров в условиях асимметричной информации. Купер писал о страховых контрактах и товарных гарантиях. Он написал несколько статей и книгу по координационным играм и их приложениям в макроэкономике. Студенты ведущих программ PhD по экономике изучают динамические структурные эконометрические модели по его книге «Dynamic Economics: Quantitative Methods and Applications», написанной в соавторстве с Джеромом Адда (Jerome Adda). А с недавнего времени (с 2011 г.) у студентов бакалаврских программ появилась возможность изучать основы экономики по учебникам Купера и Эндрю Джона (Andrew John) «Микроэкономика: теория через приложения» и «Макроэкономика: теория через приложения».

В Остине Купер собрал команду экономистов со схожими профессиональными ценностями и интересами. На решение Купера переехать в Остин, несомненно, повлияло то, что незадолго до этого там начал работать его друг и коллега макроэкономист Дин Корбэ (Dean Corbae).

В остинской команде макроэкономистов также уже состоял Бурхан Куруску (Burhan Kuruscu, сейчас профессор в Университете Торонто). Под руководством Купера на работу в Техасский университет были приглашены несколько молодых ученых, в том числе Эухенио Мираветэ (Eugenio J. Miravete), прикладная экономика и промышленная организация), Ким Рул (Kim Ruhl, макроэкономика, сейчас профессор Нью-Йоркского университета), Фати Гувенен (Fatih Guvenen, сейчас профессор Университета Миннесоты) и др. Эти ученые публикуются в ведущих мировых журналах и являются известнейшими специалистами в своих областях. На факультете при Купере сформировалась очень динамичная, активная и интересная команда исследователей и преподавателей. У студентов программы PhD были прекрасные возможности для профессионального роста.

Наставник

На Купера был самый большой спрос как на научного руководителя, и он почти никому не отказывал. В мой выпускной год диссертации защитили чуть больше двадцати докторантов. Примерно у трети он был научным руководителем и еще у трети – членом диссертационной комиссии. Под руководством других профессоров защищались в среднем один-два студента в год. При его активной научной и преподавательской деятельности, огромной административной нагрузке даже трудно представить, что можно еще и продуктивно руководить таким количеством студентов.

С Купером можно было встретиться и поговорить о своей работе два раза в неделю. У него был один приемный час в неделю в его офисе. Еще раз в неделю можно было присоединиться к нему в местном кафе, где он пил свой кофе с 8 до 9 утра. Желających всегда было много, поэтому студенты стали записываться в очередь. В начале каждой недели кто-нибудь вешал на дверь офиса Купера листочек бумаги для самозаписи на прием.

Каждому для общения с Купером отводилось 10–15 минут. Естественно, за советом и помощью можно было обращаться к другим преподавателям и членам своей диссертационной комиссии, чем мы, студенты, активно пользовались. Но и более длительное общение с другими профессорами, как правило, оказывалось менее полезным, чем всего десять минут с Купером. И в этом у него тоже дар: быстро увидеть суть проблемы и направить в нужное русло.

Стиль общения Купера столь же прост и неформален, как и его внешний вид. В жарком Остине и на лекции, и на официальные мероприятия он являлся в футболке, шортах и кроксах. Его почти никто не называет профессором Купером; из всех обращений он предпочитает просто Купер.

Рассел Купер оказал большое влияние на профессиональное развитие и формирование научного мировоззрения у меня и моих однокурсников. Он был преподавателем у всех нас, у большинства – научным руководителем или членом диссертационной комиссии. У многих из нас прежде всего благодаря ему сформировался научный образ мышления, возник интерес к определенным научным областям, к методологии динамического программирования и структурной эконометрики. На базе этой общности у нас, студентов Купера, сложилась своя команда.

Мы проводили мини-семинары, обсуждали работы друг друга и давали советы. Наконец, мы просто дружили. Эта дружба продолжается и сейчас, мы переписываемся и перезваниваемся, держим друг друга в курсе своих дел, скучаем и мечтаем встретиться. Опыт этого общения, совместной работы с коллегами, возможно, самое ценное, что я приобрела в нагрузку к полученным профессиональным знаниям и навыкам, будучи студенткой программы PhD в Остине под руководством Купера. И его я принесла с собой в ВШЭ.

Я охотно кооперируюсь с коллегами для достижения научных результатов, стараюсь перенести сюда тот стиль и принципы отношений, которые так мне импонировали во время обучения в Остине. А в отношениях со студентами я прямо беру пример с Купера, который для меня был и остается учителем – одним из самых главных учителей в моей жизни.

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ МАКАРОВ

- Родился в Москве.
- В 1980 г. окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Математика».
- В 1988 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Асимптотика распределения критерия Колмогорова–Смирнова в случае сложной гипотезы» (научный руководитель – Ю.Н. Тюрин).
- 1986–2005 гг. – сотрудник НИИ механики МГУ им. М.В. Ломоносова.
- 1994–1998 гг. – ответственный разработчик планирования и анализа результатов маркетинговых кампаний для корпорации «Проктер энд Гэмбл», «Нестле».
- Профессор, заведующий кафедрой высшей математики НИУ ВШЭ (с 2006 г.).
- Научный руководитель коммерческой компании «Русская служба оценки» (с 2010 г.).
- Автор множества публикаций, в том числе на английском языке.
- Основные работы: «Преподавание теории вероятностей и статистики в школе по учебному пособию Ю.Н. Тюрина и др.», «Теория вероятностей и статистика» (в соавторстве с И.В. Яценко, Ю.Н. Тюриным и И.Р. Высоцким, 2009), «Сравнительный анализ результатов кластеризации распределений баллов ЕГЭ по математике в регионах РФ в 2009–2010 гг.» (в соавторстве с Г.И. Симоновой, 2011).
- Кандидат в мастера спорта по бадминтону, многократный победитель первенства вузов по бадминтону.

ДЕНИС СТУКАЛ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

**Алексей Алексеевич Макаров:
Улыбающийся математик**

Герой этого рассказа – математик по профессии и философ в жизни, эрудит, хорошо разбирающийся в истории и философии, наконец, замечательный педагог, «обращающийся в математическую веру» многих гуманитариев.

Чеширский Кот

В начале ноября 2005 г. второй курс политологов Высшей школы экономики пришел на первую лекцию по математической статистике. За плечами осталась неведомо для чего сданная теория вероятностей, впереди – еще один математический бастион, волею руководства факультета сооруженный на пути к получению диплома политолога. Если теорию вероятностей мы покоряли под руководством старого доброго наставника, известного нам еще по курсу алгебры и анализа, – Владимира Симховича Самовола, то математическая статистика приготовила нам сюрприз в виде нового преподавателя – Алексея Алексеевича Макарова.

Смена преподавателя в середине курса – это всегда тревожно и ничего радужного не сулит, поэтому в аудитории перед лекцией чувствовалось напряжение.

В здании Вышки в Кочновском проезде прозвенел звонок, и с легким опозданием в аудиторию вошел высокий, спортивного сложения человек с портфелем. Точнее, вошла улыбка, она поздоровалась и начала рассказ о том, что статистика – это наука о государстве и возникла она как учение о правильном принятии управленческих решений. Потом разговор переключился на финансовый кризис 1998 года и научный семинар, организованный в Администрации Президента, но все эти истории были объединены единой нитью: математической статистикой, к изучению которой мы приступали.

Вообще говоря, лекция была странной. Во-первых, математика у многих из нас ассоциировалась с богиней возмездия Немесидой, карающей за нелюбовь к точным наукам. В том же, что рассказывал лектор, никак не удавалось разглядеть угрозы для себя. Он даже слово «дисперсия» (математическое ожидание квадрата разности, безумная абракадабра, заученная в теории вероятностей) произнес как-то мягко и тут же извинился.

Во-вторых, математика – это испытание, которое нужно выдержать для получения диплома: применять мы ее не будем, но сдать нужно. Мы все это знали, поэтому не очень ожидали, что нас будут убеждать в полезности получаемых знаний. А тут нестрашная и, кажется, полезная математика – полная неожиданность!

После лекции ко мне подошел одногруппник: «Интересные истории он рассказывал. Кто он такой?» – «Алексей Алексеевич Макаров, доцент кафедры высшей математики, – ответил я. – Больше ничего не знаю. Поживем – увидим». Тогда я еще не знал, что из-за этого человека через пять лет буду устраиваться на работу на кафедру высшей математики.

«Мы все учились понемногу...»

С момента успешного окончания курса математической статистики прошло два года, и я, изрядно уставший от поиска ответа на вопрос о том, где граница между суждением обыденного сознания и научным знанием в политологии, решил заняться укреплением инструментальных навыков. В первую очередь хотелось овладеть методами прикладной статистики, получившими широкое применение в эмпирической политологии. И для начала ничего лучше, чем снова прослушать курс Алексея Алексеевича, запомнившегося мне своей открытостью и общительностью, я не придумал.

Однажды на перемене я признался лектору, что уже четверокурсник, а не второкурсник, и получил от удивленного Алексея Алексеевича (к тому времени уже профессора и заведующего кафедрой) предложение в тот же день поехать с ним в другое здание Вышки на более сложный курс прикладной статистики для магистрантов-психологов. Поездка в метро с Алексеем Алексеевичем сыграла решающую роль в моей дальнейшей профессиональной траектории. Имея за спиной не только мехмат, но и богатый опыт

аналитической работы на различные компании в 90-е годы, Алексей Алексеевич оказался кладезем различных историй о том, как применение статистики позволяет повышать эффективность бизнес-стратегий, влияет на принятие политических решений, предотвращает кризисы и пр. Будучи человеком общительным и обстоятельным, некоторые из этих историй он начал мне рассказывать по дороге на Мясницкую. Но, конечно же, не успел закончить – только подогрел интерес и бросил: «Ладно, как-нибудь потом дорасскажу». Естественно, откладывать окончание истории не хотелось, и после лекции я напросился к нему в спутники по дороге домой. К счастью, оказалось, что нам в одну сторону. За одной историей следовала другая: от проблем принятия решений в условиях неопределенности мы перешли к сложностям производства компакт-дисков, а потом – к истории сталинских репрессий. «Неужели он столько знает?» – подумал тогда я. И решил продолжить совместные поездки в метро.

Четыре месяца подряд раз в неделю мы ездили на метро на занятия и обратно. Сложно не только кратко описать все услышанное мною, но даже перечислить все затронутые в разговорах сюжеты. В какой-то момент мне стало не по себе (он ведь математик, статистик – почему он столько знает по истории и философии?) – я стал пытаться поймать Алексея Алексеевича на незнании хотя бы чего-нибудь. Но потерпел поражение.

В этих поездках в метро и сопровождавших их разговорах проявилось мастерство Макарова-педагога (и даже пропагандиста): он располагал к себе собеседника, поражал его широтой знаний и завершал разговор словами о пользе математики и статистического анализа данных, формируя у слушателя благоговение перед «всемогущей» статистикой. Наши беседы вызвали во мне сначала интерес, а затем искреннее желание учиться у этого человека и стать похожим на него.

Лектор по природе

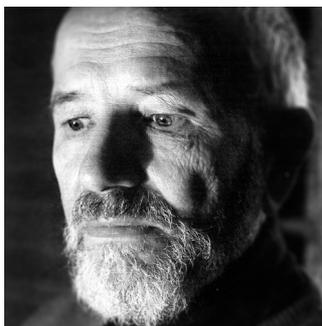
На следующий год Алексей Алексеевич решился на рискованное предприятие: согласился отдать мне, ставшему тогда преподавателем кафедры прикладной политологии, семинары по факультативу для первокурсников «Математика в политологии: введение». Риск состоял в том, что я еще мало понимал в вероятности и статистике (а именно этим сюжетам была посвящена львиная доля курса) и мог самым отчаянным образом провалить курс. Наверное, и провалил бы. По крайней мере я был в этом уверен, когда накануне каждого следующего семинара звонил вечером Алексею Алексеевичу с одним и тем же вопросом: «Откуда это все взялось? Что мне детям-то рассказывать завтра?» И он объяснял! Полчаса, час, полтора... Однажды он мне признался после одного из таких разговоров: «Моя супруга хочет уже на вас посмотреть, Денис».

А через полтора месяца я освоился, стал понимать, что к чему и как вести семинары по математике. Тогда казалось, что меня просто бросили в пруд: плыви! Но это было, конечно, не так: рядом всегда был тренер, подсказывавший, как грести, обстоятельно разъясняющий ошибки и в конце разговора непременно ободрявший: «Ничего, это нормально. Научитесь!»

В тот же год мы решили начать собирать вокруг возглавляемой Алексеем Алексеевичем кафедры высшей математики студентов-политологов, которым интересны количественные методы в социальных науках. Задача была актуальной не только потому, что зарубежная политология существенно математизирована, но и потому, что на самом факультете прикладной политологии в тот момент не было структуры, способной стать центром притяжения «количественников». Так появились Катя Устинова, Рита Камалова, Оля Гаспарян: первая и последняя прописались на кафедре со студенческой скамьи в роли специалистов по учебно-методической работе, Рита просто всегда была рядом под тем предлогом, что Алексей Алексеевич – ее научный руководитель.

Мы редко собирались на какие-либо научные семинары. Чаще это были обычные «случайные» (но так ожидавшиеся и даже готовившиеся нами!) встречи с заведующим на кафедре. Главное было вовремя предложить ему чаю. А разговор начинался сам собой: с последних новостей в мире политики он быстро перекидывался на проблемы прикладной статистики – на те проблемы, которые не принято обсуждать на лекциях и семинарах, о которых стараются умалчивать в аудиторное время «политкорректные» преподаватели. Это было уникальное знание, передававшееся нам по крупицам: в виде ярких примеров из жизни, удачных находок коллег или ошибок, допущенных кем-то в дипломной работе. И Алексей Алексеевич всегда был готов начать с азов, если уровень знаний слушателей оказывался недостаточным для восприятия рассказа. Времени на такие разговоры уходила тьма: однажды Валерия Касамара, в то время первый заместитель декана факультета прикладной политологии, пустила нас для такой беседы в кабинет декана в 10 утра; зайдя снова в час дня, она, к своему удивлению, обнаружила нас там же, распивающих чай и доедающих упаковку печенья; а вот в 3 часа дня, увидев, что не только печенье, но и остатки чая давно закончились, она была вынуждена разогнать нас со словами: «Да вы шестой час тут чай пьете!» Да, у этих разговоров были свои издержки, но так на факультете прикладной политологии формировалась школа Макарова: школа, перековывавшая вчерашних гуманитариев в специалистов по статистическому анализу данных.

Сегодня мы подросли, стали читать свои собственные курсы, спорить с учителем о том, как правильно преподавать и ставить оценки, возмущаться его непонятливостью и нежеланием признать нашу правоту... А он все так же улыбается и говорит: «Ничего, научитесь!» Проходит время, и мы вдруг в пылу дискуссии начинаем убеждать Макарова в том, с чем сами недавно спорили, вызывая все ту же улыбку: «Ну вот, научились. Давайте дальше обсуждать». Обсуждаем. И учимся.

ВЛАДИМИР ВЕНИАМИНОВИЧ БИБИХИН

- Родился в г. Бежецк.
- В 1967 г. закончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М. Тореза (ныне Московский государственный лингвистический университет).
- В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Семантические потенции языкового знака».
- Некоторое время преподавал немецкий язык и теорию перевода в Московском институте иностранных языков и Московском институте международных отношений.
- С 1970 г. – личный секретарь А.Ф. Лосева.
- С 1972 г. – сотрудник сектора информации Института философии АН СССР (ныне ИФ РАН), составитель многочисленных научно-аналитических обзоров европейской и американской философской литературы.
- 1989–2002 гг. – преподаватель философского факультета МГУ, создатель около 20 авторских курсов, в том числе: «Мир», «Внутренняя форма слова», «Ранний Хайдеггер», «Лейбниц», «Пора (время–бытие)», «Начала христианства», «Грамматика поэзии», «Дневники Льва Толстого», «Философия права» (ряд из них был переработан и опубликован в виде книг).
- Автор работ, посвященных античным, средневековым, ренессансным философам и богословам, западно-европейским и русским мыслителям XIX–XX вв., а также комментированных переводов с древнегреческого (Макарий Египетский, «Триады в защиту священно-безмолвствующих» Григория Паламы), латинского (Бозций Дакийский, Николай Кузанский, в т.ч. «Об ученом незнании», Ф. Петрарка, немецкого (М. Хайдеггер, в т. ч. «Бытие и время», Л. Витгенштейн, Х. Арендт, В. Гейзенберг, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер), французского (Ж. Деррида) языков.
- Основные работы: «Язык философии» (1993, 2002, 2007), «Мир» (1995), «Узнай себя» (1998), «Слово и событие» (2001), «Другое начало» (2003), «Введение в философию права» (2005), «Ранний Хайдеггер» (2009), «Собственность. Философия своего» (2012).
- Лауреат Малой Букеровской премии за книгу «Новый Ренессанс» (1999), литературной премии «Книга года» по философско-гуманитарной мысли (за книгу «Людвиг Витгенштейн: смена аспекта»).

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВСКИЙ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Владимир Вениаминович Биbihин:
Вольный ум

«Авантюра парресии – свободной речи без стратегии и искательства» – таким видел дело философии Владимир Вениаминович Биbihин. В скудном пространстве позднесоветской и постсоветской культуры многие хотели бы отвести ему место «всего лишь» переводчика и интерпретатора философских текстов, не замечая того, что он, подлинный сократический мыслитель, говорил о философии не догматически. Его выступления убеждали в том, что по-прежнему существует такой особый род деятельности, в котором честность и ответственность мысли неотделимы от честности и ответственности жизненной позиции.

Введение в философию

В осеннем семестре 1993 г. я, студент первого курса философского факультета РГГУ, участвовал в семинаре Анатолия Валериановича Ахутина. Однажды мы разбирали «Вторую Аналитику» Аристотеля. В перерыве к нам в аудиторию зашел среднего роста человек с небольшой бородкой, в очках, одетый в свитер под горло и серый пиджак. Мягкие, плавные движения, тихий дружеский разговор, книги, извлеченные из потертого кейса, – очевидно, подарок. Посетитель скоро ушел, и в начале следующей пары преподаватель удовлетворил любопытство молодой заинтригованной аудитории. К нам заглянул в гости московский философ Владимир Вениаминович Биbihин – в издательстве «Республика», что напротив здания РГГУ на Миусской, только что вышел сборник работ Мартина Хайдеггера «Время и бытие» в его переводе. Это посещение показалось мне уже тогда каким-то неизмеримо важным и одновременно очень интимным, вовлекающим нас в большое событие и позволяющим ощутить свою причастность к делу философии. Да оно и было таким.

Чтение статей «Время картины мира», «Европейский нигилизм», «Вопрос о технике» оказалось для меня первым серьезным знакомством с европейской философией XX в., знакомством, которое открывало более широкие перспективы, чем экзистенциализм Камю или эзотерика Кастанеды – увлечения тогдашних шестнадцатилетних юношей. Критика современности, история метафизики, онтологическое измерение техники – вот темы, которые меня захватили тогда и не отпускают до сих пор.

Уже очень скоро к моему кругу чтения добавился «Язык философии» – пожалуй, до сих пор самая известная книга В.В. Библихина. Чеканный тезис «слово в своем существе – голос события» стал для меня еще одной путеводной нитью, позволил понять, что настоящая философия – это фило-логия, любовь к слову, что через исследование феноменов языка можно оказаться в самом средоточии философской рефлексии. Книга была напечатана в издательстве «Прогресс» тиражом 5 тыс. экземпляров и стала философским бестселлером. Тираж разлетелся за несколько месяцев, как, впрочем, уже после первого прочтения разлетелся и клееный корешок книжки. Да, в начале 1990-х годов можно было говорить о бестселлерах философской и гуманитарной литературы. Несомненно, это было время интеллектуальной свободы, знакомства с русской философией и богословием и вместе с тем сжатого, плотного, интенсивного освоения психоанализа, структурализма, феноменологии – тех западных школ, которые учили дисциплине мышления. А еще это было время вольных бесед в комнатках независимых издательств, знаменитых философских собраний в подвале книжного магазина «Эйдос» в Чистом переулке и открытых семинаров в старых московских особняках, занимаемых разными учреждениями Министерства культуры и Академии наук.

Свободные слушатели свободного лектора

В следующем учебном году мы с моим университетским другом решили ходить на лекции Библихина, которые он читал по вторникам (формально не находясь ни в каких отношениях с философским факультетом) в 1-м гуманитарном корпусе МГУ им. М.В. Ломоносова. «Первая поточная аудитория» заполнялась на треть – все слушатели были по определению вольнослушателями (главным образом студенты философских, исторических, богословских факультетов), как и сам лектор был вольным лектором. Лекции Владимир Вениаминович читал по написанному тексту, расставляя акценты легким ритмичным движением руки. И тем не менее всех, кто его слушал, не покидало ощущение, что слова рождаются здесь и сейчас. На этом примере я учился тому, каким должно быть отношение к произносимому слову – трепетным и вместе с тем строгим и ответственным. Ведь, как говорил В.В. Библихин, «слово есть мера мира».

Первый прослушанный мною курс назывался «Витгенштейн» (1994/95 уч. г.) – он рисовал непривычный образ мыслителя (иного, чем Витгенштейн, причесанный под гребенку аналитической философии), мистика, который читает Льва Толстого, ведет исповедальный дневник и одновременно пишет «Логико-философский трактат» в окопах Первой мировой войны. Однажды в конце очередной лекции несколько студентов задержались у кафедры, чтобы задать вопросы. Неожиданно Владимир Вениаминович попросил каждого назваться и рассказать о себе. Каждого, у кого хватило смелости откликнуться на просьбу, он слушал терпеливо, внимательно, с искренним интересом. Уже потом, когда я посещал лекции по философской герменевтике в Тюбингенском университете и общался с профессорами Гюнтером Фигалем и Манфредом Франком – учениками Ханса-Георга Гадамера, – я отметил общую для российского и германских мыслителей черту, которую можно назвать герменевтической воспитанностью сознания: готовность слушать другого, нащупывать общий предмет, одним словом, вести беседу,

в которой только и обнаруживается истина. Таких герменевтических упражнений в последующие годы было немало – преданной вереницей мы сопровождали учителя, шедшего неторопливо и важно по длинной яблонево аллее, которая вела от 1-го гуманитарного корпуса к метро «Университет». И за эти 15 минут успевали многое – уточнить толкование разбиравшегося на лекции отрывка из Платона или Аристотеля, углубиться в детали паламитских споров в Византии XIV в., услышать авторитетное мнение о своем школярском переводе из Ницше, Юнгера или Хайдеггера или свободно обсудить интересовавшую всех тему «Россия и Европа» через эвристично предложенную Бибихиным оппозицию писаного и неписаного права (свой последний курс в МГУ в 2001/02 уч. г. Бибахин как раз посвятил философии права).

Многие знают В.В. Бибахина именно по его лекциям, которые он читал в МГУ с 1989 г. Своим числом (около 20 курсов менее чем за 15 лет) и уровнем изложения материала они отвечали самым строгим требованиям, предъявляемым к профессорам западных университетов. Этого не могли не оценить студенты и аспиранты, которые – кто после стажировки в Сорбонне, кто защитив PhD в Страсбурге или Мичигане – вновь приходили слушать Бибахина. Но его преподавательская работа выпадала из запрограммированного хода машины высшего образования. Едва ли студенты, прослушавшие тот или иной курс, могли сказать о себе, что овладели какими-то компетенциями, дающими право претендовать на диплом или позволяющими найти престижную работу. В этом заключалась странность его лекций – они были нужны как чудо, повторявшееся снова и снова.

Уроки живой герменевтики

Бибахин в полной мере принадлежал к большой европейской традиции и вместе с тем оставался глубоко русским мыслителем, хорошо понимавшим, насколько странен в России статус философии как открытой и ничем не гарантированной мысли.

Как я сейчас вижу, последние полтора насыщеннейших десятилетия работы Бибахина были работой человека на «оставленном посту»: александрийская образованность и изящество духа сочетались в этом человеке с открытостью новому – качеством, в равной мере характерным как для раннехристианских подвижников, так и для ключевых и судьбоносных фигур поздней европейской культуры – Джойса, Клее, Элиота. Все в нем говорило о захватывающем ощущении свободы и нового начала на руинах старой цивилизации.

Наверное, так воспринимали Бибахина и его друзья, приехавшие из Европы, например французский переводчик Хайдеггера Франсуа Феде. А молодой немецкий философ Петер Травни, к которому я, находясь на стажировке в Германии, явился, так сказать, с рекомендательным имейлом от Бибахина, признался, что встреча с этим человеком «вольного ума» (ein freier Geist) стала для него одной из самых важных в жизни. И вот еще одно свидетельство. Недавно А.В. Ахутин в одном интервью сказал о своем друге такие слова: «Владимир Бибахин прежде всего совершенно необыкновенный человек. Такой, которому в точности подходит хайдеггеровский экзистенциал eigentlich: свой собственный, аутентичный, подлинный. И столь же настоящий, оригинальный мыслитель. Можно было не соглашаться с ним, расходиться, но то, что – и как – он говорил и писал, сразу поражало безусловной достоверностью первоисточника: мысль, целиком совпадающая с лицом, несущая в себе событие своего рождения».

Для меня В.В. Бибахин ни в коей мере не являлся научным руководителем (я писал диссертацию по философии техники в работах Э. Юнгера и М. Хайдеггера под руководством ортодоксального гуссерлианца Виктора Игоревича Молчанова). Скорее, он был для меня наставником и старшим другом, который учил не тому, «что», а тому, «как», – феноменологическому видению, «смене аспекта». Каждый разговор с ним всегда оставлял после себя чувство наполненности, если не сказать – счастья.

К нему добавлялось осознание причастности к большой традиции русской философии. Ведь начиная с первой половины 60-х годов Владимир Вениаминович был другом и помощником Алексея Федоровича Лосева, и это сотрудничество стало для него настоящей философской и филологической школой. (При этом он никогда не позволял себе говорить о пресловутой «уникальности» и «духовности» русской философии, адепты которой нередко скрывают за этими штампами свое роковое бессилие и неспособность взять слово перед лицом требований времени.)

От В.В. Бибихина я получил первые и главные уроки перевода философских текстов. В его мастерском исполнении вышло русское «Бытие и время» – главная философская книга XX в. (Бибихин работал над этим переводом на мансарде подмосковного дачного дома, выстроенного собственными руками.) Многих читателей удивил необычный русский язык, на котором заговорил великий немецкий философ, многие не приняли этот язык – сам Бибихин провокационно утверждал, что следует «переводческим принципам Кирилла и Мефодия». Однако ни у кого не было сомнений в том, что за этим переводом скрывался огромный многолетний труд – как по осмыслению оригинального текста с его знаменитыми понятиями «Dasein», «Weltlichkeit der Welt», «zeitigen», так и по отысканию эквивалентов в русском языке («присутствие», «мирность мира», «временить»). В послесловии говорилось: «Это русское „Бытие и время“ пытается использовать данную нашим языком возможность воссоздания немецкой мыслящей речи... Русское слово открывает исканию свои просторы...»

В последние десять лет В.В. Бибихин опубликовал много книг. И это еще одна сторона его подвига: образец настоящей работы, очень сложной, самоотверженной, необходимой и всегда одинокой. Все его книги – это переработанные курсы лекций. Бибихин пишет о слове, языке, событии, детском отношении к миру, свободе, собственности, праве, правде и русской истории, внимательно разбирает древнеиндийские гимны,

сочинения Данте, Пушкина, Толстого, Мандельштама, Лорки, Гераклита, Платона, Гегеля и Хайдеггера. К лекциям Бибихина – напечатанным в виде книг, оставшимся на 90-минутных кассетах, – я возвращаюсь снова и снова. Не для того чтобы «приобрести новые знания», но чтобы еще лучше усвоить преподаанный много раз урок онтологической по своему устройству мысли, которая умеет видеть в поверхности (языка, мира, жизни) глубину.

Дисциплина мысли

В памяти осталась гостеприимная квартира Бибихиных неподалеку от Миллионного моста над Яузой. Почетное место там занимали стеллажи с изданиями греческих и латинских авторов, а в кабинете лежали ксерокопии иностранных книг и статей. Квартира, однако, не была местом уединения ученого – в ней всегда кипела жизнь, четверо детей занимались своими важными делами, требовательно вовлекая визитеров в круг своих мальчишеских интересов. В последний раз я навестил Владимира Вениаминовича дома за несколько дней до смерти. Он продолжал с неимоверными усилиями вносить правку в макет книги «Витгенштейн: смена аспекта», в основу которой лег тот самый курс, прочитанный в МГУ.

Владимир Вениаминович не создал школы в привычном понимании этого слова. Однако многие могут называть себя его учениками – в том смысле, какой подразумевал он сам, говоря, что «школа должна прежде всего учить дисциплине мысли», что она требует от нас «терпения, внимания, взглядывания», призывает нас уйти от «бездарного битья мнениями друг друга». Лишь тогда – и в этом состояла его надежда – «с нами что-то произойдет».

ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА АНДРЕЕВА

- Родилась в Казани.
- В 1950 г. окончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1966 г. защитила докторскую диссертацию «Методологические проблемы эмпирического социального исследования».
- Основатель кафедры методики конкретных социальных исследований философского факультета МГУ (1969), основатель (1972) и заведующая (1972–1989) кафедрой социальной психологии факультета психологии МГУ.
- Член Ученого совета МГУ (с 2001 г.), Российского общества социологов (с 1968 г.), Общества психологов СССР (с 1972 г.); Российского психологического общества (с 1994 г.), Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии.
- В разные годы входила в состав редколлегии журналов «Вестник Московского университета» (серия «Психология»), «Вопросы психологии», «Общественные науки за рубежом» (Серия «Философия и социология»), была председателем психологической секции экспертного совета Института «Открытое общество»; членом научного совета «Психология ядерного века» Бостонского университета (с 1972 г.); экспертом Российского государственного научного фонда (РГНФ) и фонда «Пушкинская библиотека».
- Автор более 200 научных работ, многие из которых опубликованы в зарубежных изданиях. Сотрудничала со специалистами из Финляндии, Германии, Чехии.
- Основные работы: учебник «Социальная психология» (1980), «Психология социального познания» (1997), «Актуальные проблемы социальной психологии» (1988).
- Удостоена званий «Заслуженный деятель науки» (1974), «Заслуженный профессор Московского университета» (1996), «Почетный доктор Университета Хельсинки» (2000), лауреат премии им. М.В. Ломоносова за научную работу (1984), лауреат премии им. М.В. Ломоносова за педагогическую работу (2001).
- Награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, Дружбы народов, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и двенадцатью памятными медалями.

ЕЛЕНА АГАДУЛЛИНА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Галина Михайловна Андреева:
Главная Мама

Впервые я увидела и услышала Галину Михайловну Андрееву в самом начале второго курса, на первой лекции по социальной психологии. Именно эта лекция и определила мой выбор научного руководителя. Хорошо быть взрослее и рассудительнее, чем в семнадцать лет, и приписывать своему выбору некоторые скрытые смыслы, которые тогда, в ранней юности, не осознавались, а сейчас кажутся столь очевидными. Но в тот момент на первой лекции мне сразу же понравились две вещи. Во-первых, ее рассказ был понятным, содержательным и структурированным, чем выгодно отличался от стиля всех предыдущих лекторов, с которыми мне пришлось столкнуться за первый год обучения. Во-вторых, она мало улыбалась, ей не нужно было заигрывать с нами, она держалась с нами как со взрослыми. Позже я поняла, что Галина Михайловна в целом не очень часто улыбается: чаще можно увидеть ее сосредоточенной – внимательно слушающей своего собеседника или размышляющей над чем-нибудь. Но тогда мне казалось, что эта ее особенность относится именно к чтению лекций. Решение я приняла быстро и уже после следующей

лекции подошла к ней и сказала, что хотела бы писать у нее курсовую работу. Она ответила: «Хорошо, приходите на кафедру», – и все. Вот так просто, без каких-либо испытаний. «Страшилка», что Галина Михайловна будто бы не берет студентов, не подтвердилась. Она брала всех студентов, которые хотели с ней работать. Так началось наше сотрудничество, продлившееся семь лет. Общий исследовательский интерес мы нашли довольно быстро. В 2000 г. вышло второе издание учебника «Психология социального познания», с некоторыми разделами которого я успела познакомиться еще до встречи с Галиной Михайловной. Меня интересовало, как люди воспринимают окружающий их мир, какие смыслы ему приписывают. А Галина Михайловна еще с 80-х годов разрабатывала эту проблематику, что и отразилось в ее многочисленных работах о том, как обыкновенные люди воспринимают информацию, строят суждения, думают о других людях и выстраивают с ними взаимодействие. Под ее руководством было сформировано целое направление исследований социального познания, в рамках которого велась работа сотрудников кафедры социальной психологии (преимущественно ее бывших аспирантов, которые сейчас уже стали доцентами и докторами наук).

О жизни на кафедре

Вся моя студенческая и аспирантская жизнь проходила на кафедре социальной психологии. Для нас кафедра ассоциировалась с конкретным местом (большой комнатой на первом этаже с круглым столом посередине), где в определенный день (чаще всего по вторникам) можно было найти нужного тебе человека. Это то место, где Галина Михайловна была и остается главным авторитетом. Сотрудники кафедры планомерно, собственным примером воспитывали в нас уважение к Галине Михайловне. Попадая на кафедру, мы часто слышали: «А ГМ придет?», «Спросите/почитайте у ГМ». ГМ – так сокращенно уже много лет Галину Михайловну называют на кафедре, называют и при ней, и в разговорах с другими людьми, демонстрируя тем самым уровень близости, принадлежность к группе, которая может называть ее именно так, а не формально, по имени и отчеству: ГМ – Главная Мама кафедры социальной психологии, главный советчик, главный критик.

Взрослея в такой атмосфере, студенту младших курсов порой бывает боязно обратиться с вопросом или просьбой к человеку, к которому с таким уважением относятся все знакомые ему профессора. Но общение с Галиной Михайловной быстро сводит эти страхи на нет. Чем старше я становилась и чем сильнее менялся мой статус (от студентки до аспирантки, а потом и до преподавателя кафедры социальной психологии), тем яснее и очевиднее в разговорах и реакциях Галины Михайловны проявлялось ее достаточно «холодное» отношение к такому почитанию, а в некоторых случаях даже раздражение. Сохраняя критическое отношение к себе и многим своим работам, она с большей готовностью рассказывала о возможных изменениях в ее учебнике по социальной психологии, чем соглашалась принять участие в празднике, посвященном ее очередному юбилею.

Кафедра и Галина Михайловна, несмотря на неотделимость одной от другой, всегда оставляли у меня разные впечатления. Кафедра в дни встречи на ней студентов

и преподавателей – такая суетливая, шумная и заполненная, а Галина Михайловна – всегда размеренная и спокойная. Во время моей учебы встречались мы с Галиной Михайловной не очень часто, но регулярно (примерно раз в месяц) и всегда по делу. Встречи на кафедре были достаточно лаконичными, они проходили в режиме «живой очереди» из студентов, профессоров и аспирантов, жаждущих задать вопрос ГМ или посоветоваться с ней. Встречи у нее дома сопровождались рассказами о профессорской жизни, историями из жизни «великих» и всегда были более продолжительными и живыми. Настоящая атмосфера профессорской квартиры с рядами книг на всю стену, отдельными шкапами с недоступной для нас тогда иностранной литературой и с историями, которые делали для меня «живыми» и более похожими на нас многих людей, знакомых до этого только по сухим и во многом непонятным текстам работ по психологии.

О стиле обучения

Чаще всего на наших встречах мы обсуждали написанные мною тексты, старательно вычитанные ГМ. Количество пометок, которые она оставляла на полях, всегда поражало мое воображение. Комментарии были абсолютно разные: от указаний на стилистические ошибки до вопросов, ставивших меня в тупик и заставлявших долго думать над тем, где именно я не права. В личной беседе количество комментариев утраивалось, они становились более развернутыми и эмоциональными: «Лена, ну что это за чеховский стиль? Никто не пишет так научные работы». Так Галина Михайловна учила меня отделять литературные тексты от научных и не начинать в научной работе предложения с деепричастий. Или, обратив внимание на какой-то кусок написанного мною текста, говорила: «Лена, я вам рассказывала историю про БСК?» Так вот, был у ГМ знакомый, который устал писать на полях не очень умных текстов комментарии, поэтому взял ластик и написал на нем ручкой: БСК (сокращение от «бред сивой кобылы»), – а дальше,

используя этот ластик в качестве печати, отмечал все части текста, где не в силах был уже писать какие-либо комментарии. В принципе, этой забавной истории было вполне достаточно для того, чтобы понять, что текст требует доработки. Так мы и работали: я писала тексты, Галина Михайловна их исправляла, рассказывала мне истории, давала советы, делилась западной литературой, я переделывала тексты – и все начиналось заново.

Когда сейчас мне в руки попадают работы моих студентов из Вышки и я ловлю себя на мысли о том, что мне совсем не хочется читать, комментировать, что-то предлагать, я всегда стараюсь вспомнить о том, что в свое время именно эти разговоры о моих текстах и научили меня многому из того, что я умею. И круг замыкается: студенты пишут, я исправляю, рассказываю им истории, даю советы...

Вместо заключения

Галине Михайловне сейчас 89 лет. Это почтенный возраст. Она по-прежнему преподает в университете и принимает у себя дома гостей, с которыми ведет долгие и интересные беседы о происходящем и минувшем. К сожалению, мы редко видимся. Но каждый раз при встрече она спрашивает у меня о чем-то, что дает мне понять, что она «присматривает» за мной. Как когда-то на втором курсе, встретив меня в коридоре через несколько дней после пропущенной лекции по социальной психологии, она сказала мне: «Лена, вас во вторник не было на моей лекции!» Несмотря на то что в аудитории было 80 человек, она не нашла там именно меня. И для меня это было очень важно.

В последнее время я часто слышу от Галины Михайловны рассказы о ее детстве, об отце, о войне. Все эти детали меняют для меня ее портрет, вызывая еще большее восхищение ее способностью не останавливаться на достигнутом, не терять веры в себя, оставаться открытой всему новому и интересному.

АЛЕКСЕЙ БРОНИСЛАВОВИЧ СОСИНСКИЙ

- Родился в Париже.
- В 1957 г. окончил бакалавриат Нью-Йоркского университета.
- В 1961 г. окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию, посвященную многомерным узлам (научный руководитель – Л.В. Келдыш).
- До 1974 г. – преподаватель механико-математического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (ассистент, доцент).
- 1975–1989 гг. – редактор отдела математики в журнале «Квант».
- 1987–1994 гг. – доцент МИЭМ.
- Профессор Независимого московского университета (с 1992 г.).
- Один из создателей и первый директор Российско-французской лаборатории им. Ж.-В. Понселе.
- Автор более 60 научных публикаций в области маломерной топологии, теории узлов, алгоритмической теории сложности.
- Основные работы: «Мыльные пленки и случайные блуждания» (2000), «Узлы и косы» (2001), «Узлы. Хронология одной математической теории» (2005).
- Удостоен звания офицера Ордена академических пальм (2007, *Ordre des Palmes Académiques*) – награды Французской Республики за заслуги в области науки и образования; премии Правительства РФ в области образования (2012).

ЕВГЕНИЙ СМИРНОВ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Алексей Брониславович Сосинский:
На каком языке разговаривать
о математике?

Человек, о котором я хочу рассказать, никогда не был моим научным руководителем. Тем не менее я считаю его одним из своих Учителей. Но перед тем как начать рассказ о нем, я хотел бы сказать пару слов про Независимый университет – очень необычное учебное заведение, в котором Алексей Брониславович работает со дня основания, уже более двадцати лет.

Мои университеты

Именно так, как у Горького, – во множественном числе, потому что их было два одновременно. В 1999 г. я окончил математический класс московской школы № 57 и поступил на мехмат МГУ. Учиться на первом курсе было скучновато: во-первых, значительную часть материала первого курса мы уже изучили в школе, а на мехмате многие лекции читались довольно сухо и формально.

Во-вторых, на мехмате с его гигантскими потоками – четыреста человек на курсе – возникало ощущение, что ты попал в качестве детали на огромный конвейер, совсем как герой Чарли Чаплина.

Итак, было ощущение, что на мехмате не хватает чего-то важного. К счастью, существовало место, где это можно было восполнить: Независимый московский университет. С точки зрения государства, такого заведения не существует: диплом гособразца там не выдается, отсрочки от армии нет. Почти ничему, кроме математики, там не учат. Зато математике учат на очень высоком уровне: те, кто там преподает, блестящие преподаватели и ученые и, что не менее важно, энтузиасты своего дела. Кроме того, по сравнению с мехматом, это очень маленькое заведение, учится там в общей сложности от полусотни до ста человек, так что, когда попадаешь туда, сразу же возникает чувство, что «все свои».

У первокурсников в Независимом – три предмета, каждый по две пары: сначала лекция, потом семинар. Два из этих трех называются так же, как предметы, которым нас учат на мехмате: алгебра и математический анализ. Третий предмет – топология. Курса с таким названием на мехмате нет.

Читает топологию Алексей Брониславович Сосинский. Ему чуть за шестьдесят; уже с первого взгляда понятно, что это человек незаурядный и обладающий даром притягивать к себе внимание (я не люблю слово «харизма», но, возможно, это она и есть). Его лекции всегда четкие и продуманные, за такой лекцией следишь, как за увлекательным рассказом. Все записи на доске сделаны очень понятным почерком и хорошо организованы. Довольно часто на доске появляются рисунки, обычно цветными мелками: Алексей Брониславович оказывается не только превосходным лектором, но и весьма неплохим художником-графиком. Рисунки проясняют очень многое – такова специфика курса по топологии.

Уже значительно позже, оглядываясь назад, я понял, насколько это непростое дело – прочесть вводный курс топологии для первокурсников. Основная трудность, как она видится мне, заключается в следующем: в топологии очень много понятий и утверждений, которые вчерашнему школьнику очень просто объяснить «на пальцах» – но без должной математической строгости. А в таком случае довольно скоро становится непонятно, где заканчиваются верные утверждения и начинаются правдоподобные, но неверные. Можно, наоборот, пытаться всюду, где это возможно, проводить строгие рассуждения – но они часто оказываются очень сложными для первокурсника, и всегда есть опасность, что за техническими деталями студенты перестанут видеть суть дела. Поэтому лектору, строящему свой курс, всегда приходится лавировать между этими двумя крайностями.

Одиссей, проплывая между Сциллой и Харибдой, решил пройти ближе к Сцилле, так как водоворот Харибды непременно погубил бы весь его экипаж. Точно так же в курсе топологии Сосинского выбор был сделан в пользу наглядности и объяснения сути понятий, а не доскональной строгости изложения. Однако при этом всегда объяснялось, как именно можно обойти ту или иную техническую трудность и что именно в том или ином месте доказывается, а что предлагается принять без доказательства.

Три родных языка

Замечательное (с точки зрения студента) свойство Независимого университета – большинство преподавателей пишут конспекты своих лекций и раздают после лекции распечатки. На первой лекции один из них так и говорит: «Писать лекции – моя работа, а не ваша; ваша задача – понимать, что происходит». Но отличие лекций Сосинского состоит в том, что конспекты почему-то написаны на английском языке. Впрочем, рядом с каждым новым термином имеется его перевод на русский. И еще – странное дело! – язык этих лекций оказывается очень простым и понятным даже для тех, кто почти не знает английского. (Среди студентов Независимого этот «простой английский» носит шуточное название «Sossinglish».)

Чуть позже выясняется, что иностранные языки – еще один конек Алексея Брониславовича. Впрочем, сам он порой повторяет – не поймешь, в шутку или всерьез, – что не знает ни одного иностранного языка. Потому что английский, французский и русский, которыми он владеет в равной степени (по его собственным словам, «одинаково хорошо или одинаково плохо»), для него являются родными. Это не преувеличение: Алексей Брониславович родился в Париже, в семье эмигрантов из России, и до десяти лет жил во Франции, после чего его семья переехала в Нью-Йорк. В 1957 г. Сосинский оканчивает с отличием бакалавриат Нью-Йоркского университета и возвращается в Москву (крайне неожиданный для тех времен поступок!), где поступает на третий курс мехмата МГУ. В 1961 г. он оканчивает мехмат, в 1965-м – аспирантуру мехмата и защищает кандидатскую диссертацию по топологии, по многомерным узлам. Дальше – успешная мехматовская карьера: ассистент, доцент на кафедре геометрии, – которая прерывается в 1974 г. по политическим причинам. После этого более десяти лет, до начала перестройки, Сосинский не занимает никаких официальных преподавательских должностей.

«Квант»

Мое заочное знакомство с Сосинским состоялось существенно раньше, чем я пришел учиться к нему в Независимый университет. С середины 1990-х годов я, тогда еще школьник младших классов, выписывал замечательный физико-математический журнал для школьников – «Квант». Сосинский был редактором отдела математики этого журнала; кроме того, время от времени в «Кванте» появлялись его статьи на самые разные темы.

Сосинский стал работать в «Кванте» уже почти сорок лет назад – в 1975 г. Но его работа в области популяризации математики не ограничивается «Квантом»: он участвует в организации различных олимпиад и продолжает читать популярные лекции по математике для самых разных аудиторий. Кроме того, он бессменный председатель научного комитета летней школы «Современная математика», которая ежегодно, с 2001 г. проходит в Дубне и собирает около сотни старшеклассников и младшекурсников, которым ведущие математики читают лекции и мини-курсы. Но самое главное, что организаторам удается создать уникальную среду, в которой все участники – от десятиклассника до академика – могут разговаривать друг с другом о математике. Сам Сосинский часто говорит: «Лекции и семинары – это важно, но это не главное. А вот когда я вижу, что участники школы и преподаватели сидят на лавочке и беседуют о математике – я понимаю, что школа удалась».

Обмены с ENS

Когда я учился на старших курсах, в Независимом существовала программа обмена с парижской Ecole Normale Supérieure. По уровню математики это, безусловно, сильнейшее учебное заведение Франции. Пятикурсники Независимого, которых обычно было человек пять, ехали на месяц в Париж, где у них была возможность окунуться в весьма насыщенную парижскую математическую жизнь.

А через некоторое время после этого несколько студентов из ENS приезжали с ответным визитом в Москву, в Независимый. Сосинский был одним из организаторов этого обмена. Я помню, как перед нашим отъездом в Париж он собрал нас и сообщил массу полезной информации самого разного рода: начиная с того, какие семинары проводятся в каких университетах и с кем каждому из нас было бы полезно встретиться и пообщаться, и заканчивая тем, какие бывают билеты в парижском метро и в какие дни можно бесплатно попасть в Лувр или музей Орсэ. Разумеется, всеми этими сведениями мы не преминули воспользоваться.

Однако для меня обмен с ENS оказался важен еще по одной причине. Тогда состоялось мое первое знакомство с французской математической жизнью. Когда через несколько месяцев я получил стипендию, которая давала мне право поехать в аспирантуру в любой университет Франции, эта страна уже не была для меня terra incognita – я понимал, что смогу там учиться и это окажется для меня интересно и полезно. В итоге я поехал в Гренобльский университет, где по условиям стипендии проводил шесть месяцев в году (а оставшиеся шесть – в Москве). Разумеется, во время своей учебы я регулярно консультировался с Алексеем Брониславовичем по самым разным вопросам, связанным с учебой и жизнью во Франции, – и он всегда был готов мне помочь с любым делом, вплоть до исправления орфографии в моих первых текстах на французском языке.

Впрочем, уже после моей защиты, когда я принес Алексею Брониславовичу экземпляр диссертации, его реакция была достаточно неожиданной. Он просмотрел работу, сказал что-то одобрительное, а потом с очень серьезным видом произнес:

– А все-таки, Женя, мы сделали большую ошибку, отправив вас учиться в Гренобль...

В ответ на мое крайнее недоумение (эффект был достигнут!) он выдержал паузу и закончил:

– Ведь вы не катаетесь на горных лыжах!

Снова семинары на первом курсе

Аспирантов в Независимом стараются привлекать к преподаванию на младших курсах. Сложилось так, что я стал вести упражнения по курсам топологии и геометрии, которые читал Сосинский на первом-втором курсах. Работать под его руководством было настоящим удовольствием: у Алексея Брониславовича всегда был четкий план того, какие задачи следовало разобрать в ходе упражнений, что, конечно, очень облегчало жизнь преподавателю, ведущему семинары. Кроме того, он постоянно использовал всевозможные приемы из опыта работы в разных странах: скажем, на лекциях регулярно проводились короткие контрольные работы – quizzes, – которые позволяли нам иметь обратную связь с аудиторией. В Америке это регулярная практика, но в России так преподавать почему-то не принято.

Осенью 2011 г. меня, уже доцента Вышки, пригласили прочесть в Независимом курс алгебры. Когда выяснилось, что геометрию на том же курсе будет вести Сосинский, мне, признаться, сначала стало слегка не по себе – все-таки для меня это был первый опыт чтения большого лекционного курса. Однако это стало очень хорошим поводом взять еще несколько «уроков мастерства»: в течение года мы регулярно встречались, согласовывали программы курсов и намечали общий план действий. Конечно же, меня это очень поддерживало.

Курсы, которые Сосинский читает в Независимом, бывают не только математическими. Несколько лет назад Алексей Брониславович вместе с Татьяной Смоляровой – замечательным филологом, ныне работающей в Колумбийском университете, – организовали еженедельные встречи под названием «Une demi-heure de la poésie française» – «Полчаса французской поэзии». А в прошлом году на смену получасу французской поэзии пришел «An hour of English poetry», цикл встреч, в ходе которых Сосинский и

еще один замечательный математик, Михаил Анатольевич Цфасман, читали и комментировали стихи английских поэтов – от Шекспира до Йейтса и Одена, как в оригинале, так и в переводах на русский язык, причем некоторые переводы принадлежали перу руководителей семинара.

Вместо эпилога

В сентябре 2012 г. Алексею Брониславовичу исполнилось 75 лет. По этому поводу в Независимом (а где же еще?) прошла двухдневная конференция, которая так и называлась: «Математика Сосинского». Завершилась она докладом самого юбиляра о его новой работе. После этого Алексей Брониславович анонсировал следующую конференцию в честь своего юбилея, которая пройдет в 2037 г. и будет приурочена к его столетию. На ней он намерен сделать завершающий доклад.

ВАДИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ РАДАЕВ

- Родился в Москве.
- В 1983 г. окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1997 г. защитил докторскую диссертацию «Экономические и социологические концепции хозяйственного поведения человека: сравнительное исследование» по двум специальностям (08.00.01 – «Политическая экономия» и 22.00.03 – «Экономическая социология»).
- С 1987 г. – сотрудник Института экономики РАН.
- Создатель сектора экономической социологии (1991) и отдела экономической социологии и социальной политики (1995) Института экономики РАН.
- Первый проректор (с 1999 г.), заведующий кафедрой экономической социологии, руководитель Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ.
- Создатель и главный редактор электронного журнала «Экономическая социология» (с 2000 г.).
- Автор более 250 научных публикаций, в том числе восьми монографий, на русском, английском, немецком, французском, итальянском, венгерском и японском языках.
- Основные работы: «Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика» (1998), «Социология рынков: к формированию нового направления» (2003), «Экономическая социология: учебное пособие для вузов» (2005), «Захват российских территорий: новая конкурентная ситуация в розничной торговле» (2007).
- Удостоен звания «Заслуженный деятель науки РФ» (2012), премии Европейской академии (1995).

ЗОЯ КОТЕЛЬНИКОВА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Вадим Валерьевич Радаев:
В непрерывном движении

В тот по-зимнему солнечный день фортуна улыбнулась второкурсникам отделения социологии Новосибирского государственного университета. Взамен регулярных занятий им предложили отправиться в Институт экономики (полное название которого – Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН) и послушать выступление профессора из Москвы, который прилетел в Академгородок с курсом лекций по экономической социологии, предназначенным для студентов четвертого и пятого годов обучения.

Радаев и нимфы

Университет расположен в 15 минутах ходьбы от Института экономики. Дорога пролегает через лес. Студенты-второкурсники общей численностью тридцать человек гуськом проскрипели по тропинке, проторенной через густо растущие многолетние сибирские сосны и лохматые ели, изгибающиеся под тяжестью снежного покрова.

В большом зале Института экономики прибывшие студенты кучно расположились на расставленных параллельными рядами стульях на безопасном расстоянии от лектора. В передней части зала, за столами, стоявшими буквой «П», сидели старшекурсники, а во главе – профессор из Москвы. Столичная знаменитость оказалась человеком молодым (тридцати пяти лет от роду), приятной внешности и спортивного телосложения.

В Академгородке социология – занятие суровое, то ли по причине климата, то ли потому, что сугубо женское (как тогда было принято говорить: на отделении социологии на двадцать восемь девочек приходится две не девочки). Однако Вадима Валерьевича Радаева (это был именно он) данное обстоятельство, по всей видимости, не смущало. В окружении шестидесяти очаровательных слушательниц он чувствовал себя словно рыба в воде. Лекция проходила легко; серьезные вещи то и дело перемежались веселыми шутками. Студентки сидели как завороченные. В той аудитории в числе второкурсников отделения общей социологии экономического факультета НГУ оказалась и я. О чем была лекция, уже не помню. Но это и не важно.

В Москве

Поскольку в первом случае я видела Радаева, а он меня нет, реальное знакомство состоялось тремя годами позже. Летом 2001 г. я пришла все в тот же Институт экономики в числе студентов, окончивших специалитет отделения общей социологии НГУ, сдавать вступительные экзамены на магистерскую программу по социологии в Московскую школу социальных и экономических наук, известную как «Шанинка» (производная от имени ее основателя Теодора Шанина)¹. Оказалось, что специально для проведения испытаний к нам были делегированы Вадим Валерьевич Радаев и Александр Олегович Крыштановский. В итоге я оказалась в Москве.

На тот момент в «Шанинке» на факультете социологии преподавала великолепная четверка – Геннадий Семенович Батыгин, Александр Олегович Крыштановский, Вадим Валерьевич Радаев и Александр Фридрихович Филиппов. Каждый из них был неповторим и служил для нас безусловным авторитетом. За ними ходили и буквально заглядывали им в рот, не желая упустить что-то важное. Ко всему прочему, обучение нас уму-разуму проходило весело. Вот сохранившийся отрывок переборки репликами преподавателей на защите наших синопсисов.

Филиппов: В замечании В.В. Радаева прозвучало три интересных мысли...

Радаев: А.Ф. Филиппов упомянул, что у меня было три мысли...

Филиппов: Это перебор...

Крыштановский: Это повод...

Радаев: Переполюсь гордостью за свои три мысли...

Время, проведенное в «Шанинке», запомнилось на всю жизнь. Средой нашего обитания служила потрясающая по тем временам библиотека. В окружении огромного числа книг мы часами общались с преподавателями и сокурсниками. Замечательное было время.

Дышите глубже, вы взволнованы!

Почему-то казалось естественным, что по окончании «Шанинки» у меня путь только один – очная аспирантура по социологии в Вышке. И даже совсем не обсуждалось, кто будет моим научным руководителем. Вариант был единственный – Вадим Валерьевич Радаев. Параллельно с поступлением в аспирантуру Вадим Валерьевич попросил меня помочь ему в координации общероссийской летней школы, проводившейся для экономосоциологов и новых институционалистов. Пришлось сразу включаться в дело.

В памяти моей отпечатался один волнующий момент – начало преподавательской деятельности. К тому времени я уже училась в очной аспирантуре. Одним ничего плохого не предвещавшим днем Вадим Валерьевич вызвал меня в свой кабинет и попросил о небольшом одолжении (он обычно не распоряжается, а просит, но можно ли отказаться, я до сих пор не знаю). Оказалось, что в министерстве Х ему назначили встречу на время, совпадающее с его семинарскими занятиями по экономической социологии. Через несколько дней в назначенный час я с трясущимися коленками подошла к аудитории, в которой Вадим Валерьевич проводил лекцию и в которой должен был состояться мой первый семинар. Вадим Валерьевич завершил занятие словами: «Вот вам Зоя Владиславовна, она знает, что с вами делать» – и удалился. А я до сих пор, входя в аудиторию к студентам, мучаюсь вопросом: знаю ли я, что с ними делать?

¹ Совместный проект «Полит.ру» и «Вести FM» «Наука 2.0». Разговор с социологом Теодором Шаниным. «Как появилась Шанинка». Часть 1. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/10/27/shanin/>

Железный человек

Вадим Валерьевич Радаев – единственный человек из всех моих знакомых, который успевает все. Или почти все. Более того, все, что успевает, он делает в высшей степени обстоятельно. При этом за все время нашего знакомства при его, прямо скажем, немалой занятости он не нарушил ни одного дедлайна и ни разу не оказывался в ситуации, когда приходилось сидеть всю ночь, дабы успеть выполнить работу вовремя. Как такое возможно? И как этому научиться? Ответ прост: выкидывайте все книги по тайм-менеджменту, купленные в магазинах деловой литературы, и стирайте из своей памяти рецепты, предложенные коллегами. Они не помогут! Для этого надо родиться «железным человеком», то есть человеком с сильнейшей волей и жесточайшим самоконтролем – человеком, который беззаветно предан своему труду. Радаев, по его собственному признанию, не умеет празднично валяться на диване, тяга к непрерывному движению у него в крови. В дополнение, он наделен настойчивостью, решимостью и стремлением начатое дело доводить до конца.

Есть у него и еще одна черта: Радаев не то чтобы любит выигрывать, скорее, он не способен сдаваться без боя. Он будет упираться до последнего: если и не победит, то вымотает соперника так, что ему не позавидуешь. Что, по всей видимости, есть проявление спортивной закалки, которая обнаруживается во всем, даже в тех случаях, которые могут показаться несерьезными. Так, когда Радаев рассказал нам с коллегой историю о том, как стал победителем литературной викторины на внутреннем авиарейсе «Аэрофлота» по маршруту Горький–Краснодар, удивления с нашей стороны не возникло.

Это непрерывное движение Радаева по жизни не хаотично, оно протекает в заданном направлении. При приеме на работу одного нашего младшего коллеги Радаев искренне удивлялся тому, что он не может ответить на вопрос: «Кем вы видите себя через три года?» У Радаева всегда есть среднесрочный план, которому он следует (причем именно среднесрочный – за этим, кажется, у него стоит какая-то собственная теория). Поэтому у Вадима Валерьевича нет проблем с расстановкой приоритетов. Его кредо состоит в том, что нужно сразу браться за важные дела, а незначимые должны по возможности отсекаются. Если же захотелось понять, какие дела приоритетны, можно спросить у него.

Добавлю, чтобы всем окончательно стало не по себе: Радаев никогда ничего не оставляет на последний момент. Он приступает к выполнению намеченного заранее. В общем, «готовит сани летом, а телегу – зимой». Будучи обычным человеком, этому я не научилась до сих пор. И еще он умеет с легкостью переключаться с одного дела на другое, не тратя уйму времени на раскачку. Немного завидно...

В недавно вышедшей книге Андрея Колесникова «Идея университета»² к фотографии Радаева сделана следующая подпись: «Лучший академик среди бюрократов, лучший бюрократ среди академиков». Сам Радаев такую ситуацию называет «нормальной шизофренией». Но при этом он абсолютно академический человек: с неугасающим энтузиазмом преподает, пишет научные статьи и книги. Ему в равной степени доставляют удовольствие теоретизирование и конкретные расчеты. А еще ему хочется «связи с реальностью», поэтому периодически затеваются прикладные проекты по запросам участников рынка.

² Колесников А. Идея университета. Несколько эпизодов из жизни Высшей школы экономики. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.

Поскольку время не резиновое, Радаев практически бросил читать художественную литературу, теперь он слушает ее за рулем. Так заново были пройдены основные романы любимого Ф. Достоевского. Утверждает, что в музыке – закоренелый рокер (по-прежнему предпочитает «Pink Floyd», хотя иногда не прочь познакомиться с чем-то новым). Радаев из бывших профессиональных лыжников: в настоящее время, когда обстоятельства позволяют, с удовольствием меняет горные лыжи на беговые и наоборот – в зависимости от наличия гор или их отсутствия; постоянно играет в большой теннис (он не раз становился победителем любительских турниров).

Спасение утопающих – дело рук самих утопающих

Долгое время я никак не могла взять в толк, почему мой научный руководитель со мной не возится. На мой беспомощный вопрос «Дядя, а что мне делать?» Радаев с пафосом отвечал: «У тебя есть возможность делать все что угодно». Поначалу мне казалось, что ему просто не хватает времени на работу с аспирантами. Вдобавок, он неохотно соглашался на встречу при отсутствии заранее предоставленного ему текста, считая подобные научные беседы с аспирантом переливанием из пустого в порожнее. Для него в любом деле важен результат – текст диссертации: «Утром – деньги, вечером – стулья». Есть текст – есть и повод для встречи с аспирантом. Нет текста – «такие условия душа не принимает», потому идите и делайте.

Признаюсь, лишь спустя многие годы я оценила свободу, которую тогда предлагал мне Вадим Валерьевич. Правда, не знаю, догадывается ли Вадим Валерьевич, как много пало тех, кто так и не смог понять, что делать с этой неограниченной свободой.

(Но Радаев все равно не изменит своего мнения по этому поводу.) Сейчас же я безмерно благодарна ему за то, что заставил меня разбираться в себе и своих академических пристрастиях. Если твои научные интересы еще не сформированы и ты мыкаешься в поисках, лучше поверить в то, что «аппетит приходит во время еды». Надо начинать делать что-то осмысленное, и интерес обязательно возникнет.

Радаев убежден в том, что пусковым механизмом движения человека в науке является не желание принести пользу человечеству, не жажда славы, а личный интерес. Надо делать то, что тебе интересно. Не все это понимают, и не все с этим соглашаются. Но фишка состоит в том, что если твое дело интересно тебе, оно будет интересно и другим. И эти другие вскоре подтянутся.

Самого же Вадима Валерьевича интерес к вопросам социальной стратификации и нового российского предпринимательства увел из экономики и привел в социологию. В начале 1990-х годов Радаев начал активно заниматься разработкой и институционализацией экономической социологии как нового направления в России³. В результате ему удалось не только стать неоспоримым авторитетом в этой области, но и создать, по общему признанию, коллектив исследователей, претендующий на лидерство в российском сообществе.

Я давно уже не аспирантка. В качестве полноправного коллеги я участвую в многочисленных проектах Вадима Валерьевича – в делах кафедры экономической социологии, в Лаборатории экономико-социологических исследований, в редакции журнала «Экономическая социология», в исследованиях по запросам деловых ассоциаций и во многих других начинаниях. Тем не менее меня не оставляет ощущение, что мое обучение продолжается.

³ Подробнее см.: Радаев В.В. Экономическая социология в России: становление и развитие // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 94–109; Т. 5. № 2. С. 126–139.

БЕРНАР МЬЕЖ
BERNARD MÈGE

- Родился в г. Анси (Верхняя Савойя).
- Защитил первую диссертацию по экономическим наукам в Париже, вторую – по гуманитарным наукам – в Университете Бордо.
- 1989–1994 гг. – ректор Гренобльского университета.
- Почетный профессор информации и коммуникации Гренобльского университета; заслуженный профессор Университета Квебека в Монреале и Университета Бухареста.
- Один из создателей Лаборатории Gresec (Группа исследований социальной роли коммуникации); один из основоположников теории «культурных индустрий», основатель нового исследовательского и образовательного направления – «науки об информации и коммуникации».
- Основатель и глава (1988–1992) Французского общества наук об информации и коммуникации (SFSIC).
- В разные годы был экспертом ЮНЕСКО, Министерства культуры и Национального комитета по кинематографии Франции, руководителем кафедры ЮНЕСКО в области информации и коммуникации.
- Руководитель книжных серий по коммуникации Гренобльского университетского издательства (Presses Universitaires de Grenoble), член редакционных советов 10 международных журналов, в том числе «Media, Culture and Society (Sage)».
- Основные работы: «Questionner la société de l'information» (2000), «L'information-communication, objet de connaissance» (2004), «La pensée communicationnelle» (2005).

ИЛЛЯ КИРИЯ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Бернар Мьеж:
Ученый-многостаночник

Очень сложно сказать, почему именно, но мое обучение во Франции, закончившееся защитой докторской диссертации, оказало на меня сегодняшнего гораздо большее влияние, чем моя учеба в российской аспирантуре. Большинство тех концептов, научных тем, методик, которые я применяю сегодня, та исследовательская жизнь с ее конференциями, постоянным написанием текстов и т.д., которой я живу сегодня, мною усвоены именно тогда, именно в ходе обучения в Гренобле, которое неразрывно связано с именем моего научного руководителя Бернара Мьежа. О нем и будет этот рассказ.

Картинка 1: «Знакомство-интервью»

Он сидел в своем маленьком кабинете, а за его спиной от пола до потолка возвышался стеллаж, полный книг. Для меня это было непривычно. Во-первых, я первый раз был во французском университете, да еще и в новом здании с низкими потолками, во-вторых, я впервые видел такой маленький кабинет, поэтому книг казалось слишком много. После факультета журналистики МГУ с шестиметровыми потолками стеллаж до потолка казался особенным. Моя встреча с Бернаром Мьежем была в некотором роде случайной. Я, в ту пору аспирант факультета журналистики МГУ, закупал книги для написания русской диссертации, и автором одной из них оказался он. Его книга выгодно отличалась от других: он был одним из немногих критиков «информационного общества»¹, и его монография привлекла мое внимание, а во время своего следующего визита во Францию я познакомился с ним и взял интервью для диссертации.

¹ Информационное общество – концепт, появившийся во второй половине XX в. и рассматривающий информацию как главную ценность, движущую силу, ресурс современного общества, порождающий новые общественные отношения.

Именно тогда я почему-то подумал, что он станет моим будущим научным руководителем.

Взгляды Мьежа, его глубина в рассмотрении этого, тогда еще нового для России понятия произвели на меня такое впечатление, что мне захотелось поучиться у этого человека. Я совершенно, что называется, на автомате подал документы на третий цикл образования (так называемый преддокторский уровень) и поступил, а Мьеж лично отправил мне письмо, сообщавшее о результате, на который я почти не рассчитывал. Собственно, первая встреча с ним помимо интервью предполагала первое знакомство с руководителем всей программы, на которую я был зачислен. Это был 2002 г. Тогда я, конечно, еще не знал ни масштабов его научной работы, ни широты его связей с другими представителями направления, с которым я был практически незнаком. Науки об информации и коммуникации как направление представлялись мне чем-то чрезвычайно новым и смелым.

Картинка 2: «Как преподаватель»

Еще одна картинка, стоящая перед глазами, – его первые занятия по теории коммуникации. Он приходил в аудиторию-амфитеатр со стопкой в дюжину книг и рассказывал о теориях разных авторов, приводя цитаты из книг и демонстрируя их аудитории. Другой чертой его авторского почерка был его фирменный семинар «ГРВ» (по именам ведущих его профессоров Гаэтана Трамбле, Пьера Меглена и Бернара Мьежа), который проходил в формате видеоконференции между тремя вузами: Университетом Гренобля, где работал Мьеж, Университетом Париж-13 и Университетом Квебека в Монреале. Здесь часто использовались презентации: профессора делили темы лекций между собой, а мы, студенты, находясь за тысячи километров друг от друга, иногда делали даже групповые выступления.

Картинка 3: «Мьеж-мотоциклист»

Экзамен по теории коммуникаций. Все собрались в большой аудитории в ожидании преподавателя. Что-то лихорадочно повторяем, ожидая заданий. И вдруг заходит Мьеж, в костюме, наколенниках и с мотоциклетным шлемом в руках. Тут зал зааплодировал. Мьеж даже похвастался моделью мотороллера, которую он купил. Это было так непривычно и так не вязалось с имиджем профессора в России! Вообще он держал себя со студентами подчеркнуто на равных, всегда на «вы». На «ты» он начал обращаться ко мне уже после нескольких лет знакомства (чуть ли не после защиты), и это казалось совершенно органичным.

Как научный руководитель он был крайне осторожен: с одной стороны, он критиковал и требовал, с другой – понимал, что не должен работать за студента. Писать под его руководством докторскую было в значительной степени как-то боязно, потому что до последнего момента было трудно понять, как же на самом деле оценивает тебя руководитель. Даже за день до защиты курсового проекта, как и до защиты докторской, было непонятно, насколько хорошо ты защитишься, потому что Мьеж всегда четко давал понять, что это «твоя» работа и только коллегиальное решение может быть адекватной оценкой вклада защищающегося. Теперь именно этот подход я всегда использую в работе со студентами и никогда не правлю за них текст до запятых (как это делают некоторые особенно строгие научные руководители).

В конце учебного года (это было летом 2003-го) я вернулся в Москву, и хотя Мьеж уже официально значился моим научным руководителем в аспирантуре, было понятно, что видеться мы будем нечасто. В среднем раз в полгода-год мы встречались, когда я либо с оказией приезжал в Гренобль, либо участвовал в какой-нибудь международной конференции. Из этих встреч особенно запомнилась франко-российская конференция по медиа, которую я организовал на журфаке МГУ в 2006 г.

Картинка 4: «Отношение к оценкам»

Мы сидим в подвале ресторана в Романовом переулке в Москве. В конце года обучения в Гренобле мои коллеги из МГУ предложили мне привезти Мьежа в Россию на конференцию «Shaping the Future Media System», проводимую факультетом журналистики совместно с ЮНЕСКО. Был конец учебного года, все экзамены были сданы, к финишу шло написание курсового проекта с обоснованием проблематики запланированного докторского исследования (проект DEA). И вот, сидя в ресторане на общем ужине, Мьеж говорит мне, что самую высокую оценку на курсе я получил не по его предмету. При этом он так и не проговорился до момента официального объявления результатов и я так и не узнал от него лично, сколько же баллов я получил по его предмету. Хотя, казалось бы: неформальная обстановка, все на равных – молодые аспиранты и именитые профессора из десятка стран на этой конференции, в которой я тоже принимал участие. К слову сказать, оценка оказалась хорошая – 16 баллов из 20.

Вообще, все обучение было в диковинку: большой объем самостоятельной и групповой работы, совместные проекты с другими коллегами, удобная библиотека, которая совершенно не совпадала с МГУшным представлением о библиотеке с ее картонными карточками, читательскими билетами в зеленой обложке; и, конечно, фантастическое здание из стекла и алюминия с внутренним небольшим садом. Это здание было ЕГО детищем: оно было построено вдали от основного кампуса университета в период, когда Мьеж был его ректором. Все поточные аудитории в форме амфитеатров назывались именами известных в сфере медиа людей или медиаисследователей: Надара, Люмьеров, Барта.

Картинка 5: «Гастрономические предпочтения»

Июнь 2006-го. Врываюсь в комнату администратора профессорской гостиницы МГУ в секторе Ж.

Там находится группа весело щебечущей французской профессуры, не понимающей ровным счетом ничего из того, что на чистом русском языке объясняет им пожилая администратор, оформляющая заселение. Французы, в числе которых был Мьеж, как выяснилось, так и не дождались застрявшего в пробках автомобиля и поехали своим ходом, а потом еще двадцать минут шли от метро «Университет» до Главного здания МГУ. Когда процедура заселения была завершена, а время приближалось к 9 часам вечера, никто из них решительно не хотел идти к метро и там где-то ужинать, а в гостинице работала только небольшая столовая для иностранных студентов, которая закрывалась через пять минут. И вот вся честная компания во главе с Мьежем в костюмах заходит в столовую и обнаруживает, что на всех осталась одна сосиска в тесте и две отбивных с рисом. Тем не менее никто не разворачивается, часть людей просто просят чай, а Мьеж заказывает отбивную, а на мой вопрос, не хочет ли он, чтобы мы поймали такси и поехали в какое-то нормальное место, отвечает: «Илья, да здесь все просто отлично. Зачем куда-то ехать?»

В 2007-м мы виделись чаще – нужно было готовиться к защите. Во время коротких приездов во Францию, где в тот год я был три раза, Мьеж, как правило, читал готовый текст и комментировал его в процессе чтения. Это давало определенную пищу для размышлений или пересмотра идей. Однако чаще всего он просто комментировал и дополнял.

Картинка 6: «Защита»

Само по себе это мероприятие существенно отличается от российской модели тем, что непосредственно читающих докторскую работу существенно больше и все они входят в комиссию, то есть по очереди выступают. Причем от университета, в котором писалась работа, в жюри помимо научного руководителя может быть только один человек. И вот он берет слово (позднее его текст был оформлен в один из отчетов комиссии).

Я никогда не думал, что именно такие слова произнесет мой научный руководитель, потому что он сосредоточился на новаторских для науки моментах работы. В первую очередь была оценена глубокая связь между спецификой развития общества, политической и экономической системами в России и спецификой развития медиа.

В 2011 г. в рамках гранта IEMESS (партнерство между Вышкой и несколькими другими европейскими университетами), объявление о котором я распространил по своему «французскому» списку рассылки, Мьеж был приглашен в Москву для чтения общеуниверситетского факультатива «Индустриализация культуры». Мьеж провел в Вышке четыре недели, и тогда мы работали в паре весь период его пребывания. Дело в том, что профессор, как и многие его коллеги из числа французских «шестидесятников», по-английски говорит достаточно тяжело. Поэтому курс состоялся на французском с последовательным переводом в моем исполнении. Таким образом, почти десять лет спустя я вновь попал в «пару» к своему научному руководителю и, признаться, не отказался бы от этого удовольствия снова.

Картинка 7 (последняя): «Ученые-многостаночники»

Мы сидим в тихом среднеазиатском ресторане в Санкт-Петербурге. Во время приезда Мьежа мы выкроили два дня, чтобы съездить в Питер и провести открытую лекцию по индустриализации культуры в филиале Вышки. Кроме того, Мьеж хотел увидеть Эрмитаж во второй раз после 1965 г., когда он впервые приехал в Россию. С нами в ресторане сидит Олеся Кольцова, декан факультета социологии питерского филиала Вышки, обсуждаем общие проблемы и касаемся одной наболевшей: как совмещать административную работу с научной. Мьеж (который был ректором университета, директором лаборатории,

ответственным за магистерскую программу) говорит нам: «Нужно двигаться зигзагом, развивая попеременно то одно, то другое, но полностью отказываться ни от того, ни от другого нельзя, потому что иначе, если все ученые уйдут из администрирования, им займутся функционеры, а от этого будет хуже всем». Прошло уже два года, объем моих административных обязанностей сильно возрос, но каждый раз, когда я чувствую усталость или расстройство от того, что не успел в очередной раз вовремя подать тезисы на конференцию, написать статью или еще что-то сделать, я вспоминаю слова своего научного руководителя и продолжаю работать, ощущая новый прилив сил.

ВИТАЛИЙ ЛЬВОВИЧ МАХЛИН

- Родился в Москве в семье военного историка Л. Махлина, преподавателя военной академии им. М.В. Фрунзе.
- В 1970 г. окончил Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. М.Тореза (ныне Московский государственный лингвистический университет).
- В 1985 г. защитил кандидатскую диссертацию по филологии «Формы времени и события в творчестве Эрнеста Хемингуэя», в 1997 г. – докторскую диссертацию по философии «Философская программа М.М. Бахтина и смена парадигмы в гуманитарном познании».
- 1972–1989 гг. – учитель английского языка и англо-американской литературы в средней школе с углубленным изучением английского языка.
- Профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета (с 1989 г.).
- Член-корреспондент Академии гуманитарных исследований (с 1995 г.).
- Ответственный редактор московского периодического издания «Бахтинский сборник», член редколлегии журнала «Вопросы литературы», изданий «Проблемы бахтинологии» (Санкт-Петербург) и «Диалогизм» (издание «Бахтинского центра» г. Шеффилд, Великобритания).
- Автор трех монографий, многочисленных статей (в том числе на английском языке), переводчик и редактор переводов сочинений С. Кьеркегора, О. Розенштока-Хюсси, Э. Кассирера, Г.-Р. Яусса, К. Эмерсон, Д. Шеппарда, Д. Фрэнка, Г. Морсона.
- Основные работы: «Бахтин: философия поступка» (1990), «Риторика поступка М. Бахтина: воспоминания о будущем или предсказания прошедшего?» (в соавторстве с А.Е. Маховым и И.В. Пешиковым, 1991), «Я и Другой: К истории диалогического принципа в философии XX в.» (1997), «Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии» (2009).

ЮЛИЯ ИВАНОВА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Виталий Львович Махлин:
Socrates redivivus

Виталий Львович Махлин был назначен вести годичный курс истории философии на филфаке впервые как раз тогда, когда я училась на втором курсе этого факультета бывшего МГПИ им. Ленина, а затем МПГУ – того самого, где когда-то работал А.Ф.Лосев. Виталия Львовича с общеуниверситетской кафедры философии распределили к нам, по всей видимости, из-за его филологического прошлого: когда-то он закончил ИнЯз Мориса Тореза и защитил кандидатскую по специальности «зарубежная литература», по Хэмингуэю. После этого Махлин шестнадцать лет проработал в средней школе – правда, хорошей, английской, – преподавая там англоязычную литературу. Надо сказать, что эти десятилетия учительствования, к счастью, никак на нем не сказались. Его взгляд на людей так и не приобрел часто характерной, увы, даже для самых любимых, самых демократичных и самых грамотных позднесоветских учителей уверенности

в том, что они знают и понимают своего собеседника и/или ученика, кем бы он ни был, лучше, чем он сам себя знает и понимает. Он не только по профессии, но и в жизни, в общении со всеми нами, даже с самыми недалекими и приземленными, был и есть *philosophos*: тот, кто, по слову Сократа, никогда не осознает себя законченным мудрецом, а вечно остается лишь любящим мудрость. Без претензий на обладание «избытком авторского видения», с постоянным осознанием и ощущением первостепенной важности Другого, «диалогически» – если прибегнуть к терминам столь любимого им и ставшего подлинным делом его жизни М.М. Бахтина. Учительствуя, он просто ждал своего часа и в свободное время занимался своей настоящей работой: читал Бахтина, Хайдеггера, Гадамера, Шпета, Ухтомского; готовил для ИНИОНа рефераты гуманитарной литературы, издававшейся в Европе и США, – благо, владение английским, французским и немецким (итальянский и испанский пришлось к ним добавить позже) позволяло быстро ее осваивать; писал кое-что и учился философскому переводу.

Философ филологу – идиот

«Гуманитарность» Виталия Львовича – не просто уважение к более «практическим», нежели философия, областям гуманитарного знания, в первую очередь к филологии и истории. Филологию и историю он, специалист по философскому наследию М.М. Бахтина и по истории герменевтики, почитал тем, без чего подлинная философия сегодня невозможна: ведь смысл – не абстракция; он всегда имеет материальное, телесное воплощение – прежде всего в языке; он укоренен в конкретном событии и состоит как поступок. Телесность, историчность и событийность смыслов должны быть противопоставлены «платонизму варваров» – абстрактному идеализму и беспочвенному теоретизированию. «Герменевтика фактичности» – единственно верный путь онтологического исследования после того, как в начале XX в. в истории постромантической европейской мысли произошло главное событие – «переход от мира науки к миру жизни». «Философ для филолога – идиот», – назидал философ Махлин нас, филологов, *ex cathedra*. Вспомнив здесь Бахтина, следует сказать, что слова эти производили «антикарнавальное» действие: идиотами в этот момент чувствовали себя как раз филологи, которых махлинское речение об идиоте преисполняло ужаса и почтения перед философом, ибо эзотерическая сложность его мысли лишь подчеркивалась нарочитой грубостью слов.

Профессора обычно хрупки, робки...

Один из моих соучеников некогда интерпретировал клише «далекости» людей науки от практической жизни и неизбежности катастрофы при столкновении с нею в таких вот поэтических строках: «Профессора обычно хрупки, робки, // Ложатся спать в картонные коробки...». Мне могут возразить: солидная часть профессорского сословия вполне прилично подзарабатывает репетиторством, регулярно лежит под своими «Ладами» и «Шкодами», пилит дрова на профессорских дачах и там же собственноручно жарит шашлык.

Не могу себе представить, чтобы сноровка Виталия Львовича простиралась дальше приготовления кофе (очень хорошего, надо сказать). Он действительно иногда далек не то чтобы от практической жизни, а скорее от обиденного прагматизма. Он непрактичен той самой непрактичностью, которая на самом деле означает самую подлинную и глубокую форму понимания жизни и причастности ей. Той непрактичностью, которая некогда пробудила ненависть афинян к Сократу и навлекла на него обвинения в том, что он развращает юношей, научая их поклоняться новым и неизвестным доселе богам.

Мне часто доводилось видеть, как непрестанно угрожающая самому существу Махлина внутренним коллапсом тонкость и восприимчивость его «кожи», совершенное отсутствие иммунитета к бытовому, административному, академическому и прочему абсурду компенсируется действием того, кажется единственного, оружия, которым наделила его природа, – иронии (припомню пару псевдонимов, которыми он подписал собственные переводы очень не понравившихся ему иноязычных статей для книги о Бахтине, – Ипполит Эспуэзов и Маркс Капитонович Шнеерсон-Аксенов) и особого «махлинского» смеха – громкого, неожиданно тонкогласого, узнаваемого за версту. Резкими и даже бранными словами он не гнушается, но, когда их употребляет, они действительно кажутся наделенными той силой, которую узрел Бахтин в ругательствах простонародья, преобразенных гением Рабле: обновляющей и вселяющей надежду на воскресение к лучшему бытию. Его речь, переполненная аллюзиями, отсылками и осколочными цитатами, терминами как чужого, так и его собственного изобретения (чего стоит хотя бы «трансцендентальная рокировка»!) и обильно сдобренная остротами (как правило, эротического содержания), требует напряжения всех понимающих органов, порой совершенно изматывающего, – такого же, как чтение «Гаргантюа и Пантагрюэля» или «Москвы–Петушков». Например, положение вещей в гуманитарных науках рубежа тысячелетий он описал в таких вот немногих словах: «Свобода, б..., или Каждый сам себе Хайдеггер».

Сократ и силены

На Сократа Махлин похож как две капли воды. Даже внешне – если верить тому, как его изображали древние. Мы заметили это на первой же его лекции. Невысокого роста, «не толст, но и не то чтобы слишком тонок», с усами и, главное, с обрамленной короткими седыми кудрями лысиной. Эта лысина сразу сделалась для нас особым внешним знаком и подтверждением махлинского сократизма. Если бы ее не было, его образ не был бы так непрерываемо завершен (некоторые из нас во время лекций обожали рисовать его портреты ручкой в тетрадке).

Читая заданный Махлиным «Пир» Платона, мы опознавали нашего философа в пьяных речах сластолюбца Алкивиада, рассыпающегося в двусмысленно-скабрзных похвалах Сократу: «А Сократ и в повадке своей, и в речах настолько своеобразен, что ни среди древних, ни среди ныне живущих не найдешь человека, хотя бы отдаленно похожего на него. Сравнить его можно, как я это и делаю, не с людьми, а с силенами и сатирами – и его самого, и его речи...». И, мол, речи его – словно кривобокие, косматые, рогатые да пузатые статуэтки лесных чудищ, внутри которых художники прячут прекрасные изваяния подлинных богов и богинь.

Особенно страдали от махлинских занятий записные «ботаники», привыкшие, что восторг преподавателя можно вызвать, выучив наизусть учебник. Здесь такой номер бы не прошел – это стало ясно с первых пар. Но очень быстро сообществу «ботаников» возникла альтернатива. Наши скудные студенческие доходы уходили на покупку книг, которые он упоминал в лекциях (я до сих пор пользуюсь изданиями Хайдеггера и Гадамера, купленными в начале 90-х), а наше время – на их чтение, часто в ущерб подготовке к семинарам по более «профильным», чем философия, предметам.

Махлин поражал нас отчаянно противоречащей всему укладу пединститутской жизни манерой читать лекции.

Если бы он преподавал сейчас так, как преподавал нам двадцать лет назад, – скажем, если бы он работал в современной Вышке, – студенты писали бы жалобы после каждой пары. Десятки новых терминов и неизвестных нам имен произносились как нечто азбучно известное, полунамеком обозначались или попросту оставлялись «за кадром» содержания, от которых кипели мозги. И эти названия, имена, тезисы, казавшиеся нам поначалу китайской грамотой, Махлин выговаривал так, что становилось ясно: он этим живет, и если мы этого не знаем – значит, нам жизненно чего-то очень существенного недостает. А чего стоили отступления от программы и от темы занятий – порой катастрофически долгие, целиком исчерпывающие отведенное на лекцию время! Длина этих незапланированных эскапад представляется мне сейчас мерилom исследовательской честности: ведь бывает так, что не относящийся к заявленному сюжету лекции смысл тезиса, понятия, события просто невозможно опустить или обойти стороной... Правила дидактики запрещают отклоняться от избранной темы – но на этом настаивает сама жизнь.

Неофициальное. Makhlos

Домашние семинары, составлявшие львиную долю самых интересных университетских (и не только) занятий в позднесоветскую эпоху, до конца 80-х имели то преимущество, что на кухне можно было говорить о том, о чем не скажешь в аудитории даже при закрытой двери (ведь «нельзя» было отнюдь не только антиправительственные анекдоты, но и Библию; да и Джойса с Прустом или, скажем, Хайдеггера «можно» разве что в русле критики буржуазной идеологии). В 90-е, когда все запреты были сняты, у домашних занятий нашлось другое преимущество: на них стало уместно то, что в аудитории оказалось невостребованным – из-за падения престижа некоммерческих специальностей и/или в силу тотальной трудовой занятости постсоветского студенчества. Осенью кризисного 98-го я придумала переводческий домашний семинар.

И несмотря на немалое уже число проектов, книжек, конференций, семинаров, учебных путешествий – всего того, что я еще придумала с тех пор, – этот семинар, в разных, но по-прежнему домашних формах живущий и ныне (то есть спустя четырнадцать лет после его открытия), я считаю самым правильным и нужным моим изобретением. Осенью 98-го это была «ученая» версия пира во время чумы: нашего Профессора мы по мере скромных своих финансовых сил подкармливали (в буквальном смысле – клали в лежащий на общем столе конверт кто сколько мог), а Профессор – цитирую его – «лишал нас переводческой невинности». Простая истина – «для того, чтобы переводить, надо понимать» – на практике означала возможность перевести от силы пять-шесть предложений за три-четыре часа. Помню, однажды я расплакалась: после трех часов сидения над одной-единственной, и не самой сложной, фразой из небольшой статьи Эриха Ауэрбаха «Филология мировой литературы» перфекционист Махлин в очередной раз отверг предложенный кем-то из нас перевод.

В довольно позднем уже возрасте начав заниматься древнегреческим, Махлин случайно нашел в древнегреческо-русском словаре Вейсмана созвучное с его (отнюдь не греческой) фамилией слово *makhlos* и впоследствии с некоторым даже удовольствием цитировал нам его значения: «Страстный, яростный... похотливый!» Страстность и яростность в нем, в обыденной жизни – примерном семьянине, человеке доброжелательном, кротком и склонном, скорее, к бытовому аскетизму, – просыпается, когда ему становится интересно. Он легко увлекается – поэтому безжалостно ломает регламент, выступая на конференциях или оппонируя на защитах диссертаций (некогда отзыв на мою диссертацию об экзегезе Августина длиной превысил авторский лист). Начав читать диссертацию собственного аспиранта или докторанта, он почти всегда испытывает сильное искушение переписать ее целиком (и иногда этому искушению поддается). На всевозможных академических собраниях он не может промолчать, если чьи-то выступление или реплика вызывают у него активное несогласие.

Ясно, что такую манеру поведения в академическом сообществе можно оценить – и действительно оценивают – очень по-разному. Но для меня выбор Учителя, сделанный двадцать лет назад, по мере преодоления детской полубессознательной восторженности усилиями как интеллекта, так и совести, становится все более обоснованным. Иногда мне кажется, что вся моя учеба и вся проделанная мною за двадцать лет научная работа – только подготовка к совместной работе с ним. И может быть, настанет время, когда мы вместе напишем книгу. О Джамбаттисте Вико. Или о Михаиле Бахтине.

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ ГУСЕВ

- Родился в Москве.
- В 1981 г. закончил факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию «Обнаружение звуковых сигналов человеком-оператором в особых условиях»; в 2002 г. – докторскую диссертацию «Дифференциальная психофизика сенсорных задач».
- Профессор кафедры психологии личности факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (с 1975 г.).
- Основные работы: «Дисперсионный анализ в экспериментальной психологии» (2000), «Психофизика сенсорных задач» (2004), «Измерение в психологии» (в соавторстве с М.Б. Михалевской и Ч.А. Измайловым, 1997–2005), «Общая психология. Ощущение и восприятие» (2007), «Психологические измерения. Теория. Методы» (в соавторстве с И.С. Уточкиным, 2011).
- Награжден медалью в честь 850-летия Москвы; лауреат Ломоносовской премии МГУ им. М.В. Ломоносова за педагогическую деятельность (1997).

ИГОРЬ УТОЧКИН

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

**Алексей Николаевич Гусев:
Несколько жизнерадостных уроков
психологии**

Мне повезло! На моем профессиональном пути встретилось немало замечательных людей, которых я без раздумья мог бы назвать своими учителями. И все же одного человека я считаю своим Главным Учителем. От него я впервые узнал, что такое быть ученым, у него учился преподавать, у него учился работать в команде.

Первые впечатления

Наше знакомство состоялось в 1999 г., когда я был студентом первого курса на факультете психологии МГУ. Наш курс оказался участником весьма смелого эксперимента: во втором семестре первого курса нам

в учебный план поставили один из самых сложных и насыщенных разделов курса по общей психологии – «Ощущение и восприятие» (обычно этот раздел преподается на втором курсе). Алексей Николаевич Гусев вел семинары по этому предмету в нашей группе. Честно признаться, после неторопливого и, как казалось, не слишком «навязчивого» стиля преподавания других дисциплин, к которому я успел привыкнуть за первый семестр и которые шли параллельно во втором, фирменный энергичный и требовательный «гусевский» стиль казался непривычно жестким. Чуть позже стало понятно, что это нормальный профессионализм. Алексей Николаевич прекрасно владеет предметом и ожидает, что его студенты будут стремиться к этому уровню. Вторая встреча произошла позже, в конце третьего курса, когда я активно искал преподавателя, который согласился бы стать моим руководителем с нового учебного года.

В то время, попробовав писать курсовые работы на разные темы, я пришел к выводу, что мне интересно заниматься когнитивной психологией, о которой, как сейчас понимаю, я тогда знал совсем немного, в пределах обязательной учебной программы. Однако того, что я тогда знал, мне было достаточно, чтобы избрать для себя именно это направление, как потом оказалось, на долгие годы.

Алексей Николаевич Гусев оказался в моем «шорт-листе» потенциальных руководителей. Я даже не помню точно, ходил ли я к кому-то еще; помоему, я сразу направился к нему в лабораторный корпус психфака на Большой Никитской, где был очень хорошо принят и получил несколько идей для обдумывания потенциальной темы работы. Хотя мне было дано время, сомнений практически не оставалось: я был уверен, что готов работать с этим человеком, и практически сразу увидел «свою» тему, которая точно соответствовала тому, что я ждал от своего нового «дела жизни» – когнитивной психологии. И еще: я был в восторге от атмосферы и душевного коллектива Общего практикума, который в те годы возглавлял Алексей Николаевич. Это было подразделение факультета, сотрудники которого разрабатывали учебные программы и методическое обеспечение, а также вели лабораторные занятия по ряду базовых практических дисциплин. В моем сознании Практикум навсегда «отпечатался» (как у новорожденных птенцов в знаменитых исследованиях К. Лоренца) как модель настоящей научной лаборатории. Организовывая научно-учебную группу, а затем и лабораторию когнитивных исследований в Вышке, я – осознанно или неосознанно – стремился к воссозданию этой атмосферы.

Совместная работа

А дальше были исследования, сначала на старших курсах, а затем и в аспирантуре. Под руководством Алексея Николаевича я занимался изучением обнаружения слабых звуковых сигналов на фоне шума. И здесь проявилось еще одно замечательное качество моего нового руководителя, которое было очень ценно для меня тогда и остается ценным сейчас. Мне была предоставлена определенная творческая свобода: я сам мог придумывать свои гипотезы и модели экспериментов. Хотя после обсуждения с Алексеем Николаевичем я понимал, что некоторые мои идеи абсолютно сумасшедшие, я оставался свободен в выборе того, что мне делать дальше. Сейчас я понимаю, что эта свобода, данная мне, была определенным риском, на который шел мой руководитель, и за этот риск я ему очень признателен. Я верю, что подобная свобода необычайно важна для формирования самостоятельного научного мышления.

Вместе с тем за свободой научной мысли на самом деле стояла огромная поддержка, которую я могу оценить только сейчас, оказавшись во главе научного коллектива и занимаясь организацией его работы. Вся моя студенческая, аспирантская и во многом нынешняя исследовательская работа была бы вряд ли возможна без организационных усилий Алексея Николаевича Гусева. Так, серия уникальных программных продуктов для проведения экспериментов в области восприятия, созданная Алексеем Николаевичем совместно с талантливым программистом Александром Кремлевым, включая конструкторы StimMake и SoundMake для экспериментов в области зрительного и слухового восприятия, стала необычайно полезным инструментом, без которого я не могу обойтись до сих пор. Замечательное свойство этих программ в том, что они позволяют психологу-исследователю,

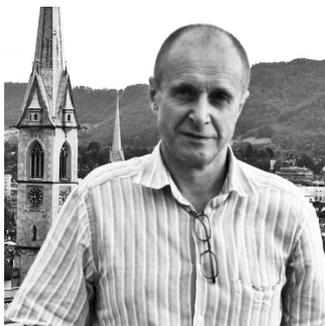
не обладающему особыми познаниями в области компьютерного программирования, с легкостью «собирать» самые разнообразные экспериментальные методики, обеспечивая при этом высокую точность скоростных характеристик предъявления стимулов и регистрации реакций.

Вышка

В 2003-м для проведения дипломных экспериментов Алексей Николаевич Гусев впервые привел меня на недавно созданный факультет психологии Высшей школы экономики, а уже через два года (снова «с подачи» моего научного руководителя) я пришел в Вышку работать. В течение нескольких лет мы продолжали вместе с Алексеем Николаевичем преподавать студентам факультета психологии: он вел лекции, а я – семинары.

Наши дни

К сожалению, в последние несколько лет мне не очень часто удается лично общаться со своим учителем: я львиную долю времени посвящаю преподаванию и работе в лаборатории в Вышке, а Алексей Николаевич продолжает активную работу в МГУ (к сожалению, сейчас он не преподает студентам Вышки). Тем не менее каждую нашу редкую встречу этот человек продолжает восхищать меня своим неугасимым энтузиазмом и человеческой теплотой. С удовольствием продолжаю и нашу с ним работу над совместными проектами и статьями. Результатом одного такого проекта стало совместное учебное пособие «Психологические измерения», вышедшее в 2011 г. Искренне надеюсь на продолжение этого сотрудничества и человеческого общения и в будущем!

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ АВДОШИН

- В 1979 г. окончил МИЭМ по специальностям «Электронные вычислительные машины» и «Прикладная математика».
- В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию «Разработка и исследование автоматизированного метода решения экстремальных задач технологической подготовки производства ЭВА».
- 1995–2000 гг. – ректор Apple-университета.
- Основатель (1992) и заведующий (до 2005 г.) кафедрой «Информационные технологии» в «МАТИ» – РГТУ им. К.Э. Циолковского.
- 2001–2005 гг. – руководитель Центра тестирования Министерства образования РФ.
- Основатель (2005), профессор и заведующий кафедрой «Управление разработкой программного обеспечения» факультета бизнес-информатики ГУ–ВШЭ.
- Разработчик профессиональных стандартов для отрасли информационных технологий и Федерального образовательного стандарта высшего профессионального образования нового поколения по направлению «Программная инженерия».
- Создатель и руководитель международной магистерской программы «Системная и программная инженерия» в партнерстве между ГУ–ВШЭ и Технологическим университетом Эйндховена, Нидерланды (2010).
- Действительный член Всемирной академии наук комплексной безопасности, член-корреспондент Международной академии информатизации.
- Автор более 150 научных работ, в том числе шести монографий.
- Основные работы: «Дискретный принцип Гюйгенса–Френеля и его применение к вычислительным системам пятого поколения (Разработка архитектуры, распараллеливание, лексический анализ ЕЯ и ГАП ВС-5)» (в соавторстве с В.В. Беловым и В.П. Масловым, 1983), «Математические аспекты синтеза вычислительных сред» (в соавторстве с В.В. Беловым и В.П. Масловым, 1984).
- Удостоен Благодарности Правительства Российской Федерации (2012), IBM Faculty Awards (2011).

АЛЕКСАНДРА САВЕЛЬЕВА

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Сергей Михайлович Авдошин:
Постигая новое, лелеять старое

«Авдошинская школа», – прокомментировал председатель жюри мое выступление на Всероссийском конкурсе инновационных проектов аспирантов и студентов по приоритетным направлениям развития науки и техники в 2005 г. Принадлежать к числу учеников Сергея Михайловича Авдошина, профессора, действительного члена Всемирной академии наук комплексной безопасности, члена-корреспондента Международной академии информатизации – большая честь и ответственность.

И верится, что час вернулся прежний

Что же кроется за словами «авдошинская школа»? Она началась для меня в 2002 г., когда я проходила вступительные испытания в «МАТИ» – Российском государственном технологическом университете им. К.Э. Циолковского. О том, что собеседование по информатике проводил сам заведующий кафедрой «Информационные технологии» Сергей Михайлович Авдошин, я еще

не знала: гораздо больше в тот момент меня волновала экзаменационная задача. Используемой в постановке задачи терминологией я не владела и совершенно не представляла, с какой стороны подойти к решению. Удивляясь собственной смелости, я призналась в этом экзаменатору. Вместо неудовлетворительной оценки я получила подробное объяснение того, как решать такие задачи, и возможность применить знания на новом примере. Так состоялось наше знакомство: эту историю мы с моим научным руководителем вспоминаем до сих пор. Хотя прошло уже больше десяти лет, кажется, что было это совсем недавно.

Опыт, сын ошибок трудных

«Авдошинская школа» не для слабовольных и не для лентяев. Например, в одиннадцать вечера может раздаться телефонный звонок, и Сергей Михайлович бодрым голосом спросит: «Хочешь завтра пойти на конференцию по проблемам моделирования программного обеспечения? Хорошо, тогда в семь утра встречаемся на Кропоткинской».

За время конференции Сергей Михайлович успевает познакомиться и наладить контакт со всеми докладчиками, визитные карточки которых в нужный момент окажутся у него под рукой, ответить на несколько десятков имейлов и звонков, а после этого пешком пройти к зданию Вышки на Мясницкой, потому что на улице хорошая погода. От меня же потребуется к утру переработать материалы конференции на предмет внедрения в учебный процесс, подготовить тезисы доклада на ближайшей конференции, проверить правильность результатов экспериментов и сократить статью. Хотя подготовка к публикации совместных статей заслуживает отдельного разговора.

Над первой статьей мы работали долго, целую вечность: меняли структуру, исправляли формулировки, добавляли примеры, сокращали текст, потом возвращались к разделам, которые уже были отшлифованы, и снова их перерабатывали. Иногда меня охватывало отчаяние: казалось, что процесс никогда не закончится. Прошло время, прежде чем я поняла: это была не просто подготовка публикации, это был неформальный курс по написанию научных статей.

С выступлениями на конференциях, к моему удивлению, ситуация была обратная. Сергей Михайлович старался как можно раньше, по его собственному выражению, «забросить доклад» (что означало «забросить меня» в незнакомое и далеко не всегда дружелюбно настроенное научное сообщество). Позитивную и негативную реакцию на представленную работу научный руководитель воспринимал одинаково – с невозмутимостью и спокойствием; но для меня, молодого ученого, каждое выступление было событием, сопряженным с накалом эмоций. Результатом таких тренировок в полевых условиях для меня стал большой опыт докладов на самых разных площадках, освоение методов самообороны от «трудных» слушателей и извлечения максимальной пользы от полученной обратной связи. И, конечно же, огромное количество научных контактов, впечатлений и фотографий, привезенных из совместных поездок на конференции в Оксфорд, Цюрих и Будапешт.

Дорогу осилит идущий

В 2005 г. Сергей Михайлович оставил пост в «МАТИ», решив заняться созданием новой кафедры «Управление разработкой программного обеспечения» на факультете бизнес-информатики в Высшей школе экономики. Я и мои однокурсники, верившие в успех всех начинаний Авдошина, пошли за ним в Вышку. Мы стали студентами первого выпуска магистратуры по направлению «Управление разработкой программного обеспечения». Учебные программы «обкатывались» на нашем курсе, преподаватели были полны энтузиазма, потому что работали над уникальным проектом – вместе с нами они закладывали фундамент для развития нового образовательного направления.

В 2006 г. открывается отделение программной инженерии, и Вышка становится флагманским центром подготовки специалистов по новому направлению и получает возможность диктовать стандарты другим вузам. Усилиями Сергея Михайловича наш университет стал первым в России высшим учебным заведением, реализующим на практике не только пособие «Совокупность знаний по программной инженерии» (Software Engineering Body of Knowledge, SWEBOK), но и программы аттестации CSDA и CSDP (Certified Software Development Associate, для специалистов, и Professional, для профессионалов) IEEE Computer Society – лидирующей в мире организации профессионалов в области вычислительной техники. У студентов благодаря этому появляется множество перспектив – работа в престижных компаниях, участие в исследовательских проектах, обучение за границей.

Дух отрицанья, дух сомненья

Стандартам Сергей Михайлович всегда уделял большое внимание. Разработка программного обеспечения является сравнительно молодой отраслью промышленности, где, в отличие от других инженерных направлений, профессиональная культура находится в процессе интенсивного формирования.

Именно поэтому очень важно, чтобы выпускники вузов знали отраслевые стандарты и умели применять их на практике. Объясняя это студентам, преподаватель наталкивается на сопротивление и непонимание: «Я не хочу тратить время на разработку кипы документации, которую все равно никто не будет читать!», «Главное, что моя программа работает, и совсем необязательно описывать ее поведение!» и т.д. Такое отношение мне приходилось наблюдать и у однокурсников, и у своих собственных студентов (должна признаться, меня эти мысли тоже посещали после очередной неудачной попытки подписать у руководителя техническое задание). Убедить учеников в том, что использовать стандарты необходимо, – одна из труднейших задач, выполнение которой я считаю своим долгом.

Вместе с тем профессиональная деятельность программиста связана с решением не только инженерных, но и научных задач. Сейчас популярна история о том, что в 60-е годы мощности компьютеров, используемых для запуска человека на Луну, не превышали мощности современного смартфона. Некоторым студентам это дает повод считать, что в наше время не так уж важно выбирать эффективные методы обработки информации: почти любую проблему можно решить «в лоб» и теория алгоритмов как наука устарела. Предложить эту точку зрения моему научному руководителю означает вызвать гнев и навсегда потерять его уважение.

Постигать новое, лелея старое

По утверждению Конфуция, тот может быть учителем, кто постигает новое, лелея старое. Теория алгоритмов – одна из главных дисциплин, освоение которой Сергей Михайлович считает необходимым условием становления специалиста. На его лекциях мы получали возможность взглянуть на нашу будущую профессию как на область, где важны не только технические знания, но и способность применить творческий подход и даже, представьте себе, есть место поэзии! Приведу пример.

Для иллюстрации ключевого для программирования понятия рекурсии Сергей Михайлович использовал стихи Роберта Бёрнса в переводе Маршака:

– Он целовал Вас, кажется?

– Боюсь, что это так...

– Но как же Вы позволили?

– Ах! Он такой чудак!

Он думал, что уснула я

И все во сне стерплю!

Иль думал, что я думала,

Что думал он – я сплю...

Технические возможности быстро меняются, и теперь я, объясняя своим студентам принципы и особенности применения рекурсии, использую трехмерный фильм «Сны Серпинского» про путешествие по волшебному миру фракталов. И я очень надеюсь, что мои ученики тоже смогут перенять и использовать в работе умение взглянуть на задачи по-новому, привнося в профессию что-то свое.

Сейчас трудно сказать, чем будут заниматься по прошествии времени представители «авдошинской школы». Но я надеюсь, что все мы останемся верны заложенным нашим учителем принципам: трудолюбие, упорство, смелость, коллективная сплоченность, творческий подход к работе и бесконечная преданность профессии.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВИЧ ТОМШИНОВ

- Родился в Самойлово (Смоленская обл.).
- В 1977 г. окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, продолжил обучение в аспирантуре факультета экономики и права РУДН.
- В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию «Источники британского колониального права в Тропической Африке в XIX – начале XX века»; в 1993 г. – докторскую диссертацию «Юриспруденция в духовной культуре древнего и средневекового общества».
- Заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (с 2006 г.).
- 2006–2011 гг. – эксперт-правовед со стороны Российского государства в деле о мемориале цесаревича Николая Александровича, рассматривавшемся в судебных органах Франции.
- Директор издательства учебной и научной юридической литературы «Зерцало»; основатель и главный редактор книжных серий «Русское юридическое наследие», «Великие реформы», «Великие русские люди».
- Автор более 600 публикаций, в том числе 39 монографий научного, методического, художественно-публицистического характера по широкому кругу проблем истории отечественного и зарубежного государства и права, юриспруденции, политической и правовой мысли.
- Основные работы: «Юриспруденция Древнего Рима» (1993), «История русской политической и правовой мысли X–XVIII веков» (2003), «Аракчеев» (серия «Жизнь замечательных людей») (2003, 2010), «Государство и право Древнего Египта» (2011).

ДМИТРИЙ ПОЛДНИКОВ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Владимир Алексеевич Томсинов: Правовед с неутолимым интересом к истории

Кажется, все главное о значении Учителя высказано давным-давно. Еще в Древней Индии были убеждены, что гуру, дающий знание Веды, почтеннее отца, поскольку способствует духовному перерождению ученика (Манусмрити, гл. II, 146). Сейчас мы уже не верим, что овладевающий знанием без разрешения учителя «виновен в краже Веды» и низвергается в ад (Манусмрити, гл. II, 116). Однако как же мучительны, трудоемки и зачастую бесплодны блуждания молодого исследователя по лабиринтам научного знания без опытного проводника!

Назвался груздем...

В студенческие и аспирантские годы сначала на историческом, а затем и юридическом факультете МГУ мне посчастливилось встретить нескольких талантливых руководителей, которые научили не только азам, но и раскрыли безграничные перспективы науки.

Среди них научные руководители дипломной работы и диссертации Игорь Святославович Филиппов и Леонид Львович Кофанов. И все же особо отмечу Владимира Алексеевича Томсинова, чье влияние на мою научную позицию с годами представляется мне все более весомым.

Дело не в его значительных титулах или должностях, не в формальном «шефстве». Думаю, Владимир Алексеевич удивился бы, узнав, что я назвал его своим Учителем: ведь мне не довелось писать под его руководством работ ни в студенческие, ни в аспирантские годы. Он на общественных началах рецензировал мое дипломное исследование по истории, рекомендовал научного руководителя по диссертации, оценивал содержание нескольких научных статей, написанных для юридических журналов, помогал советом по различным поводам и лишь недавно взял на себя труд консультировать меня в ходе подготовки докторской диссертации. Но несколько уроков Владимир Алексеевич своей академической деятельностью преподавал мне гораздо раньше.

Урок 1. Театр начинается с вешалки...

Знакомство состоялось за чаепитием в рабочей квартире профессора, заставленной книжными полками и свежими публикациями его издательства. С Владимиром Алексеевичем меня познакомили родители: в 1995 г. моя мать повышала квалификацию в МГУ, и весной, когда отец привез меня в Москву, она договорилась о нашей встрече с интересным ученым. Можете представить, какое впечатление на десятиклассника-«ботаника» из семьи двух преподавателей-историков произвело знакомство с настоящим профессором, глубоким знатоком истории! Разговор шел и о прошлом, и о современности. Помню, что даже снимал часть встречи на видеокамеру. Владимир Алексеевич, узнав, что я хочу поступать в МГУ, рассказал о жизни университета, дал несколько ценных советов абитуриенту и на прощание презентовал пару собственных книг с автографом. Так состоялся обряд «посвящения» в академическую среду.

Урок 2. Изучай историю – и ты познаешь мир!

Поступление на исторический факультет МГУ не препятствовало посещению лекций Владимира Алексеевича по истории права для студентов юрфака в соседней поточной аудитории. Зато этому мешало отсутствие свободных мест в лекционной аудитории! И причиной тому были не только слухи о строгости профессора на экзамене. Владимир Алексеевич читал сложный учебный материал четко, последовательно, перемежая сухой минимум информации живыми примерами, историческими анекдотами, ответами на самые неожиданные вопросы слушателей. Из его лекций можно было узнать не только об общих чертах цивилизаций Древнего Востока или причинах составления Законов XII таблиц в Риме, но и о том, как остроумно ответил греческий мудрец Диоген на вопрос Александра Македонского: «Диоген, чем я могу помочь тебе?» – «Отойди, ты загораживаешь мне солнце!»

Интерес студентов к предмету порой приобретал необычные формы. Например, прочитав одну из записок, Томсинов ответил в зал:

– Голубой.

– ???

– *Меня спросили, какой мой любимый цвет.*

И если молодых американцев дядя Сэм вербовал, используя лозунг «Вступай в армию – и ты увидишь мир!», то в каждой лекции Владимира Алексеевича неявно звучал еще более привлекательный, на мой взгляд, призыв: изучай историю, чтобы познать мир.

Урок 3. На ошибках учатся...

Без хорошего «ухода» древо познания не принесет сочных плодов даже на почве интереса к предмету. Именно такие методы «агрикультуры» предстоит перенять у учителя.

Владимир Алексеевич не раз говорил (и доказывал на деле в своих публикациях), что наука истории права – это обнаружение «мифов» и борьба с ними. Союзниками ученого в этой борьбе должны стать широта кругозора и поиск многообразных связей предмета исследования с действительностью.

Томсинов одним из первых в российской науке исследовал значение юриспруденции в духовной культуре древнего и средневекового общества (такова тема его докторской), изучив влияние религии, морали, политики, философии на сферу права. Именно такой комплексный подход, а не пресловутый экономический детерминизм марксистской историографии, позволяет лучше разглядеть «приводные ремни» развития правовых институтов на протяжении столетий.

Однако широта кругозора не должна «размывать» четкий предмет исследования и строгость научных формулировок. И Владимир Алексеевич мне дал это ясно понять, когда, составив положительную рецензию, с глазу на глаз разнес в пух и прах мою дипломную работу правоведа-любителя по истории средневекового права, успешно защищенную на историческом факультете.

Урок 4. Кто вёсел не бросил, тот землю свою найдет!

Профессиональная биография Томсинова – это наглядное подтверждение тому, что ученый должен сочетать в себе заинтересованность и методологические навыки с самым настоящим упорством. Именно оно помогает занять свое место как в науке, так и в университете.

Владимир Алексеевич заканчивал юрфак МГУ, но на родном факультете закрепиться ему удалось далеко не сразу. Сначала аспирантура и защита кандидатской в «чужом» московском совете по навязанной теме, затем направление в Гродненский университет, годы поиска своей большой научной темы, поездки в столицу и штудирование фондов «Ленинки», наконец, успешная защита докторской и возвращение на родную кафедру в МГУ на должность профессора, а затем заведующего.

В политической или военной истории немало примеров, когда успех сопутствует тому, кто оказывается в нужное время в нужном месте. Но в науке стечение обстоятельств вряд ли может заменить упорство исследователя.

Урок 5. Критика – не шоколад: сладко не станет, но и фигуру не испортит

В своей жизни мне довелось испытать на себе разные стили научного руководства: «кнута и пряника», «кнута вместо пряника», даже «пряника без кнута». С удовольствием вспоминаю Марину Александровну, свою

учительницу в детской музыкальной школе, которая даже за совсем не выученный урок ласково журила меня: «Димочка, миленький, ты же опять ничего не сделал!»

У Владимира Алексеевича подход иной. Показывая ему рукопись, я то и дело слышал: «Ты начал за здоровье, а кончил за упокой. Какое же отношение вывод имеет к проблеме статьи?», «Это не целостное исследование, а очерки! Понимаешь? Очерки!», «Ты спрашивал мое мнение, а сам его не воспринимаешь» и т.д.

Конечно, оптимизма такое руководство не добавляет, но чего не вытерпишь ради профессионального роста от ученого, который видит то, что пропускают другие! «...Ты пишешь в работе о четырех этапах развития теории договора, но отмечаешь, что после третьего сложилась новая традиция. Разве этапы не предполагают преемственности?» Действительно! А ведь эту работу я обсуждал с несколькими правоведами, и никто не «выловил» такую явную логическую непоследовательность!

Разумеется, нет предела совершенству, и мне до него очень далеко. Но как же приятно узнать через коллегу по кафедре, что Владимир Алексеевич советовал ему посмотреть мою рукопись – именно потому, что она написана очень качественно!

Не знаю, какой метод лучше «в принципе» – кнут или пряник, – только музыкантом я не стал, а научные публикации до сих пор мой хлеб с маслом.

Урок 6. «Имя можно сделать только монографиями...»

Эти слова в устах Томсинова звучат особенно убедительно. Сухие цифры публикаций указаны во врезке (нет, не могу воспринимать число 600 (!) спокойно).

Здесь дополню их тематикой научных интересов Владимира Алексеевича:

- *история египтологии;*
- *юриспруденция Древнего Рима;*
- *юридические аспекты английской революции;*
- *сущность британский конституции;*
- *история русской политической и правовой мысли X–XIX вв.;*
- *конституционный вопрос в России 1860–1880-х годов;*
- *политические портреты русских государственных деятелей и правоведов (Павел I, А.А. Аракчеев, М.М. Сперанский, И.А. Ильин и др.).*

Мой вывод из вышеизложенного: сомнителен молодой исследователь, который не мечтает на склоне лет заставить своими публикациями книжный шкаф в рабочем кабинете.

Урок 7. Историк права в России – больше, чем историк!

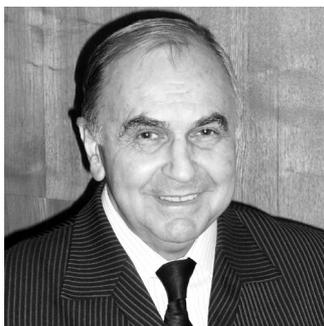
Уже в Древнем мире история служила наставницей жизни. В неменьшей степени роль наставницы к лицу истории права. Активная гражданская позиция Томсинова как нельзя более убедительно показывает, что изучение опыта прошлого не отдаляет, а приближает к современности. Подобно пушкинскому пророку, Томсинов «жжет сердца людей» глаголом в своих полемических интервью и журнальных статьях на злободневные темы российской общественной жизни, науки, образования, обличая отсутствие государственных интересов у правящей элиты, коррумпированность, низкий уровень юридического образования и многие другие нестроения. И это не популистские заметки, которыми полна современная пресса, а дельные рекомендации, подкрепленные историческими данными!

К слову, общественные интересы Владимир Алексеевич отстаивает не только словом, но и делом.

Так, в деле 2006–2011 гг. о мемориале цесаревича Николая Александровича в Ницце он доказал французскому суду переход права собственности от Российской империи к современной России.

Будущее начинается с прошлого....

В конце 2012 г. Владимир Алексеевич в очередной раз преподнес сюрприз коллегам: ушел в творческий отпуск, чтобы завершить работу над базовым учебником по всеобщей истории государства и права. Думаю, из этого можно извлечь еще один урок: преданное служение – залог творческого долголетия и ясного ума.

СЕРГЕЙ АРТЕМЬЕВИЧ АЙВАЗЯН

- Родился в Москве.
- В 1957 г. окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1975 г. – докторскую диссертацию по специальности «Математическая кибернетика».
- 1957–1969 гг. – младший научный сотрудник Математического института им. В.А.Стеклова АН СССР.
- Создатель (1969) и заведующий Лабораторией вероятностно-статистических методов и моделей в экономике Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ).
- Заместитель директора (1985) ЦЭМИ РАН по научной работе.
- Академик (иностранный член) Национальной академии наук Республики Армения по Отделению математики (с 2008 г.).
- Основные работы: «Некоторые замечания к асимптотически эффективным линейным оценкам коэффициентов регрессии» (1964), «Типология потребления» (1978), «Социальные индикаторы» (2006).
- Лауреат Премии Совета министров СССР (1986); Премии и медали Французского национального конгресса статистиков (1986); Премии Международного научного фонда экономических исследований им. Н.П. Федоренко «За выдающийся вклад в развитие экономической науки России» (2007); награжден медалью Европейского эконометрического общества (1988); удостоен звания «Заслуженный деятель науки России» (2002).

ГЕНРИХ ПЕНИКАС О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

**Сергей Артемьевич Айвазян:
Воплощение научной мудрости**

Многие из нас знакомы с шедевром «Девятый вал», написанным русским маринистом Иваном Константиновичем Айвазовским. Однако не всем известно, что автор ее принадлежал к армянской семье Айвазянов и при рождении получил имя Ованнес (Иван – русифицированный вариант этого имени).

Случай или совпадение

История умалчивает о связи между этими фигурами, но то ли по стечению обстоятельств, то ли по случайному совпадению создатель и художественный руководитель одного из первых джазовых ансамблей СССР – Государственного эстрадного оркестра Армении – тоже носил фамилию Айвазян. Артемий Сергеевич Айвазян, композитор, победитель 1-го Всесоюзного конкурса виолончелистов, народный артист Армянской ССР, был отцом ключевого персонажа моего сюжета – Сергея Артемьевича Айвазяна, профессора, математика,

специализирующегося на математических методах анализа экономики, в частности на прикладном многомерном статистическом анализе.

Тем не менее, если вы попробуете отыскать гражданина с таким именем и отчеством, ваши поиски будут безрезультатны по одной причине, делающей имя нашего персонажа еще более интригующим. Однажды при смене паспорта Артемию Сергеевичу сказали, что в Армении не бывает имени Артемий, а есть только имя Арутюн, что означает «Воскрешение». Так Артемий Айвазян получил второе имя – Арутюн, а Сергею Айвазяну при выдаче паспорта присвоили соответствующее отчество. Неординарность жизненных обстоятельств и черт характера всегда выделяют Сергея Артемьевича и сопутствуют ему в жизни!

Встреча первая, заочная

Сейчас мне сложно вспомнить конкретный день, когда я впервые узнал о Сергее Артемьевиче. Все, что помню, – это события, которые предшествовали нашему знакомству.

Однажды, учась на четвертом курсе бакалавриата Вышки, я выступал на научном семинаре с докладом о результатах исследования данных по промышленным предприятиям. Мне заметили, что моделирование зависимости выпуска продукции от разных категорий затрат более эффективно проводить по однородным группам предприятий. У меня возник простой вопрос: как нам можно определить критерии однородности предприятий, чтобы построить модель, распространяющуюся на небольшие подгруппы предприятий, – более точную, нежели та общая модель, которая построена на всем массиве данных? (Позже я узнал, как называет это Сергей Артемьевич Айвазян: «близость в некотором смысле наблюдений».) В ответ я услышал, что есть очевидный способ – кластер-анализ, в рамках которого задаются измеряемые критерии, определяется способ сравнения этих критериев и получаются однородные группы объектов анализа. Когда я представил это в уме, то оценил, насколько красиво решение задачи. Только подумайте: вначале вы видите облако черных точек, которые в ходе кластеризации на ваших глазах превращаются в сгустки малых облаков – красных, синих, зеленых... Тогда я понял, что это именно то, чем я хочу заниматься!

И мне сразу же порекомендовали посмотреть книги профессора Айвазяна, который знает о кластер-анализе все. Уже позже я узнал, что Сергей Артемьевич является учеником Андрея Николаевича Колмогорова, великого русского математика, которого во всем мире считают человеком, в совершенстве владеющим всеми аспектами современной теории вероятностей, ведь, по сути, это он ее и разработал.

Познакомившись с рекомендованной книгой, я увидел в учебном плане, что в конце первого года магистратуры сам Айвазян будет вести у нас свой курс. Тогда у меня появилась цель: познакомиться с ним. И в сравнении с этой целью все остальные задачи стали казаться настолько обыденными, что их решение как будто бы совсем и не требовало труда (хотя именно в то самое время мне надо было готовиться к госэкзамену и защите дипломной работы).

Каждый раз, пробуя новые переменные, новые варианты группировки в рамках кластер-анализа, который я запускал в программе SPSS вечерами в офисе после основной работы, я вспоминал о Сергее Артемьевиче и думал о предстоящей встрече с ним.

Встреча вторая, очная

Вторая встреча, несмотря на то что она предполагалась учебным планом, оказалась тем не менее неожиданной. Неожиданность ее заключалась в том, что, по правде сказать, я не знал, чего и кого я жду: за именем С.А. Айвазяна для меня стоял прежде всего метод; я как-то и не задумывался о том, что разработавший его ученый – живой человек.

Был февраль 2007 г. Факультет экономики уже полгода как переехал в новый корпус на Покровском бульваре. Это должен был быть понедельник, так как курс «Многомерный статистический анализ» Сергей Артемьевич всегда ведет по понедельникам.

Помню, мы сидели в аудитории, где была тогда еще старая, меловая, а не маркерная доска. В аудиторию вошел мужчина. Он держался с большим достоинством и в то же время скромно. Все, что я заметил вначале, – он был много старше нас. На нем был бежевый костюм с галстуком (все занятия Сергей Артемьевич проводит непременно в костюме, хотя галстук носит редко).

До этой лекции я слышал легенды об именитых мастерах боевых искусств Японии, которых редко можно отличить на улице, но которые, войдя в зал для тренировок, преображаются – и тогда уже каждый может с легкостью сказать, что видит мастера. Я предполагал, что такое преобразование возможно, но верил в это слабо, пока Сергей Артемьевич не начал лекцию. В его голосе слышалась колоссальная уверенность. Он говорил спокойно, но чувствовалось: все, о чем он говорит, ему довелось узнать и применить на практике, пережить на опыте.

Он заражал интересом к тому, чем занимался. Он настолько аккуратно выписывал все обозначения в формулах, что весь мир как бы раскладывался в понятную картинку. Тогда я понял, что хочу работать с Сергеем Артемьевичем Айвазяном. Причем вопрос о теме у меня даже не возник. Я знал, что исследования, которые я делал по банкам, возможно, ему не близки, но меня это не беспокоило.

И вдруг совершенно случайно во время лекции Сергей Артемьевич приводит в пример один из методов классификации наблюдений, предлагая представить, что одно распределение соответствует неэффективным, а другое эффективным банкам – именно банкам! Возможно, для меня это сработало как переключатель на повышение концентрации внимания: когда мы стали рассматривать одну точку на графике, мне показалось, что сделанный о ней вывод неточен. Тогда после лекции я подошел к Сергею Артемьевичу (замечу, что я был единственным, кто, начиная с самого первого занятия, когда-либо подходил к нему после лекций) и спросил его, правильно ли я думаю, что в рассмотренном примере есть противоречие с постановкой задачи. Поразмыслив некоторое время, он согласился с моим аргументом. И я понял, что не просто хочу с ним работать, но и смогу, потому что он готов слушать меня и обсуждать идеи и предложения, касающиеся моих исследований. Поэтому я сразу спросил, могу ли прийти к нему, чтобы рассказать о том, какие исследования делал до встречи с ним и где мы можем найти точки пересечения. Он сразу же назвал время и дату, когда я могу подойти к нему в ЦЭМИ (Центральный экономико-математический институт Российской академии наук).

О нашем пути после встречи: этап обязательный

С этого дня у меня началась новая жизнь – в ней появилась непередаваемая одухотворенность! Эта одухотворенность рождалась от осознания того факта, что мне пришлось соприкоснуться с грандиозным опытом, как

научным, так и жизненным, – с опытом, масштабам которого я, еще недавно ученик простой калужской школы, даже и представить себе не мог. Мне довелось работать с человеком иного поколения и, что не менее важно, неизвестных мне традиций. На самом деле корректнее сказать так: традиций, которые отсутствовали в новой России и которых теперь очень не хватает многим – не только ученым, но и просто людям, начавшим свою взрослую жизнь уже после 1990-х и не имевшим возможности соприкоснуться с жизненной мудростью безвозвратно ушедшей эпохи.

К счастью, в лице Сергея Артемьевича я встретил именно такого человека, который очень тактично, но регулярно и поступательно делился своей мудростью, и не только в части того, какие методы следует применять в научной работе или как интерпретировать результаты, но и как вести себя в жизни.

Он был единственным из встреченных мною людей, кто, зная о моем весьма напряженном расписании, сам предложил встречаться в те редкие часы, которые были мне действительно удобны. Я стал приходить к нему в ЦЭМИ в 8:30 по средам. Со своей стороны, я взял обязательство (которое, правда, не оглашал ему официально) регулярно, раз в неделю или две, представлять ему наработки по исследованию. Это происходило независимо от того, проводилось ли исследование в магистратуре (которое параллельно курировал коллега Сергея Артемьевича из Франции, приехавший с докладом в ЦЭМИ в 80-х годах, – Франсуа Гард) или в аспирантуре. Перед каждой встречей я высылал Сергею Артемьевичу материалы, чтобы он смог их посмотреть и прокомментировать.

Сергей Артемьевич, среди прочего, заставил меня понять, что значит апробация и публикация научных результатов. По окончании исследования в магистратуре, работая в одном из банков, я столкнулся с задачей прогнозирования кривой доходности. Посмотрев наработки других исследователей, я предложил свое решение для российских данных.

Тогда Сергей Артемьевич сразу посоветовал вынести его на обсуждение на одной научной конференции, а по итогам обсуждения сделать публикацию. Сначала мне не была понятна необходимость этих шагов, если результат уже есть. Но потом я осознал, что научное сообщество нужно ознакомить с полученными выводами для того, чтобы их проверить и подтвердить, убедиться, что рассмотрена релевантная литература, проведено сравнение с существующими методами исследований и т.д.

Публикация тоже казалась задачей несложной (до 2008 г. у меня просто не было публикаций в серьезных, в том числе ВАКовских, журналах). Сергей Артемьевич помог понять, что мне необходима школа коммуникации с рецензентами и редакторами – ведь без этого невозможно развитие ученого ни в российском, ни в зарубежном академическом сообществе. Итогом нашей с Сергеем Артемьевичем регулярной совместной работы стала сначала моя магистерская, а затем и кандидатская диссертация.

О нашем пути после встречи: этап необязательный, но желательный

Все перечисленные выше формальные результаты, конечно, важны. Но многие после их достижения прекращают работу с научным руководителем, полагая, что теперь уж они точно все знают и умеют. Однако же результаты эти есть условие, в математическом смысле, необходимое, но не достаточное.

Наука всегда представляет собой нечто большее, чем формальный результат; это образ мышления, формат поведения, которые, как и любые традиции, и мудрость, и опыт, не могут перениматься быстро. Будучи же переняты быстро или частично, они становятся лишь формой без содержания. В них теряется одухотворенность. Боясь утратить ее и понимая, что мне самому еще необходимо многому научиться, я ни в коем

случае не хотел прекращать нашей работы с Сергеем Артемьевичем после защиты. Ведь область прикладной эконометрики и многомерного статистического анализа развивается, и во многом темп ее развития зависит и от нашего вклада, от наших усилий.

Мы с Сергеем Артемьевичем по-прежнему работаем вместе. В частности, сейчас мы готовим научную редакцию книги по приложению эконометрики в одном из программных пакетов. Поэтому наши утренние встречи по средам в ЦЭМИ продолжаются.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МИХАЛЁВ

- Родился 8 ноября 1940 г. в Брянске. Окончил механико-математический факультет МГУ (1961).
- Кандидат физико-математических наук (1967), доктор физико-математических наук (1990). Профессор кафедры высшей алгебры (1992), заведующий Лабораторией вычислительных методов механико-математического факультета МГУ (1979). Проректор МГУ (1999–2010).
- Член ученых советов МГУ, механико-математического факультета МГУ, факультета ДО МГУ, член экспертного Совета ВАК РФ, член Спецсовета при МГУ, член экспертных советов РФФИ и РГНФ. Член правления Московского математического общества.
- Член редколлегии журналов «Труды семинара имени И.Г. Петровского», «Абелевы группы и модули», «Фундаментальная и прикладная математика».
- За 35 лет педагогической работы в МГУ прочитал основные курсы лекций: «Линейная алгебра и элементы функционального анализа», «Высшая алгебра», «Линейная алгебра и геометрия», «Алгебра для ФПК», спецкурсы «Общая алгебра», «Дополнительные главы алгебры», «Теория колец и гомологическая алгебра», «Теория колец». С 1966 г. под его руководством работает специальный семинар «Кольца и модули», а с 1967 г. – «Теория колец, гомологическая и компьютерная алгебра».
- Подготовил 69 кандидатов и 9 докторов наук.
- Опубликовал более 250 научных работ, в том числе 9 монографий, а также 10 учебных пособий, практикумов и сборников задач.
- Лауреат премии Совета Министров СССР за прикладные исследования (1982), действительный член Международной академии наук высшей школы (1996) и Российской академии естественных наук (2002), лауреат президентских научных стипендий, заслуженный деятель науки Российской Федерации (2003).

КОНСТАНТИН СОНИН

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Александр Васильевич Михалёв:
Человек, на которого хочется
быть похожим

Александр Васильевич Михалёв, профессор мехмата МГУ, специалист по структурной и топологической теории колец, научил меня очень многому. Можно сказать, всему, кроме специальности. Экономистом я стал сам, а вот отношение к студентам, к науке, к жизни постарался перенять у него.

Как я попал к Михалёву

К Михалёву я попал не сразу. Оказавшись на мехмате в 1989 г., я сначала по совету папы, занимавшегося теорией вероятностей, случайными процессами и играми, пошел слушать спецкурс Синая, одного из выдающихся математиков современности, по математическим бильярдам. Оказалось, что то, что нравилось моему папе, было мне совершенно не близко – это только через много лет, став экономистом, я оценил и вероятности, и динамические процессы.

Больше всего мне нравилась высшая алгебра, обязательный курс, который читал Ольшанский, тоже выдающийся математик, и линейная алгебра, которую читал Шмелькин, учитель Ольшанского. На втором курсе я пошел слушать спецкурс Шмелькина «Теория групп», и ничего более прекрасного, чем этот классический курс, я в математической жизни уже не видел.

Я до сих пор – это было больше двадцати лет назад – помню основные результаты. Формулировки, во всяком случае, но, может, и некоторые доказательства. Теорема Жордана–Гельдера, теорема Биркгоффа–Витта об устройстве многообразий групп, теоремы Силова о конечных группах, пример бесконечного многообразия с конечным числом тождеств, пример бесконечной 3-порожденной группы, в которой каждый элемент имел порядок 2...

Собственно, это можно объяснить на пальцах. Группа, один из основных объектов в современной математике – это просто множество, в котором есть операция, удовлетворяющая нескольким свойствам.

Нужно, чтобы была «единица», нейтральный элемент, чтобы был «обратный элемент» для каждого элемента и еще одно естественное свойство, ассоциативность. Целые числа – это группа, если считать операцией сложение, но не группа, если считать операцией умножение. Бывают конечные группы, бывают некоммутативные, когда не все равно, в каком порядке перемножать элементы. В примере, который решал знаменитую проблему Бернсайда, группа состоит из всевозможных произведений трех элементов, каждый из которых, если его умножить на себя, превращается в единицу. И любой элемент группы обладает таким свойством. А группа при этом бесконечная! Чудо, да и только.

Чтобы зачесть спецкурс, Шмелькин дал мне задачу, которую я не смог сразу решить. Как теперь понимаю, потому что не знал, как решаются задачи, – ведь бывает, что нужно долго-долго думать, а не пытаться найти ответ в книжках. Только через полгода поезд, в котором я ехал в стройотряд на ББС, Беломорскую биологическую станцию, застрял на сутки где-то посередине Карелии, и я, от скуки и безделья, уперся и решил. Но дальше не пошло: я сам не знал, как заниматься математикой, а научный руководитель, дав мне читать диссертацию своего ученика, больше мной не интересовался. 30 октября 1992 г. (я почему-то запомнил это число) я не пошел на семинар, на который нужно было ходить каждую неделю, а вместо этого отправился на концерт Михаила Щербакова с девушкой, в которую был влюблен. И больше не ходил ни разу, хотя еще за год до этого ничего для меня не было интереснее, чем теория групп.

У Михалёва

Началось все со смешного эпизода. От однокурсника я узнал, что его научный руководитель, Александр Васильевич Михалёв, берет любого студента – даже если у него, как было у меня, незачет по спецсеминару и проблемы с научным руководителем, и не только берет, но всячески помогает и защищает. Я представился, рассказал свою историю. Александр

Васильевич спросил, могу ли я сразу сдать курс по теории колец. Я уже довольно далеко прочитал учебник и чувствовал себя уверенно. «Хорошо, – сказал он, – Пойдем со мной». Зашел на кафедру, захватил еще мальчика и повел на четыре этажа ниже, на девятый этаж Главного здания МГУ, где располагалась администрация. Войдя прямоком в кабинет ректора Садовниченко – я его до этого видел только издали, – Михалёв обратился к нему: «Виктор Антонович, можно я тут двух мальчиков у окна поставлю?»

И, действительно, поставил нас у окна огромного кабинета, дал задачи и пошел на другой конец кабинета к столу, за которым сидел ректор, достал пачку бумаг и стал подписывать их у него по одной. Это потом я узнал, что он был только что назначен проректором и вот так совмещал экзамен с административной работой. Это продолжалось час, а может, и больше: Александр Васильевич быстро подходил к нам, выслушивал ответ, давал следующую задачу и возвращался к столу, где продолжалось подписывание бумаг. Садовниченко, очевидно, происходящее совершенно не удивляло.

Я еще помню, как мы возвращались оттуда на кафедру – я, с трудом попевая за Михалёвым (А.В. примерно метр девяносто и шагает широко), что-то рассказываю про радикал кольца. Наверное, это было кольцо формальных степенных рядов над полем. Через двадцать лет, читая «Введение в экономику» первокурсникам, я заметил, что два студента, юноша и девушка, оживленно перешептываются. Так и есть – только что услышали определение радикала на спецкурсе по алгебре, которую читал профессор с матфака...

Обратно в 1993 г. Надо сказать, что экзамен в кабинете у Садовниченко – еще не самое смешное из того времени. Разговаривая с родителями моей будущей жены – мы с Сауле учились в одной школе, а потом на мехмате, – я вдруг осознал, что перешел от научного руководителя ее мамы (Шмелькина) к научному руководителю ее папы (Михалёву). Оба учились на мехмате, оба защитили диссертации – мама по комбинаторной теории групп, папа – по структурной теории колец.

Теория колец, если честно, еще интереснее, чем теория групп. Просто восемнадцать лет бывает только один раз.

Кольцо – тоже множество с операциями, как и группа, но, в отличие от группы, операций две – сложение и умножение. По сложению множество должно быть группой, а по умножению можно не иметь обратного элемента. Целые числа – кольцо, многочлены, матрицы... В математике они распространены не так, как группы, но тоже часто. Основным источником колец – так называемые кольца эндоморфизмов, отображений какого-то объекта, например линейного пространства, в себя. Бывает, что их описать легче, чем сам объект, и, таким образом, классификация объектов упрощается.

В 1994 г. на мехмате уже были заметны признаки начинающегося упадка. В советское время там были сконцентрированы лучшие математические силы огромной страны. В математику и физику стремились попасть все талантливые дети. Неудивительно, что это был факультет фантастической силы. А как только «железный занавес» поднялся, сильнейшие математики разъехались, как и должно было быть, по ведущим факультетам мира.

На семинаре Михалёва, который проводился по понедельникам, упадка не было и тени. На него ходили десятки людей. Если прийти поздно, не хватало места. Начинаясь в шесть вечера, он часто продолжался до десяти-одиннадцати. Сначала один-два серьезных, взрослых доклада, потом аспиранты, потом старшекурсники, потом, бывало, и третьекурсники. Иногда были целые серии докладов, мини-спецкурс внутри семинара – я помню такую серию про «Dessin d'enfant», «последний проект» Гротендика, одного из титанов XX столетия. Были даже дебаты – два специалиста по проблеме Шпехта доказали результаты, которые друг другу противоречили, и вот понедельник за понедельником рассказывали куски своих доказательств в надежде, что участники семинара обнаружат ошибку.

Михалёв

Про тот период, когда Михалёв, приехав из Брянска, был студентом, а потом аспирантом, я знаю понаслышке. На мехмате, чтобы после аспирантуры «оставили на кафедре», юноше из Брянска нужно было быть актив-

стом. Только тогда, в 1960-е, нужно было быть активистом в дополнение к математическому таланту. Михалёв был комсомольским лидером – кажется, секретарем комитета комсомола мехмата, но я точно знаю, что он, занимавший важные должности все 1970-е и 1980-е годы, «черные десятилетия мехмата», сохранил безупречную репутацию, в то время как многие ее погубили.

Сейчас, глядя на его научную биографию, вижу странный разрыв: кандидатская в 1967-м, а докторская, несмотря на множество работ, – только в 1990-м. И кандидатская, и докторская – про кольца эндоморфизмов, классика теории колец, в которой был настоящий всплеск после – чуть не написал «войны», потому что это было, по-моему, как раз после выхода книги Самуэля и Зарисского, расцвета алгебраической геометрии и всего, что ее обслуживало, – коммутативной и гомологической алгебры. Геометры тогда изучали коммутативные кольца, а структурная теория колец, в которой основной объект изучения – кольца некоммутативные, – могла показаться лишь абстрактным обобщением. В конце XX в. с появлением некоммутативной геометрии и развитием теоретической физики все это очень пригодилось.

К тому времени, как я стал его дипломником, у Александра Васильевича уже было очень много учеников – несколько докторов наук, несколько десятков кандидатов. Большую часть работ он писал в соавторстве, но видно было, что он много занимается математикой сам. Студент, приходивший к Михалёву в первый раз, не только получал для начала тему для работы и статьи для чтения, но и своего рода «куратора» – кого-то из старших учеников Михалёва, уже защитивших кандидатскую или даже докторскую.

Лояльность Михалёва к студентам – совершенно необыкновенна. Я помню, как присутствовал при одном его разговоре с аспирантом. Аспирант был слабый, проблемный, математикой он не занимался, его выселяли из общежития, к тому же он много врал и был неоднократно на этом вранье пойман. И тем не менее Александр Васильевич, сказав, что врать не надо, четко наметил план восстановления в общежитии и общего решения жизненных проблем и написал ему какую-то бумагу в учебную часть.

И таких историй – десятки. Среди его студентов были очень сильные, но всегда были и ребята «на грани вылета». Те, у кого могли быть проблемы, шли к Михалёву, потому что знали, что он защитит. Мне хочется быть таким же лояльным к своим студентам – моя работа состоит в том, чтобы помогать студенту изо всех сил, слабый он или сильный.

Вот чего не было, так это «понтов». Он уже был большим начальником и иногда приходил на работу в костюме, но поверх костюма была потерянная кожаная куртка. С каждым здоровался за руку, каждого, кого не видел несколько недель – с теми, кто уже защитил диссертацию и ушел с кафедры такое, конечно, случалось, – расспрашивал про дела и семью, и при этом я не помню случая, чтобы он забыл или перепутал имя чьих-то жены, мужа или детей. Я слышал, что он во времена хрущевской оттепели, будучи в аспирантуре, провел год в Америке и это сделало его единственным приветливым человеком в мрачноватом здании мехмата. Впрочем, при всем этом дружелюбии он мог проявить, если надо было, силу. Помню, как он вывел из аудитории агрессивного сумасшедшего, как-то пробравшегося на семинар. Заломил руку за спину и вывел из аудитории.

После мехмата

В 1995 г. я поступил в РЭШ в магистратуру по экономике, но продолжал каждую неделю ходить на семинар Михалёва на мехмат. Той осенью было так тяжело учиться, как никогда в жизни, – и оценки в РЭШ были плохими, и алгеброй заниматься особенно не удавалось. На кафедре было много сильных аспирантов, и мне отчетливо не хватало ни таланта, ни времени, ни сил. Математика – жестокий предмет: на твоих глазах однокурсник может перейти на другой уровень – на такой, на котором ты никогда не окажешься. Сауле, занимавшаяся на мехматовском кружке немецким, выиграла стипендию, и я поехал с ней на полгода в Германию. Слушал один курс в Бохумском университете, ездил каждую неделю на семинар по алгебре в Дюссельдорф и писал диссертацию по теории колец.

Потерял год в РЭШ, но за этот год вышла нормальная диссертация по структурной теории колец. Там же я понял еще одну вещь про математику: если ею заниматься, то нужно нырять в нее с головой и возвращаться на поверхность редко-редко. А мне всю жизнь хотелось заниматься «историей современности» – чтобы чтение газет было частью работы. Так я и не знаю, не стал я математиком потому, что не смог, или потому, что не захотел.

Я занялся «историей современности» – политической экономикой, – еще не закончив РЭШ. Это же счастье – у меня основное хобби, изучение политической жизни, совпадает с научными интересами! А благодаря математике есть такие инструменты анализа, как мало у кого. Модели, конечно, по экономическим меркам, довольно сложные, но гораздо проще, чем то, что было в алгебре. Очень долго, больше десяти лет, я объяснял каждому, кто интересовался моей нестандартной научной карьерой, что нет никакой связи между тем, чем я занимался в математике – структурной теорией колец – и тем, чем в экономике: моделями демократических и недемократических режимов. А недавно подумал, что между той конструкцией, которую я использовал в своей диссертации по алгебре, и рекурсивной конструкцией, с помощью которой мы с Дароном Асемоглу и Егором Егоровым строили устойчивые коалиции сколь угодно большого размера, есть нечто общее.

... Несколько лет назад ректор РЭШ попросил меня устроить ему выступление на мехмате – я даже сейчас уже не помню, зачем. Ректор МГУ почему-то не хотел, чтобы наш ректор у них выступал, какие-то у них были контры на высоком уровне. И.о. декана мехмата, конечно, и слышать ни о чем не хотел. Только сказал мне: «Говорите, вы студент Александра Васильевича? Вот к нему и обращайтесь». Я позвонил Александру Васильевичу, попросил помощи, как когда-то за много лет до этого. Он, конечно, устроил лекцию и сам на ней председательствовал. И мне кажется, что он даже и не подумал, кто там ректор РЭШ и как к нему относится ректор МГУ. Если его студент обратился к нему с просьбой, то какая разница, что там думает ректор и учебная часть? Вот я и стараюсь быть хоть чуть-чуть на него похожим.

ЛИЯ ПАВЛОВНА
КАТЛИНСКАЯ

- Родилась в Москве.
- В 1952 г. окончила Московский юридический институт, в 1959 г. – филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1969 г. защитила кандидатскую диссертацию; в 1988 г. – докторскую диссертацию «Функциональное словообразование (активные процессы) словопроизводства в современном русском языке».
- Проработала около 15 лет в Институте русского языка Российской академии наук и более 30 лет – в Московском педагогическом государственном университете (ранее – Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина).
- Основные труды: «Учусь проникать в тайны происхождения слов: этимологический словарь для школьников» (2006), «Толковый словарь новых слов и значений в современном русском языке» (2008).

ЕКАТЕРИНА ТАЛАЛАКИНА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Лия Павловна Катлинская:
Дорогой мой человек

Один из самых важных и безмерно приятных моментов в профессии преподавателя, на мой взгляд, это весточки от выпускников с рассказами об их успехах. Всякий раз, когда я получаю подобные послания, меня переполняет радость, которой хочется поделиться с новым поколением студентов, вдохновляя их на новые свершения. Одновременно возникает желание позвонить и своему Учителю, тому, кто в свое время так же вселил в меня, зеленую первокурсницу, веру в свои способности, надежду на успех и любовь к будущей профессии.

Мне и не снилось

Первый курс Педагогического университета. Первая сессия. Экзамен по языкознанию принимает вызывающая страх и трепет у вчерашних старшеклассников профессор Лия Павловна Катлинская. Сейчас трудно объяснить, что именно так пугало в этом интереснейшем человеке.

Возможно, то, что на первом же занятии она дала диктант, который провалили все, включая медалистов. К величайшему удивлению, я оказалась среди троих, получивших «хорошо». (К удивлению – потому, что в школе русский язык был у меня вовсе не самым любимым предметом.)

Еще, вероятно, несколько озадачивала ее манера вести занятия. На лекциях Лия Павловна поразительно просто и тепло рассказывала о великих русистах. Казалось, не ранее чем вчера, за чашкой чая они вместе с Г.О. Винокуром неспешно вели беседу о русском словообразовании. Лекции завораживали. Вместе с тем непостижимым образом оказывалось так, что даже у самых прилежных учениц не оставалось после них ни строчки. На семинарах Лия Павловна спокойным, мягким голосом, с дружелюбной улыбкой задавала такие вопросы, что было понятно: неважно, сколько ты потратил времени на подготовку к занятиям, так как она хочет услышать не то, что ты начитал, а то, что ты сам по этому поводу думаешь. Иметь же собственное мнение по вопросам языкознания (на первом курсе!) никто особенно не дерзал...

Итак, с экзамена все выходят с тройками и ниже, что явно не прибавляет уверенности в себе. Захожу в аудиторию. Профессор Катлинская смотрит на меня, сверяется со списком и произносит: «У вас же автомат!» Сердце готово выпрыгнуть из груди, поэтому следующие слова уже доносятся сквозь некоторый шум в ушах: «И кстати, вы, Катя, у меня пишете диплом, а потом идете ко мне в аспирантуру». Киваю, благодарю и выхожу. Пересказывая диалог друзьям, решаю, что вторая часть разговора мне просто почудилась. Какой диплом? Какая аспирантура? Я же только первую сессию сдаю!

В дальнейшем я понимаю, что мне все-таки не почудилось. Встречая меня в коридоре, Лия Павловна безапелляционно произносит: «Катенька, вы у меня пишете диплом, помните?» При этом я отдаю себе отчет в том, что любая квалификационная работа – диплом или кандидатская (если я когда-нибудь все-таки пойду в аспирантуру) – будет точно не по русскому языку. Английский – вот что меня действительно привлекает! Но как сказать об этом Лии Павловне?

Ответ находится неожиданный: для начала напишу курсовую все-таки по русскому языку, но у другого преподавателя. Набираюсь смелости и сообщаю об этом Лии Павловне, которая спокойно отвечает: «Курсовую можете писать у кого угодно, а диплом будете у меня». Получив заслуженную пятерку за курсовую и увидев, что моя тема руководителю неинтересна, я осознаю, что мне не хватает научного и человеческого сотрудничества. Хочется обсуждать, искать, исправлять, писать и переписывать. Лия Павловна была права. Дав мне шанс поработать с другим специалистом, она позволила мне разобраться в себе и ответить на вопрос, что важнее: результат или процесс? Ответ вышел однозначный – процесс совместного творчества.

Храброе сердце

Усвоив, что от русского языка мне никуда не деться, я решаю попытаться совместить приятное с полезным, то есть поучиться у крупного ученого, но на интересном именно мне материале. Остается разрешить «небольшую» дилемму: научные интересы Лии Павловны лежат в области русского словообразования, в то время как меня больше увлекает английская лексикология.

Удивительно, но на мое робкое предложение написать сравнительную работу по синонимии в русском и английском Лия Павловна откликается с большим энтузиазмом. Не секрет, что преподавание русского и английского подавляющее большинство методистов рассматривают как параллельные прямые. Делается это во избежание негативного влияния у учащихся одного языка на другой. Кто бы мог подумать, что именно этот традиционный подход подскажет нетрадиционный предмет исследования: перенос умений и навыков с родного языка на иностранный. Меня поразила профессиональная смелость Лии Павловны, которая взялась за руководство работой с неоднозначной темой: мало того что некоторые именитые ученые (например, А.И. Смирницкий) вообще отрицают само существование синонимии как явления, так еще и перенос навыков работы с синонимами с родного языка на иностранный требует разработки совершенно новой методики.

Как оказалось впоследствии, отношение Лии Павловны к моей теме – это только вершина айсберга. Ее собственная докторская диссертация написана на абсолютно новаторскую для того времени тему, которая шла вразрез с канонами русистики. Если говорить коротко, то профессор Катлинская исследовала вопросы словообразования на основе принципов активной грамматики Л.В. Щербы, то есть она использовала направленность анализа производного слова от содержания к форме, в отличие от традиционного подхода – от формы к содержанию. Написала и защитила докторскую Лия Павловна без научного консультанта!

Время подтвердило правильность ее суждений, так как в последние годы роли семантического анализа придается гораздо более существенное значение.

Воодушевленная мужеством научного руководителя, я написала диплом, впоследствии вошедший в мою кандидатскую, но путь к степени оказался неблизким, потому что на нем стояло одно очень весомое препятствие – отъезд за границу.

Однажды в Америке

«Кате опять письмо! И опять из России!» Казалось, нет предела изумлению моих американских соседей во Флориде. Сам факт регулярной переписки на протяжении двух с половиной лет через океан «живой почтой» во времена фейсбуков и скайпов поражал местную молодежь до глубины души. При этом все были еще более потрясены, узнав, что письма мне пишет научный руководитель.

Дело в том, что после плодотворной работы с Лией Павловой над дипломом я уехала в Штаты, вместо того чтобы пойти в аспирантуру. С первого дня я держала связь со всеми по электронной почте и только Лии Павловне отправляла письма в конвертах – по большей части впечатления об «американской мечте» и ее реальном воплощении. Лия Павловна отвечала длинными размышлениями о русской действительности и ментальности. И каждое письмо всегда заканчивалось теплыми пожеланиями и надеждами на возвращение и будущую диссертацию.

Именно эти письма и вернули меня домой. Каждый раз, читая слова Лии Павловны, я задумывалась о своем будущем. Мои местные друзья в красках описывали перспективы иностранного студента в Штатах, а особенно высокую вероятность того, что банковский заём на получение местного PhD мне придется отдавать до самой пенсии. Но главная причина моего возвращения – это не боязнь всю жизнь выплачивать образовательный кредит, а стремление оправдать то доверие, которое мне уже оказала Лия Павловна.

Ее неколебимая вера в мои исследовательские способности заставила меня саму поверить, что все получится. По возвращении в Москву я вплотную занялась диссертацией под руководством моего профессора.

Красные чернила

«Мне очень понравился ваш текст, Катенька!» – с особой нежностью в голосе говорила Лия Павловна, всякий раз возвращая мне очередную проверенную главу диссертации. При этом каждый лист был исписан вдоль и поперек красными чернилами, из-за которых несмело выглядывали бледные печатные буквы. Казалось, профессор может разориться на одних красных ручках с такими аспирантами, как я. Но ни разу у меня не промелькнула мысль о том, чтобы все бросить, потому что у меня ничего не выйдет. Прилежно внося правку, я незаметно для себя приобретала бесценные навыки исследовательской работы. Мне неловко было думать о том, сколько времени на меня тратит научный руководитель, но каждый раз в ответ на мои извинения я слышала: «Это моя работа, и я ее очень люблю!» Сегодня я не могу сдерживать улыбку, когда мои студенты спрашивают меня: «Екатерина Викторовна, зачем вы так много времени тратите на мое эссе?» Благодаря Лии Павловне мне есть что ответить.

Красота по-русски

«А все-таки, как правильно?» – это, пожалуй, самый частый вопрос, который задают преподавателям языков, как русского, так и английского. Люди любят определенность. Действительно, во времена, когда СМИ тиражируют безграмотность, инстинктивно ищешь образец среди преподавателей, в частности среди лингвистов.

Профессор Катлинская в этом отношении явилась для меня удивительным примером того, как можно быть неоспоримым образцом грамотности и красоты речи, сохраняя открытость к современным процессам в языке.

Несколько лет назад, как только в прессе и на телевидении поднялась невероятная шумиха по поводу выхода нового словаря, в котором вариантом нормы признавались крамольные для борцов за чистоту языка случаи, я тут же позвонила Лии Павловне, чтобы узнать ее мнение. Мой профессор в свойственной ей мягкой манере с удивлением заметила: «Катенька, о чем тут вообще спорить? Варианты произношения, как и варианты написания, – это естественный процесс, сопровождающий развитие языка». Эти слова прозвучали настолько просто и убедительно, а главное – так созвучно моим ощущениям, что сомнения отпали сами собой. Черно-белый мир проще и понятнее цветного. Сказать студентам: «Только так и никак иначе» – проще, чем вместе задумываться, перебирая возможные варианты. На собственных занятиях я часто сталкиваюсь с вопросом вариативности и не боюсь вместо ответа оставлять знак вопроса: Лия Павловна бы со мной согласилась.

Going my way

Лия Павловна всегда живо интересуется моими проектами в Вышке, несмотря на то что я преподаю английский, а не русский язык. С большим вниманием она слушает мои рассказы о внедрении в учебный процесс еще не нашедших массового применения в нашей стране технологий: международных онлайн-форумов, подкастов, аудиокниг. Все это стало возможным благодаря исследовательской открытости, которую привила мне Лия Павловна.

Однако в самом главном на сегодняшний момент проекте есть непосредственный вклад моего профессора. Именно благодаря своим знаниям в области преподавания как английского, так и русского языка я смогла принять участие в разработке методики обучения иностранному языку в формате видеоконференций совместно с американскими коллегами. В рамках «живых» дебатов через Атлантику мои студенты, изучающие английский язык, обсуждают со своими американскими

сверстниками, изучающими русский язык, острые проблемы современности. Когда участники по обе стороны океана называют этот опыт одним из самых ярких моментов своей студенческой жизни, я всегда думаю о том, что все, что с нами происходит, никогда не бывает зря.

Дневник памяти

Не устаю повторять Лии Павловне, что вспоминаю о ней намного чаще, чем звоню по телефону. Вспоминаю, когда общаюсь со студентами, давая «убойный» диктант или воодушевленно убеждая их в том, что все получится. Вспоминаю на конгрессах русистов или симпозиумах преподавателей английского языка. Вспоминаю, когда формулирую тему исследования: когда традиционный взгляд на вещи отличается от моего или когда студент предлагает тему, не совсем «вписывающуюся» в схему моих интересов. Вспоминаю, когда меня спрашивают, почему я не осталась за рубежом, или когда я ловлю себя на мысли о том, что мне повезло на работе заниматься любимым делом. Вспоминаю с верой в то, что могу научить кого-то чему-то важному, с надеждой на то, что мои занятия хоть иногда доставляют кроме пользы еще и радость, и с любовью к моему дорогому Учителю.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОССИУС

- Родился в Москве.
- В 1979 г. начал обучение на международно-правовом факультете МГИМО, в 1982–1983 гг. перевелся на классическое отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, где в 1987 г. продолжил обучение в аспирантуре.
- В 1990 г. защитил кандидатскую диссертацию «Платон: традиция и новаторство (к вопросу о жанровых особенностях критических диалогов)»; в 1996 г. – докторскую диссертацию «Художественный мир эллинистического поэта (на материале поэмы Арата из Сол “Явления”)».
- 1996–2006 гг. – заведующий кафедрой классической филологии МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Главный научный сотрудник сектора античной и средневековой философии и науки Института философии РАН (с 2007 г.).
- Член Международного общества изучения Платона, Центра по изучению Дж. Бруно (Неаполь), Центра по изучению наследия Бернардино Телезио (Аркаваката).
- Издатель, переводчик и комментатор сочинений античных и ренессансных авторов (в том числе текстов Джордано Бруно для французского издательства «Les Belles Lettres»).
- Основные работы – подготовка изданий: Небо, наука, поэзия. Античные авторы о небесных светилах, об их именах, восходах, заходах и приметах погоды (пер. и комм., 1993), Ницше Ф. Рождение трагедии (вступ. ст., комм., сост., 2001), *L’umanesimo leibniziano e le accademie* (ред., в соавторстве с В. Кальтенбахером, Неаполь – Москва, 2010), Бруно Дж. О причине, начале и едином (пер., вступ. ст., комм., 2011).
- Удостоен Шуваловской премии МГУ им. М.В. Ломоносова II степени за научные достижения (1998); персонального гранта Фонда поддержки отечественной науки РАН (2000); почетной грамоты Министерства образования РФ за заслуги в деле высшего образования (2001).

ВЛАДИМИР ФАЙЕР

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Андрей Александрович Россиус:
Трудные радости классической филологии

1970-е и начало 1980-х было временем «поколения дворников и сторожей», эпохой, когда многие интеллектуалы искали место в жизни на обочине советской действительности, а слово «карьера» было почти ругательным. Если работа в котельной привлекала художников и музыкантов, то молодые ученые-гуманитарии стремились найти себе область, в наименьшей степени затронутую коммунистической идеологией. Одним из таких островков было классическое отделение филфака МГУ в годы учения Андрея Александровича Россиуса. Слава об исключительной сложности древних языков привлекала сильных студентов, а очевидная непригодность латыни и древнегреческого для «народного хозяйства» гарантировала максимальную удаленность от всего советского.

Мизантропическое поколение

Многие студенты-классики нашли свою специальность не сразу: они переводились с других отделений, факультетов или даже из других вузов. Так и Россиус покинул в 1983 г. третий курс МГИМО, который считался гораздо более престижным, чем филфак МГУ. Классическое отделение никогда не было прибежищем троечников, но в те времена уровень студентов был, насколько я могу судить, особенно высок. Кто-то прозвал эту генерацию филологов-классиков «мизантропическим поколением»; я бы скорее говорил не о мизантропии, а о презрении к халтуре и некомпетентности, о нежелании руководствоваться советскими правилами игры. Место насаждаемого сверху псевдоколлективизма занимала интеллектуальная состязательность. Некий преподаватель вызвал студента-Россиуса на заседание парткома «за снобизм», но то, что иные принимали за гордыню, было поиском высоких стандартов, прежде всего применительно к себе.

От стиховедения к классической филологии

Когда я в 1993 г. поступил на отделение классической филологии, у меня была четкая академическая программа. Я предполагал исследовать древнегреческую и латинскую поэзию количественными методами, получая объективные данные там, где, как я предполагал, царствует субъективность. Однако вскоре оказалось, что горы эмпирических данных, которые легко получить с помощью компьютера, не стали волшебным ключом к древним текстам; обобщение и осмысление этих цифр требуют от ученого хорошей подготовки, глубокой методологической рефлексии, а часто еще и таланта и интеллектуальной смелости.

С особенной ясностью я понял это, познакомившись с Андреем Александровичем, у которого я учился латыни на втором, а греческому – на четвертом курсе. Он был популярен у студентов, но на «женском» факультете яркий молодой и талантливый преподаватель всегда оказывается в центре внимания. Руководство факультета также ценило Россиуса. Мне кажется, что он совершенно не стремился всем понравиться, но пользовался своим влиянием, чтобы изменить что-то в лучшую сторону и на кафедре, и на факультете. Так, во многом именно дипломатическими усилиями Андрея Александровича мы обязаны созданием кафедры византийской и новогреческой филологии; переговоры о ней велись достаточно давно, но только Россиусу удалось предложить удачное решение, которое удовлетворило и ученых, и администраторов. Сочетание глубоких познаний со стремлением и, главное, умением исправлять недостатки в нашей системе обучения вызывало желание помогать и подражать. Я и сам не заметил, как, учась у Андрея Александровича, почувствовал себя филологом-классиком – членом сообщества, которое я всегда уважал, но прежде не считал своим.

«Надо писать!»

Став в 1996 г. заведующим кафедрой, Андрей Александрович быстро добился заметных успехов. На кафедре появилась большая библиотека: этих книг в основном

не было в Москве и даже в России. Укрепились международные контакты, прежде всего с Грецией. Регулярно приезжали профессора из Европы, в том числе знаменитости. Но не менее значимыми были заботы не столь заметные. Например, Россиуса не устраивало, что мы мало пишем, а курсовые часто сдаются руководителю в «сыром» виде. Он шутил: «Достоевский говорил: “Надо страдать!”, а я говорю иначе: “Надо писать!”» – и принимал административные меры для исправления ситуации. Когда я не смог на четвертом курсе поехать на практику в Севастополь, Россиус велел мне отчитать статью о греческих надписях Причерноморья. Страданий мне это не принесло, и только много лет спустя я понял шутку заведующего, ведь полностью цитата из Достоевского выглядит так: «Чтоб хорошо писать, страдать надо, страдать!»

Важной заботой Андрея Александровича было расширение нашего интеллектуального кругозора. На занятиях по древним языкам он не раз рассказывал нам о современной физике, астрономии, медицине, философии, причем после отступления любой длины легко возвращался к исходной точке рассуждения. Эти разговоры не только разжигали любознательность, но и напоминали: многое за пределами классической филологии приближает нас к постижению античности. Последняя фраза может показаться банальной, но всецелая сосредоточенность на древности была для наших учителей скорее правилом, чем исключением. По крайней мере так нам тогда казалось.

Особое место в жизни Андрея Александровича занимает музыка: он профессионально играет на лютне и выступает на концертах старинной музыки. Однажды, когда я уже аспирантом зашел к нему домой, мы обсуждали не столько текст диссертации, сколько структуру сонатной формы, причем научный руководитель иллюстрировал свои объяснения игрой на фортепиано. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю этот разговор.

Некоторые филологи всю жизнь занимаются одной научной темой; не следует их за это осуждать, тем более что преподавание иногда просто не позволяет взяться за новое. Андрей Александрович показывал нам про-

тивоположный пример. В 1990 г. он защитил кандидатскую по теме «Платон: традиция и новаторство (к вопросу о жанровых особенностях критических диалогов)», а уже в 1996-м завершил докторскую диссертацию на тему «Художественный мир эллинистического поэта (на материале поэмы Арата из Сол “Явления”»)». В одном случае – философская проза классического периода, в другом – эллинистическая поэма об астрономии.

Этими двумя темами интересы Россиуса не ограничиваются. Итальянский гуманист Петрарка и греческий оратор Исократ, немецкий филолог Давид Рункен и римский поэт Вергилий становились в разное время героями его научных статей. Под его редакцией со вступительной статьей и комментарием вышел в 2001 г. перевод «Рождения трагедии из духа музыки» Ницше. Сейчас, работая в Институте философии РАН, Россиус занимается прежде всего Джордано Бруно в сотрудничестве с коллегами из Италии и Франции. Своих учеников Россиус также стремился, насколько возможно, спасти от тематической узости. Мой диплом был посвящен метрической истории греческого гекзаметра – именно к этой теме меня привел интерес к стиховедению. Я предполагал продолжить работу над ней в аспирантуре, да и друзья подсказывали, что быстрее и удобнее всего сделать диссертацию из диплома. Андрей Александрович был другого мнения: он предложил направление хоть и связанное с предыдущим, но в целом новое для меня. Дал тему проблемную, а не описательную, в которой трудно было применить некоторые мои козыри (например, специально написанную компьютерную программу для обработки греческого гекзаметра), но зато позволявшую вывести на новый уровень мою филологическую компетентность. Хотя в итоге я защитился значительно позже положенного срока, смена темы была очень полезна для моего научного развития.

Классики и современники

Понятие «классика» уже несколько обесценилось от частого употребления, а в последнее время и вовсе находится под вопросом; филология, как мне представляется,

переживает сейчас нелучшие времена. Поэтому вопрос о месте классической филологии в современном мире непрост вдвойне. Еще один пример того, как важно обращаться к текстам на языке оригинала, продемонстрировал Андрей Александрович на недавней конференции, посвященной Платону. В своем докладе он показал, как ошибки в лучших (что же говорить об остальных!) русских переводах великого философа приводят к неправильному пониманию, например, знаменитого мифа о пещере.

В своем интервью «Русскому журналу», опубликованном под заголовком «Гуманитарное образование: порча изнутри», Россиус говорит о том, что и научные работы в нашей сфере, и образовательные среды все чаще создаются по принципу наименьшей трудозатратности. В обучении студентов слишком большой упор делается на упрощенно понимаемую «практическую ценность», хотя известно, что человек, которого научили решать по-настоящему трудные интеллектуальные задачи, скорее всего, легко справится с более простыми проблемами, так сказать, «на производстве». А кто знает, какие вопросы поставит перед нами жизнь через десять-двадцать лет? Пример Россиуса – не только слова, а прежде всего дела! – прекрасное доказательство ценности фундаментального образования. После того как в 2007 г. Андрей Александрович по принципиальным соображениям покинул филологический факультет МГУ, он ярко проявил себя в новой, хотя и смежной, академической сфере, работая в Институте философии РАН. Многочисленные лекции Россиуса в университетах Италии, Германии, США, Великобритании и Франции – свидетельство того, что его успехи в изучении как Античности, так и Возрождения заметны не только в нашей стране. А всегдашняя готовность открывать новое доказывает, что его «консервативная риторика», направленная против некоторых тенденций в современном образовании, происходит не от боязни перемен, а от стремления создать благоприятные условия для самых заинтересованных студентов. Таких студентов, каким был когда-то он сам, когда отказался от дипломатической карьеры ради трудной радости читать древних греков и римлян на языке оригинала.

ЮЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ ИЛЬЯШЕНКО

- Родился в Москве.
- В 1965 г. окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Математика».
- В 1995 г. защитил докторскую диссертацию.
- С 1968 г. – преподаватель кафедры дифференциальных уравнений механико-математического факультета МГУ.
- Один из основателей (с 2000 г. – ректор) Независимого московского университета.
- Президент Независимого московского университета и вице-президент Московского математического общества (с 1996 г.).
- Профессор Московского государственного университета, Корнелльского университета и НИУ ВШЭ (факультет математики).
- Член редколлегий нескольких ведущих журналов, в числе которых: «Функциональный анализ и его приложения», «Математический анализ», «Ergodic theory and dynamical systems», «Moscow Mathematical Journal».
- Автор множества статей, большая часть которых на английском языке.

ЮРИЙ КУДРЯШОВ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Юлий Сергеевич Ильяшенко:
Вершины взятые и непокоренные

Я знаю Юлия Сергеевича около десяти лет. Все это время меня удивляет, как у этого неторопливого человека получается все успевать: заниматься наукой, работать с учениками, читать лекции, исполнять обязанности президента НМУ, вице-президента Московского матобщества... Я так и не понял, поэтому просто расскажу о некоторых сторонах жизни шефа.

Как я стал учеником
Юлия Сергеевича

Когда я учился на втором курсе мехмата МГУ, Юлий Сергеевич читал нашему потоку лекции по дифференциальным уравнениям. Лекции стояли в расписании первой парой, а я считал, что могу выучить курс за пару-тройку дней¹. Поэтому познакомились мы не в январе, когда начался курс, а в районе майских праздников, когда я попросил его быть моим научным руководителем. А жаль: сейчас я понимаю, что надо было ходить на лекции и учиться если не дифференциальным уравнениям, то тому, как это лучше рассказывать студентам.

Для меня решающим фактором при выборе научного руководителя стало знакомство с аспирантом Юлия Сергеевича Витей Клепцыным (сейчас Витя – научный сотрудник CNRS). Витя много и увлекательно рассказывал как про «свою» науку, так и про математику вообще.

¹ В МГУ (в отличие от Вышки) можно не ходить на пары весь семестр, а потом сдать экзамен и получить «отлично». В результате многие выпускники матшкол появляются в университете только в сессию, до тех пор пока не дойдут до предмета, который не получается выучить за три дня. У меня этим предметом стал «Функциональный анализ» на четвертом курсе.

Например, однажды он за пару часов рассказал мне почти полностью теоретическую часть семестрового курса теории вероятностей... Я спросил Витю, кто его научный руководитель, и пошел к Юлию Сергеевичу на лекцию договариваться.

Первое, что меня удивило на этой лекции, – непривычно большое (для мехмата) количество картинок на доске; второе – то, что на доске оставался краткий конспект лекции. Позже я часто слышал от Юлия Сергеевича, что 90% преподавателей используют доску для самовыражения и только 10% – чтобы помочь слушателям понять лекцию. После лекции я подошел к Юлию Сергеевичу. Видимо, к этому моменту Витя уже рекомендовал меня, потому что вместо обычных задач «ликбеза» Юлий Сергеевич сразу дал мне первую исследовательскую задачу.

«Динамические системы»

Основным местом общения учеников Юлия Сергеевича в течение учебного года является семинар «Динамические системы». Большинство постоянных участников семинара – ученики Юлия Сергеевича и ученики Дмитрия Викторовича Аносова. Семинар существует уже более тридцати лет.

В основном семинар служит для общения участников между собой, поэтому приглашенных докладчиков сравнительно мало. Часть докладов посвящена не новым работам, а разбору относительно старых результатов, которые могут оказаться полезны в одной из новых задач семинара. Последние пятнадцать лет Юлий Сергеевич проводит осенний семестр в Корнелльском университете, но заседания семинара проходят одинаково интенсивно как осенью, так и весной.

Беседы с шефом

После окончания доклада на семинарах мы по очереди кратко обсуждаем с Юлием Сергеевичем возникшие идеи или затруднения.

Зачастую эти «краткие» разговоры затягиваются до десяти часов вечера, когда в ГЗ МГУ отключают лифты. Конечно, обсудить после доклада все имеющиеся вопросы не хватает ни сил, ни времени. Поэтому, если нужен длинный разговор, мы договариваемся о встрече на неделе. Бывает, что кто-нибудь просит присоединиться к уже намеченному разговору, и эта просьба всегда воспринимается как риторический вопрос. Встречи обычно проходят или в одном из мест работы Юлия Сергеевича, или у него дома. В России Юлий Сергеевич работает в нескольких местах: в МГУ – профессор, в Математическом институте им. В.А. Стеклова – ведущий научный сотрудник, в Независимом московском университете – президент. Недавно к этому списку добавилась и Вышка.

Независимый университет и Вышка

Последние два места работы заслуживают отдельного рассказа.

В 1991 г. несколько известных математиков, недовольных качеством преподавания на мехмате МГУ, создали Независимый московский университет (НМУ). Видимо, главная цель основателей НМУ – создать университет, в котором будут бесплатно учить математике на высоком уровне всех желающих. Конечно, это не позволяет платить преподавателям большие зарплаты, но система держится на почти «голом» энтузиазме уже двадцать лет! Юлий Сергеевич принимал активное участие в жизни НМУ с первых лет. С 1994 г. он был деканом единственного факультета, а позже – президентом НМУ.

Хотя НМУ дает хорошее математическое образование, он не является вузом с точки зрения государства: в его программе нет многих обязательных для университета предметов. Все время существования НМУ обсуждалась возможность реорганизации его в «полноценный» вуз. Пять лет назад в результате договоренности руководства

Вышки и руководства НМУ был открыт новый факультет ВШЭ – факультет математики. С точки зрения математического образования он «вырос» из НМУ: многие преподаватели факультета раньше работали или учились в НМУ. С другой стороны, факультет математики является частью Вышки – настоящего западного университета в России. Такое сочетание делает его уникальным во многих смыслах: преподаватели получают сравнимую с западными вузами зарплату, аспиранты – стипендию; набор новых преподавателей проводится на открытом международном конкурсе и т. д. С 2012 г. Юлий Сергеевич – профессор факультета математики, читает математический анализ на первом курсе.

Летние школы

Одна из замечательных традиций семинара «Динамические системы» – это летние школы. Они проходят каждый год, примерно с 25 июня по 10 июля. Утро и день школы посвящены математике, а по вечерам на смену ей приходят лекции на самые разные темы: от исторического танца (с демонстрацией) до авторского права, от воспоминаний о Колмогорове или Петровском до философии Канта.

Обстановка на ЛШ почти семейная. Это подчеркивается еще и тем, что многие, включая Юлиа Сергеевича, приезжают на летнюю школу с семьями и детьми. К тому же среди участников семинара есть семейные пары – например, мы с женой. Для нас с ЛШ связано много личных воспоминаний. Так, школа 2008 г. – наша первая совместная поездка, а школа 2009 г. проходила посреди медового месяца. Хотя на летнюю школу приезжают в основном участники семинара, далеко не все едут из Москвы. Многие давно работают за границей и прилетают на школу из США, Франции, Швеции, Швейцарии...

Первая летняя школа состоялась в 1998 г. на даче одного из учеников Юлиа Сергеевича – Антона Городецкого. Следующие две прошли в Красновидово.

С 2001 г. школы переехали в пансионат «Ратмино», расположенный на стрелке Дубны и Волги. В 2005 г. по инициативе Мити Филимонова школа прошла в весьма нетрадиционном месте – альплагере Безенги. С тех пор мы чередуем стандартное место проведения – Ратмино – с нестандартными. Так, в 2007 г. школа прошла на Соловецких островах, а в 2009 и 2010 гг. – в Татрах в Словакии.

Важной частью летней школы является серия лекций, которые читает Юлий Сергеевич. В ней обычно дается обзор двух-трех направлений деятельности семинара. Кроме того, многие участники семинара рассказывают о полученных ими результатах. Итого в день обычно получается две-три лекции. Казалось бы, это немного. Но вне лекций участники школы активно общаются друг с другом и Юлием Сергеевичем, дописывают статьи, пишут конспекты только что прошедших лекций, читают и слушают курсы «ликбеза»; в результате программа школы получается очень напряженной. Также на школе обсуждаются планы на осень: список докладов семинара, рабочие группы по задачам. Это позволяет участникам семинара провести осенний семестр без Юлиа Сергеевича.

Великие ошибки великих предшественников

В остальных разделах моего рассказа я постарался не использовать математических терминов. В этом разделе, конечно, не получится обойтись совсем без них, но читатель-нематематик может читать, заменяя термины словами вроде «глокая», «куздра».

Существенную часть своей жизни Юлий Сергеевич работал над второй частью 16-й проблемы Гильберта. В проблеме предлагается исследовать количество и расположение предельных циклов полиномиального дифференциального уравнения на плоскости.

Когда Юлий Сергеевич студентом начинал работать над этой проблемой, считалось, что существенная часть этой задачи решена ректором МГУ И.Г. Петровским и молодым математиком Е.М. Ландисом.

А именно в статье Петровского–Ландиса (1955 г.) доказывалось, что общее количество предельных циклов у уравнения степени n не превосходит числа $H(n)$, которое зависит только от n , но не от самого уравнения.

Во второй половине 1960-х годов на семинаре И.М. Гельфанда разбирали работы Петровского–Ландиса. Сделать серию докладов было поручено аспиранту Сергею Петровичу Новикову. Гельфанд обычно приходил на семинар гораздо позже официального времени начала, и до его прихода участники гуляли по 15-му этажу ГЗ МГУ и обсуждали разные вопросы. Перед очередным докладом Новикова к нему подошел незнакомый студент и сказал, что в той части статьи, которую Новиков планирует рассказывать сегодня, есть необоснованный переход и эту «дырку» не получается быстро «залатать». Они обсудили этот вопрос, и в результате вместо доклада Новиков сказал приблизительно следующее: «Я должен был сегодня рассказывать очередную часть статьи, но мы обсудили и пришли к выводу, что в статье содержится ошибка, поэтому доклад отменяется». Услышав эту фразу, Гельфанд спросил: «Кто “мы”?» Новиков не знал, как зовут подошедшего к нему студента, и ответил: «Мы». После того как этот мини-диалог повторился 2-3 раза, Гельфанд, видимо, понял причину такого ответа, обернулся и задал тот же вопрос аудитории. Тогда Юлий Сергеевич (это был он) встал и представился. Юлий Сергеевич любит рассказывать, как Иван Георгиевич «отомстил» ему за нахождение ошибки в любимой работе: Юлия Сергеевича в обход партийной организации зачислили преподавателем на кафедру дифференциальных уравнений. Позже Юлий Сергеевич нашел ошибку в работе Дюлака, в которой доказывалось, что для каждого уравнения количество предельных циклов конечно². Эту работу считали верной на протяжении пятидесяти лет. В начале 1990-х Юлий Сергеевич и французский математик Ж. Экаль, независимо друг от друга, доказали результат, заявленный в работе Дюлака, а недавно ученик Юлия

Сергеевича Сергей Яковенко совместно со своими учениками решили одну из упрощенных версий проблемы Гильберта – инфинитезимальную проблему Гильберта. На сегодняшний день это наилучшие результаты в данной области.

Кроме проблемы Гильберта Юлий Сергеевич много занимается и другими разделами качественной теории дифференциальных уравнений: ему принадлежат понятие статистического аттрактора, многие достижения в исследовании возможной структуры аттракторов, теорема о плотности листов типичного полиномиального слоения на комплексной плоскости.

Увлечения

Конечно, Юлий Сергеевич увлекается далеко не только математикой – он ходит в походы (последние известные мне – двухдневная вылазка в Безенгах и однодневные в Татрах), много читает, хорошо знает историю. Это невольно отражается и на том, как мы говорим о математике: результат бывает «сияющей вершиной», «взятой высотой», а пару лет назад Витя Клепцын озаглавил свой доклад «”Бисмарк” получил торпеду»³.

Вместо заключения

На летней школе на Соловках во время одной из прогулок мы решили окунуться в Белом море. Часть участников ограничились тем, что попробовали температуру воды рукой, другие (включая меня) окунулись на несколько секунд и быстро выбежали. Юлий Сергеевич сплавал на десяток метров туда-обратно. Глядя на это, Саша Буфетов сказал, что сила математика видна по времени, проведенному им в холодной воде.

² Сравните: для записи каждого натурального числа достаточно конечного количества цифр, но с ростом числа количество цифр растет, и нет такого количества цифр, которого хватило бы для записи любого натурального числа.

³ Линкор «Бисмарк» 26 мая 1941 г. получил торпеду, после чего тонул еще сутки и все время отчаянно отбивался. Задача, о которой шла речь на докладе, последние два года ведет себя таким же образом.

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ КАМЕНСКИЙ

- Родился в Москве.
- Окончил Московский областной педагогический институт.
- В 1999 г. защитил докторскую диссертацию.
- С 1988 г. – преподаватель Московского государственного историко-архивного института, затем Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ).
- До 2010 г. – заведующий кафедрой отечественной истории Древнего мира и Средних веков факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ.
- С 2010 г. – декан и заведующий кафедрой политической истории факультета истории НИУ ВШЭ.
- Главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева (ИГИТИ) НИУ ВШЭ.
- Член Ученого совета РГГУ, Российского общества по изучению XVIII века, Научного совета РГАДА, Международной группы по изучению России XVIII века (Study Group on Eighteenth Century Russia).
- Основные работы: «От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа» (1999), «Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века» (2006), «Россия в XVIII веке» (2006).
- Автор множества монографий, статей (в том числе на английском и французском языках) и учебных курсов.
- Награжден медалью «В память 850-летия Москвы» (1997).

ГАЛИНА БАБКОВА

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Александр Борисович Каменский:
Историк повседневности

Писать об Учителе непросто. Трудно не поддаться эмоциям и выдержать спокойно-бесстрастный стиль повествования, прекрасно понимая при этом, что создаваемый образ таков только для меня и кто-то другой, естественно, написал бы все по-другому. Это мой первый опыт. Когда-то же надо начинать...

«ВИДы»,
или Первое знакомство...

Все началось с курса «Вспомогательные исторические дисциплины», который мы, первый набор историков историко-филологического факультета РГГУ, слушали осенью и зимой 1992 г. Вел его Александр Борисович Каменский. Название предмета было не совсем понятным, но первокурсников истфила это не смущало. Благодаря Галине Андреевне Белой, усилиями которой был создан историко-филологический факультет и которая стремилась на уровне учебного процесса

реализовывать принцип «компаративистики», у нас читали замечательные ученые: А.Я. Гуревич, Г.С. Кнабе, Е.М. Мелетинский, Л.М. Баткин и многие другие. Так для нас, «зеленых» первокурсников, смысл и значение приобретали такие слова, как «мифологическое сознание», «эпистема», «школа Анналов».

На этом фоне «ВИДы», как сокращенно назывался курс Каменского, выделялись тем, что очень последовательно и доходчиво показывали, что должно лежать в основе любого социогуманитарного исследования – скрупулезная и детальная работа с историческим источником. Александр Борисович читал лекции свободно и непринужденно, легко отвечая на каверзные вопросы, которые иногда задавали студенты. Главное – нам было очень интересно, хотя поначалу казалось, что такие предметы, как палеография, хронология, метрология или сфрагистика, могут вызывать только священный трепет и никогда не поддадутся студенту первого курса. Особняком стояли семинары. Они проходили в тусклых аудиториях переданного РГГУ здания бывшей Высшей партийной школы, где еще встречались соответствующие портреты и литература. Мы приходили и учились читать.

Учились – в прямом смысле этого слова, получая картонные карточки, на которых были наклеены скорописные тексты XVI или XVII в., и буква за буквой пробиваясь к смыслу написанного. Александр Борисович объяснял очень терпеливо (позднее я поняла, что терпение и толерантность относятся к числу его бесспорных человеческих качеств), иногда по нескольку раз повторяя одно и то же и всегда показывая, что можно «вычитать», увидеть в тексте дарственной или закладной. По сути, очень методично он прививал нам навыки источниковедческого анализа, без которых «ремесло историка» просто невозможно. Так мы постепенно приобщались к традициям школы источниковедения Историко-архивного института РГГУ.

Настоящий архивист, или Как нас учили

Много лет проработав в Российском государственном архиве древних актов, где до сих пор есть «стол Каменского», Александр Борисович пришел в Московский государственный историко-архивный институт (позднее – ИАИ РГГУ) на кафедру источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в 1986 г., когда ее возглавлял его учитель, близкий друг и великолепный знаток российской истории XVI–XVII вв. Александр Лазаревич Станиславский. На студентов первого-второго курсов Историко-архивный институт производил неизгладимое впечатление. Во-первых, своим расположением в одном из старейших зданий Москвы, а во-вторых, тем, что именно здесь работали классики российской истории: Ю.В. Готье, С.Б. Веселовский, М.Н. Тихомиров, Л.В. Черепнин, А.А. Зимин, – чьи работы стояли в числе обязательных в списках литературы по курсу отечественной истории.

В 1994 г. в ИАИ на кафедре источниковедения и ВИДов Александр Борисович начал вести спецсеминар по истории России XVIII в. Для меня, прилежно штудировавшей итальянский язык и долженствовавшей

заниматься историей Италии, он стал решающим в выборе того, что и как я хочу делать. Семинар был необычный. Мы собирались раз в несколько недель, предварительно получив задание прочитать парочку увесистых томов, рассаживались за большим столом кафедры и за чаем обсуждали прочитанное. Обычно тут же разгоралась острая многочасовая дискуссия, которой, как я сейчас понимаю, Александр Борисович в свойственной ему демократичной манере умело руководил. Мы все были с характерами, каждый хотел высказаться и почитал свое мнение единственно верным. Каменский терпеливо выслушивал наши умозаключения, исподволь гася словесные перепалки и подводя нас к необходимости критической оценки и переосмысления любого текста, будь то мемуары или монография по истории России XVIII–XIX вв. Параллельно под сомнение ставилась адекватность и применимость ряда «-измов» (абсолютизм, просвещенный абсолютизм, капитализм и т.д.), которые, вместо того чтобы приближать к пониманию реальности прошлого, ограничивают ее и заключают в рамки кабинетных конструкций. Критика, однако, не была самоцелью. Дискуссии учили четко формулировать мысль, выкристаллизовывать идею, выстраивать ясную и понятную всем систему доводов и доказательств.

На семинар приходили очень интересные люди: друг и соавтор Александра Борисовича, знаток России первой половины XVIII в. «неформальный» Евгений Викторович Анисимов (беседу с нами он начал с критики своей работы «Время петровских реформ»); крупнейший специалист по истории российского права, строгий и закрытый Олег Анатольевич Омельченко, чей труд «Законная монархия» Екатерины II» мы почитали классическим. Знакомство с ними давало возможность понять, каким образом и почему формируется область научных интересов того или иного исследователя, подспудно включая нас в академическую среду тех, кто занимался историей Российской империи.

Взрослая жизнь

В 1997 г., закончив истфил, я поступила в аспирантуру. Естественно, тема моих исследований была связана с Россией XVIII в. – с предметом, который всегда был в центре научных изысканий Александра Борисовича. Через два года я стала преподавать на кафедре истории России Средневековья и раннего Нового времени. Атмосфера на кафедре сложилась уникальная. Возглавив кафедру в 1996 г., Каменский не только пригласил туда очень интересных историков-русистов, но и создал максимально «комфортные» условия для занятий наукой. «Разрешительная процедура Каменского» и полное отсутствие административного формализма позволяли сочетать преподавание с активными архивными изысканиями, участием в конференциях, поездками на стажировки или с целью преподавания в каком-нибудь иностранном университете.

Импонировал стиль общения, который Александр Борисович принес на кафедру. Ему была свойственна открытость, демократичность, готовность выслушать и помочь, искренняя радость по поводу научных достижений коллег. И еще – в самых разных ситуациях постоянно ощущалась поддержка заведующего. Для некоторых из нас она имела решающее значение. Участие и помощь Александра Борисовича позволили его ученику, незрячему Жене Трефилову, закончить историко-филологический факультет РГГУ и защитить очень интересную кандидатскую диссертацию по социальным движениям в России первой четверти XVIII в. Сейчас Евгений Николаевич Трефилов в качестве старшего преподавателя кафедры истории идей и методологии исторической науки успешно работает на факультете истории НИУ ВШЭ. Диссертации пишутся по-разному: моя, в силу разных причин, писалась долго. Наверное, она никогда бы не была доведена до конца, не будь Каменский настойчив и в то же время мягок и терпелив. Для меня было очень ценно его умение задавать вопросы, размышления над которыми позднее трансформировались в отдельные области научных изысканий.

Так, из телефонного разговора о проекте «Уголовного уложения» Екатерины II родился мой интерес к понятию «уголовный» в России XVIII в., а в более широком смысле – к истории понятий в целом; а беседа на кафедре о социальной истории вылилась в занятия детской преступностью в Российской империи указанного периода. Уверена, что так было не только со мной...

«Вышка», или Несколько слов о школе

В 2010 г. Александр Борисович Каменский стал первым деканом факультета истории Вышки. В его жизни начался новый этап, полный административных забот и суеты. Неизменным осталось отношение к людям и профессии: он все так же открыт и демократичен, а «завсегдатаи» читального зала РГАДА регулярно видят Каменского за внимательным изучением источников по истории столь любимого им Бежецка.

Есть ли «школа Каменского»? Я уверена, что есть. Она объединяет самых разных людей, которые учились у Александра Борисовича, хотя далеко не обязательно профессионально занимаются историей. В ее основании лежит очень ответственное отношение к делу, уважение и толерантность к окружающим, готовность помочь, открытость, спокойное отношение к собственным достижениям, без которого, на мой взгляд, невозможно движение вперед. Недавно на конференции в Лондоне одна старшая коллега по факультету заметила, что очень важно чувствовать «плечо» Учителя. Сейчас я понимаю, что это действительно важно – знать, что в любой момент и при любых обстоятельствах я могу просто постучать в дверь декана факультета истории НИУ ВШЭ и в ответ услышу: «Галя, здравствуйте, заходите. Как ваши дела?»

ВЯЧЕСЛАВ ЭРНСТОВИЧ ВОЛЬФЕНТАГЕН

- Родился в Москве.
- В 1977 г. защитил кандидатскую диссертацию «Теоретические и инженерные методы проектирования реляционных банков информации в АСУ», в 1990 г. – докторскую диссертацию «Концептуальный метод проектирования банков данных».
- С 1972 г. – преподаватель кафедры кибернетики Московского инженерно-физического института.
- Профессор Московского физико-технического института (с 2006 г.), Московского инженерно-физического института.
- Основные работы: «Реляционные методы проектирования банков данных» (соавторы: Л. Т. Кузин, В.И. Саркисян, 1979), «Проектирование интегрированных баз данных» (соавторы: А.А. Стогний, В.А.Кушницров, В.В. Араксян, В.И. Саркисян, А.В. Шитиков, 1987), «Аппликативные вычислительные системы и концептуальный метод проектирования систем знаний» (соавтор: В.Я.Яцук, 1987), «Конструкции языков программирования. Приемы описания» (2001), «Комбинаторная логика в программировании. Вычисления с объектами в примерах и задачах» (2003), «Методы и средства вычислений с объектами. Аппликативные вычислительные системы» (2004), «Логика. Конспект лекций: техника рассуждений» (2-е изд. – 2004).

СЕРГЕЙ ЗЫКОВ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Вячеслав Эрнстович Вольфенгаген:
Учитель Пути

Говорить об Учителе сложно, ибо это весьма субъективная попытка краткими словами выразить необъятное. И потому, что его портрет постоянно пополняется новыми штрихами. И потому, что самое важное из его наставлений – Путь – находится за гранью вербализации и лишь угадывается за греческими, готическими и иными литерами формул. Там, за границами глубоко вложенных скобок, в направлении, на которое лишь намекают многочисленные стрелки, по-видимому, и начался Путь для многих десятков его учеников. Но все же, наверное, этот рассказ необходим. Потому, что наши научные пути близки уже более 20 лет. Потому, что во многих отношениях с Учителем следует брать пример. Наконец, потому, что он сам уделяет много внимания своим наставникам, не упуская ни одной памятной даты и используя каждую возможность вспомнить о них – в своих выступлениях, статьях, книгах, беседах с учениками.

Первая встреча

Как состоялось наше знакомство? Вполне просто, на первый взгляд даже слишком буднично. При обсуждении выбора научного руководителя – еще на этапе первого курсового проекта в МИФИ – кто-то из студентов кафедры кибернетики обронил: «Если хочешь в перспективе красный диплом и думаешь о кандидатской, обратись к Вольфенгагену – поможет!» На тот момент названная фамилия ни о чем мне не говорила. Тем не менее эта краткая первая встреча с крепко сложенным, неторопливым, тщательно взвешивающим каждое слово человеком, чей чуть затуманенный взгляд всегда устремлен куда-то за горизонт, надолго связала нас узами общей научной школы. Впоследствии я узнал ряд интересных подробностей. И то, что Вячеслав Эрнстович – мастер спорта СССР по самбо. И то, что он непосредственно воспринял и продолжает научную линию Л.Т. Кузина и А.П. Ершова – основателей отечественных направлений прикладной математики, информатики и кибернетики. И то, наконец, что из-под его крыла вышли десятки успешно защитившихся аспирантов. И то, что качество их работ не подлежит сомнению. И многое, многое другое.

«Концептуальный метод»

Тема диссертационной работы В.Э. Вольфенгагена начинается словами: «Концептуальный метод...». В чем же особенности подхода Вячеслава Эрнстовича к научной работе? По-видимому, в первую очередь в методически выверенной схеме исследования, начиная с длительного, медитативного вынашивания первичной идеи-концепции. Такие идеи сначала «с пристрастием» апробировались на внутренних семинарах, с неперменным выводом формул мелом на доске. Каждая буква в этих соотношениях дотошно проверялась студентами и аспирантами, а затем то, что выдерживало этот «крэш-тест», выносилось на более серьезный уровень. Это предельное внимание к «мелочам», каждая из которых могла «торпедировать» научную работу, было особенно важно при подготовке специалистов в МИФИ – вузе, изначально ориентированном на «боевые», высоконадежные приложения: от атомных реакторов до средств управления подводными лодками. Все научные публикации тщательно структурировались и проходили «обкатку» на семинарах. Существенное внимание при этом уделялось не только докладам, но и так называемым сообщениям, целью которых было обсуждение трудно формализуемых научных предметов, как бы находящихся за гранью познания. Здесь видится как высокий уровень доверия профессора к самостоятельной работе молодых исследователей, так и невербальная передача высокого искусства «зреть в корень» математических формул, выявляя их поистине философский смысл, лежащий существенно глубже физического. При таком подходе из, казалось бы, вполне ясных в математическом отношении формул следовало, что существуют «переменные миры», между которыми «перемещаются» как бы абстрактные «индивидуальные сущности». Так на закате эпохи материализма мы впервые получили математически строгую картину существования вечной жизни.

По индивидуальному плану

Наверное, наиболее интересный научно-педагогический эксперимент МИФИ, в котором мне довелось принимать участие (в качестве «подопытного кролика»), – это так называемый индивидуальный план обучения. Проект возник в начале 1990-х годов и имел целью «инкубацию» лучших студентов под контролем одного-двух профессоров. Скажу сразу: речь шла не только о научной работе, но и о том, что практически все учебные курсы уровня магистратуры для небольшой группы студентов фактически «закрывались» одним преподавателем. Можно себе представить уровень эрудиции наставника, который с одинаковым профессионализмом излагает на «продвинутом» уровне базы данных, информационные системы, технологию программирования (дисциплину, близкую к сегодняшней программной инженерии) и другие курсы! В действительности этот «вызов» смог достойно принять, насколько мне известно, лишь Вячеслав Эрнстович. И он, со свойственной ему тщательностью, полностью разработал учебные планы для трех студентов и лично (ни о какой поддержке учебных ассистентов в таком – индивидуальном – формате речь не шла) на протяжении полутора лет вел для нас все занятия по всем направлениям. По сути дела, около двадцати лет назад в МИФИ был в одиночку успешно выполнен пилотный проект по научному наставничеству, которое сегодня называют иностранными словами «менторинг» или «коучинг» и которое делает свои первые шаги в отечественных вузах только сейчас!

Без отрыва от производства

Важнейшим элементом подготовки и апробации научных работ был семинар. Однако профессор В.Э. Вольфенгаген несколько расширил привычные рамки этого понятия (хотя для формального обозначения мероприятия мы использовали именно слово «семинар»).

Фактически Вячеслав Эрнстович создал нечто подобное современным проектно-научным (или научно-учебным) лабораториям ВШЭ, а возможно и мини-наукоград. Объединив усилия с совместным предприятием (подобныеструктуры в начале 1990-х годов были весьма распространены), профессор добился такой «смычки», при которой студенты, аспиранты и все желающие могли еженедельно собираться в прекрасно оснащённом, просторном «зале с красными шторами», расположенном в Крылатском. Здесь была возможность не только принять формальное участие в докладах и прениях. Рядом были компьютеры с самым современным программным обеспечением: таким образом, все новые идеи можно было проверить практически. Так как компьютеры были в тот период буквально предметом роскоши и «машинного времени» (в отличие от идей!) всегда не хватало, то научную работу приходилось организовывать практически в круглосуточном режиме. Студенты-дипломники и аспиранты, чей график посещения занятий в университете не был жестким, были настолько поглощены исследованиями, что зачастую оставались ночевать в здании (что вполне позволялось). Кроме того, во многом благодаря усилиям профессора высокая научная активность поддерживалась за счет динамичной смены видов деятельности: к нашим услугам были тренажерный зал, кафе-столовая, окрестности гребного канала и многое другое. В то время совсем молодые ученые получили принципиально иную «инкубационную» среду, чем «традиционный» вуз с унылыми стенами и жестким контролем времени «пребывания на территории». И результаты не заставили себя ждать. Ведь здесь можно было помочь реальному делу, увидеть немедленное внедрение научных достижений не только в форме учебных задач для студентов. В частности, был разработан целый ряд компьютерных мультимедиа-тренажеров, реализованных в виде коммерческих продуктов, которые нашли своего заказчика.

Философия науки

Вспоминаются интересные случаи с Учителем, которые раскрывают метафизический мир его науки.

Еще в студенчестве запомнилось, как профессор поднял на улице монетку, сказав при этом: «Пусть эта монета послужит началом моего капитала!» Теперь стало почти очевидно, что это была, по сути дела, притча о построении научной теории. Работа начинается с «элементарной частицы»-монетки, которая затем посредством массы относительно простых операций преобразуется, вырастая в достаточно крупный и сложный объект, проявляющий как свойства, характерные для исходной «первочастицы», так и совершенно иные, куда более глобальные. При этом нужно сначала заметить в дорожной пыли именно эту тусклую монетку (вычленив объект исследования на, казалось бы, уже многократно «перепаханном» научном поле), а затем потрудиться поднять ее (исследовать возможность построения теории) и пустить в оборот (разработать теорию на ее основе, показать ее адекватность, изучить возможность практического приложения, построить иллюстрирующий компьютерный прототип).

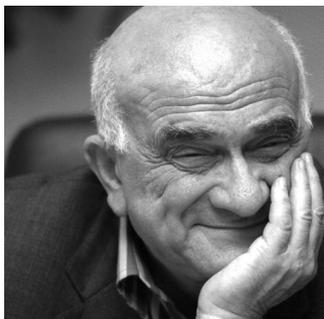
Другое воспоминание – о принципах построения некоторой логической системы, которой Учитель уделял пристальное внимание, так как, по его мнению, в ней можно было смоделировать практически произвольный объект. Согласно правилам этой системы, любой объект в ней можно построить из элементарных «первочастиц» всего двух типов. Исследование свойств «первочастиц» приводило к следующим ассоциациям. Первый тип был «настроен» на структурное упрощение, «укорачивание» всего, на что он действовал в «мире», а второй – на усложнение, удлинение, умножение. На протяжении многих лет эти «первочастицы» воспринимались именно как отвлеченные кирпичики. И лишь совсем недавно пришло понимание, что в них можно увидеть аналоги первоначал ян и инь, из симбиоза которых, согласно даосским канонам, строится мироздание.

Таким образом, эта на первый взгляд «чистая» теория получает недвусмысленную философскую окраску. Естественно, это лишь одна из возможных (и достаточно «вольных») интерпретаций, коих бесконечное множество. Нужно отдать должное Учителю: он привлекал наше внимание к глубине и выразительной мощи исследуемых теорий, как бы давая понять, что за ними можно увидеть нечто большее, чем математические абстракции, но не навязывал интерпретаций, оставляя каждому свободу выбора собственного Пути.

Многое из того, чему научил профессор, сейчас внедряется или планируется к внедрению в ВШЭ. Это – научно-учебные лаборатории, индивидуальный подход к обучению магистрантов, научные семинары с сериями студенческих докладов, обучение искусству подготовки публикаций и донесения их до аудитории и многое, многое другое.

Подводя итог, замечу, что речь действительно может идти о Наставнике, открывшем Путь: Учителем основано направление, которое из совсем нового термина – «аппликативные вычислительные системы» – выросло до признанной международным сообществом научной конференции. При сотнях печатных работ, десятках монографий и несомненно состоявшейся научной школе, включающей не одну дюжину кандидатов наук, Вячеслав Эрнстович остается весьма скромным, сдержанным, легким в общении человеком. С большим почтением относится он ко всем, кого считает своими наставниками и в науке, и в спорте, и в жизни. Всегда с благодарностью упоминает в своих текстах имена тех коллег, которые оказали ему даже, казалось бы, незначительную помощь при подготовке той или иной статьи, брошюры или монографии.

Доброго Пути, Учитель!

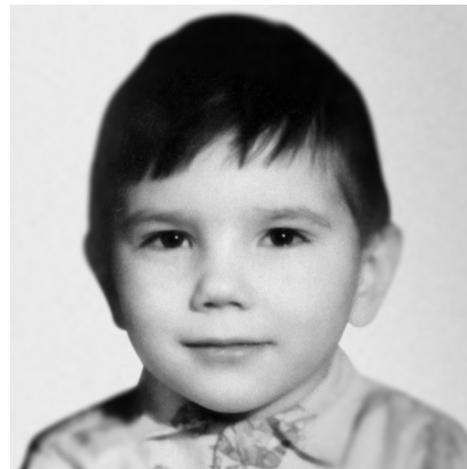

ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЯСИН

- Родился в Одессе.
- В 1957 г. окончил Одесский строительный институт.
- В 1963 г. окончил экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1976 г. защитил докторскую диссертацию «Методологические проблемы исследования системы экономической информации».
- 1973–1989 гг. – заведующий лабораторией Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) Академии наук СССР.
- С 1993 г. – руководитель рабочей группы при Председателе Правительства РФ, разработчик экономических программ Правительства РФ.
- 1994–1997 гг. – министр экономики РФ.
- 1997–1998 гг. – министр без портфеля российского правительства.
- До 2012 г. – член Совета директоров радиостанции «Эхо Москвы» (независимый директор).
- Один из основателей и научный руководитель НИУ ВШЭ. Профессор кафедры статистики НИУ ВШЭ, президент фонда «Либеральная миссия».
- Член Европейской академии наук, президент Научно-просветительского фонда «Экспертный институт».
- Почетный профессор Цзилиньского университета (КНР), доктор honoris causa Университета Бирмингема (Великобритания).
- Автор более 500 научных работ.
- Основные работы: «Теория информации и экономические исследования» (1970), «Экономическая информация» (1974), «Хозяйственные системы и радикальная реформа» (1989), «Политическая экономия и реформы ЖКХ» (2006), «Приживется ли демократия в России».
- Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2002), Орденом Почета (2009), орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (2012).

ДМИТРИЙ ВЕСЕЛОВ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Евгений Григорьевич Ясин:
Мастерская свободной мысли

Мне помнится, что еще в период обучения в старшей школе на одной из передач по ТВ я видел, как Евгений Григорьевич тепло отзывается о студентах Вышки и своих учениках. В то время я никак не мог знать, что мне предстоит стать одним из них. В 2006 г., когда я учился на четвертом курсе факультета экономики ВШЭ, мой научный руководитель Фуад Тагиевич Алескеров познакомил меня с Ясиным. Уже во время этой первой встречи Евгений Григорьевич спросил меня о жизненных планах и посоветовал остаться работать в университете, заниматься наукой. После обсуждения нашей с Фуадом Тагиевичем работы, посвященной экономическому росту в Китае, Евгений Григорьевич предложил мне параллельно с подготовкой бакалаврской работы присоединиться к руководимому им проекту по исследованию конкурентоспособности российских предприятий. С тех пор на протяжении всей моей дальнейшей учебы в Вышке у меня было два научных руководителя.

Двое в тельняшках

Под руководством Евгения Григорьевича в рамках этого проекта работали две команды: с одной стороны, известные исследователи из Института анализа предприятий и рынков ВШЭ, а с другой – два четверокурсника: Генрих Пеникас и я. Мы выполняли задания Ясина и в назначенный день обсуждали с ним полученные результаты. Я очень радовался возможности работать под его руководством – и в то же время ощущал большую ответственность. Задания, которые предлагал Евгений Григорьевич, были неизменно интересными, актуальными, в большой степени прикладными. Он отдавал предпочтение простым и наглядным индикаторам, которые могли бы отразить происходящие в экономике процессы. Например, нам с Генрихом предстояло оценить по базе данных долю конкурентоспособных предприятий в разных отраслях промышленности. Если нам что-то не удавалось, Евгений Григорьевич нас поддерживал и давал указания, а когда удавалось получить наглядные и вместе с тем обоснованные результаты, очень радовался, и мы вместе с ним.

Впоследствии наш маленький вклад находил отражение в его лекциях, докладах, книгах, где он неизменно подчеркивал наше участие. Было приятно, что наша работа давала такие плоды. И такой формат работы со студентами для Евгения Григорьевича не исключение, а правило.

«Теневое правительство»

После первой встречи с Ясиным я стал посещать его семинар для студентов «Теневое правительство». Студенты и аспиранты, участвовавшие в этом семинаре, отличались инициативностью, яркостью, самостоятельностью, то есть в основном лидерскими качествами. Участие в этом семинаре было добровольным, каждый выбирал тему, так или иначе связанную с актуальными для России вопросами, и периодически выступал на заседаниях семинара. Это был своего рода самоотбор.

Атмосфера семинара была открытой для дискуссий, всегда приветствовалось выражение индивидуальной точки зрения, были заметны те люди, которые оказывались готовы представлять и отстаивать свое мнение. Для меня эта ситуация была необычной: будучи студентом, я привык быть отличником и иметь полную, предельно детализированную картину предмета в голове. На этом же семинаре обсуждались вопросы, не имевшие заранее заданных ответов; часто они касались назревших в экономике и обществе проблем и требовали смелых, нетривиальных суждений.

Евгений Григорьевич всегда был в центре семинара – ведущим, лидером. Но в то же время со студентами он держался просто, непринужденно, мог поспорить, всегда говорил «ты», всегда выслушивал, что говорят другие. Несмотря на свой статус и авторитет, он общался со студентами на равных. Часто он советовал обсудить работу с ведущими специалистами в той или иной области, помогал знакомиться с этими людьми, иногда приглашал их на семинар.

В результате среди участников семинара многие, кто начинал заниматься той или иной темой, продолжают работать в том же или смежном направлении. Сегодня «Теневое правительство» получило новую жизнь в рамках семинара для молодых ученых «Секреты академической кухни».

Сила слова

Во время моей учебы на первом курсе магистратуры в 2007 г. Ясин читал лекции по курсу «Российские реформы». Лекции удивительно интересные – ведь Евгений Григорьевич рассказывал о новейшей экономической истории России. Каждая лекция раскрывала тот или иной аспект драматических событий конца 1980 – начала 1990-х годов, часть лекций была посвящена современным проблемам в российской экономике. Каждый раз с неизменной силой и убежденностью Ясин пояснял необходимость и закономерность реформ, указывал на существующие недоработки. При обсуждении текущих проблем Евгений Григорьевич часто ссылался на исследования, которые тогда проходили в Вышке, в том числе и под его руководством.

Несмотря на то что у меня была возможность видеть Евгения Григорьевича на лекциях, семинарах, я с удовольствием слушал его выступления на радио «Эхо Москвы». Эти выступления я стараюсь слушать и сейчас. Хочется учиться у него возможности доходчиво и убедительно объяснять свою позицию, открытости к диалогу с большим количеством слушателей.

Кроме того, учась в магистратуре, я начал посещать семинары Ясина, проходившие под эгидой ВШЭ и фонда «Либеральная миссия». Эти семинары играют особую роль в жизни нашего университета: на них обсуждаются ключевые вопросы экономического и политического развития России, ее будущего. Именно они создавали у меня чувство личного участия в том, что происходит и будет происходить в стране.

В случае, если необходимы были изменения политические или экономические, не очень удобные для властей, но жизненно важные для страны, Евгений Григорьевич в своих выступлениях раз за разом повторял и доказывал, почему та или иная реформа необходима в данный момент, он приглашал к дискуссии на семинарах и круглых столах представителей разных групп – бизнеса, власти. Именно на примере Ясина я убедился в силе слова и в возможности решать сложные общественные проблемы путем диалога.

«Мечта профессора Ясина»

Коронная фраза Евгения Григорьевича, известная всему университету: Вышка готовит профессоров, министров и миллионеров. В то же время наибольшую симпатию Евгений Григорьевич испытывал к профессии ученого-мыслителя. И нам он говорил, что мечтает, чтобы в стенах Вышки выросли нобелевские лауреаты, чтобы возникла сильная команда ученых. Я всегда чувствовал, какой ответственностью облакают меня и всякое доброе слово Ясина, и те надежды, которые он возлагает на меня.

Сразу после окончания магистратуры я начал работать преподавателем на кафедре макроэкономического анализа и поступил в аспирантуру. Как и ранее, моим научным руководителем был Фуад Тагиевич Алескеров, но одновременно я продолжал работать и с Ясиным. Между ними была договоренность о том, что я работаю и с Фуадом Тагиевичем, и с Евгением Григорьевичем. Ясин – очень занятой человек, и основной возможностью общения с ним было для меня участие в семинарах «Теневого правительства», посещение других его семинаров и редкие личные встречи.

На втором курсе аспирантуры я был стипендиатом фонда «Мечта профессора Ясина». По правилам фонда я должен был подготовить в течение года оригинальное исследование и выступить с ним на семинаре Ясина.

Евгений Григорьевич дал мне возможность самостоятельно выбрать тему, подчеркивая, что настоящий ученый сам ставит перед собой задачи и его нельзя в этом ограничивать. Меня более всего интересовали математические модели долгосрочного экономического роста, и я выбрал актуальную, как тогда, так и сейчас, тему «Траектории развития ресурсных экономик», в рамках которой работал над теоретической моделью, способной описать существующие различия в развитии стран, богатых природными ресурсами, и обосновать природу этих различий.

Мое стремление к масштабным задачам Евгений Григорьевич всегда поддерживал. Когда я на семинаре представлял ему на суд свои работы, он неизменно говорил мне после выступления: «Молодец, мне нравится твоя работа!» Потом он мог указать на то, чего я не учел и что следовало бы учесть, но общая реакция всегда была положительной. И в результате после таких встреч я всякий раз ощущал эмоциональный подъем, позволявший мне идти дальше. Однако, если Ясин считал, что мне нужно мыслить более разнопланово, двигаться в сторону междисциплинарных исследований, он тактично, аккуратно старался направить меня в нужную сторону. А часто просто говорил: «Вот у нас новый проект, если интересно, зайди ко мне». У меня всегда была свобода выбора.

На плечах гигантов, но уж, пожалуйста, с крыльями за плечами

Евгений Григорьевич часто старался познакомить своих студентов с людьми своего круга общения – известными специалистами. Однажды мне позвонили из секретариата Евгения Григорьевича и сообщили, что во время моей короткой поездки в Париж по вопросам аспирантуры мне необходимо будет встретиться с Георгием Соколовым. Я очень ответственно относился к поручениям Евгения Григорьевича, переживал, если что-то не получается, и поэтому начал звонить на работу к Георгию. Но никак не мог там его застать.

Я был уверен, что попытаюсь встретиться с одним из молодых учеников Ясина. Лишь через год я обнаружил, что речь шла о Жорже Соколове, известном ученом-историке возраста Ясина. Представляю мое удивление, если бы мне-таки удалось встретиться с ним в Париже.

При личных встречах, на семинарах и конференциях Евгений Григорьевич всегда остается самим собой – легкий в общении, мягкий, но в то же время склонный со всей твердостью отстаивать свою точку зрения. Наряду с прочим эти качества позволяют ему совмещать научную и общественную деятельность, а еще – называть своими друзьями многих видных ученых. Во многом благодаря его участию в Вышке выступают крупнейшие исследователи, и все мы можем присутствовать на их выступлениях и общаться с ними.

В 2012 г. я защитил в НИУ ВШЭ диссертацию «Переход от стагнации к развитию в теории экономического роста с человеческим капиталом» и сейчас, в 2013 г., параллельно с работой в Вышке занимаюсь подготовкой докторской диссертации в университете Париж-1 Пантеон Сорбонна. По мере расширения моего личного опыта для меня все более значимыми становятся вера в свои возможности и смелость в постановке задач – то, чему на собственном примере стремился научить нас Евгений Григорьевич. Именно эти качества я хотел бы сохранить в себе и передать моим ученикам.

ЖАН-КЛОД ШМИТТ
JEAN-CLAUDE SCHMITT

- Родился в г. Кольмар (Эльзас).
- В 1971 г. закончил Школу хартий (*École nationale des chartes*).
- Защитил диссертацию о духовных движениях позднего Средневековья под руководством Ж. Ле Гоффа в Высшей практической школе (EPHE).
- С 1970-х годов – научный сотрудник, с 1984 г. – профессор Высшей школы социальных наук (EHESS).
- С 1993 г. – руководитель Группы исторической антропологии средневекового Запада.
- Основные работы: «*La raison des gestes dans l'Occident médiéval*» (1990), «*Les revenants. Les vivants et les morts dans la société médiévale*» (1994), «*Le corps des images. Essais sur la culture visuelle du Moyen Âge*» (2002), «*La Conversion d'Hermann le juif: Autobiographie, histoire et fiction*» (2004).

ОЛЕГ ВОСКОВОЙНИКОВ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Жан-Клод Шмитт:
Четвертое поколение школы «Анналов»

В 1998 г. Шмитт приехал в Москву, чтобы читать лекции по истории средневековых изображений во Французском университетском колледже. Тамашнее начальство знало о моем увлечении медиевистикой и попросило свозить парижскую знаменитость к знаменитости московской – Арону Гуревичу. Я с радостью согласился. С этой часовой встречи все и началось. О Шмитте я знал только то, что он вроде изучает средневековое искусство и как-то связан со знаменитой школой «Анналов».

В поисках «веселой науки»

Лекции подтвердили мои первые впечатления. Помню, как мы, небольшая стайка желторотых пятикурсников, фыркали по поводу лекции о «Распятой Золушке», в которой нам предложили довольно смелое, навеянное фольклористикой и Проппом прочтение одного странного мотива в средневековой иконографии распятия. К счастью, на семинаре можно было вдоволь поспорить, не боясь нажать себе неприятности на экзамене:

как выяснилось позже, в EHESS любят дебаты. Через несколько месяцев я окончил истфак МГУ, поступил в аспирантуру и нашел себе «надежную» подработку для обеспечения непростительной привязанности к эзотерическим научным занятиям. В августе 1998 г., как известно, все пришло в движение: валюты, правительства, ставки, проекты. К счастью, я оказался в конце месяца туристом в Париже и у меня случайно нашелся телефон секретариата Высшей школы социальных наук. Воздам должное секретарям: на мое неуверенное мычание в трубку, что я, мол, русский студент и хочу учиться у Шмитта, мне выдали его домашний номер, радостно сообщив, что он сегодня утром вернулся из отпуска. Вечером я был у него: небольшой заваленный книгами кабинет, портреты Марка Блока и Жака Ле Гоффа на затушенном камине, папки со статьями, своими и чужими, кофе без сахара, с горьким шоколадом. На мое предложение осчастливить французскую науку моими будущими открытиями мне сообщили шифр одной петербургской иллюстрированной рукописи конца XIII в., подарили, как полагается, несколько книжек, записали мой почтовый адрес для посылок и отпустили восвояси с утвержденной темой.

Окрыленный неожиданным поворотом судьбы и профессорской шоколадкой, я вернулся в обескураженную Москву и за следующие полгода написал на французском мой первый диплом под тогда еще дистанционным, но чутким руководством Шмитта. Не помню, каким образом мне попал в руки его лестный отзыв, сочетавшийся, однако, с не самой высокой оценкой: 15 из 20. Он добр, но справедлив. В этом отзыве промелькнуло короткое, ничего мне не говорившее слово *cotutelle*. Главное было сказано без обиняков: Шмитт готов был работать со мной. И я сел на чемоданы. На самом деле речь шла о совместной франко-русской диссертации, которая продолжила мой роман с Францией на несколько лет.

В октябре 1999 г. я очутился в Париже и принялся с жадностью заглатывать помимо прелестей жизни в *Cité Universitaire* все, что казалось мне интеллектуальным и медиевистическим. Естественно, становым хребтом моего расписания стал семинар учителя, по пятницам в девять утра, но он сам же рекомендовал мне ходить на все, что пригласится (даже в Париж IV!). Не случайно девизом его группы стал афоризм Гуго Сен-Викторского (XII в.): «Учись всему, потом увидишь, что все пригодится, стесненное знание – безрадостно». Таков и сам Шмитт, радостный ученый. Попробуем разобраться, откуда что взялось.

«Новая волна»

Почтенная Школа хартий, колыбель французской медиевистики, дала ему высококачественную профессиональную подготовку, добротную латынь и владение всеми навыками анализа исторических источников. Более того, она привила ему культ источника: шартист по определению не грешит голословностью и произносит что-либо, познакомившись со всем, что сказано до него. Представим себе юного Шмитта выпускником подобной элитной мастерской, на семинаре Жака Ле Гоффа, сейчас патриарха, а тогда сорокалетнего профессора Высшей практической школы, левого бунтаря, не желавшего писать диссертацию, а фактически сразу

взявшегося прямо за средневековую цивилизацию целиком. Добавим к этому, что там нечем было дышать от табачного дыма, но, по воспоминаниям моих учителей, там было – весело. И все по-настоящему. И еще: через этот семинар прошла едва ли не вся интеллектуальная Франция 60–80-х годов. Принято также было через день ходить в кино и смотреть все и вся, и «новую волну», и «старую». Из этой типичной привычки насельников Латинского квартала, я уверен, и вырос новый взгляд Шмитта и его круга на средневековое искусство.

Однажды наступил май 1968-го, и левый, студенческий берег Сены пошел приступом на правый, буржуазный. Мне до сих пор не удалось выудить из учителя подробностей его участия в штурме мостов – при подобных расспросах он вдруг становится похож на молчаливика-картузианца, но друзья говорят, что за ним шли, то ли на мост Искусств, то ли на мост Александра III. Высшая школа социальных наук возникла в середине 1970-х на подъеме 68-го года – левее и антиклерикальнее не бывает. Зато и принципы демократизма в отношениях между студентами, профессорами и администрацией блюдутся, словно хартия вольностей на соседнем острове. Ле Гофф, создатель и первый президент школы, говорил мне лет десять назад, что терпеть не мог мандаринов и сам выкорчевывал из себя мандаринство в годы администрирования. Действительно, и Шмитта, и его круг трудно представить себе «начальниками». Однако все эти бывшие кучерявые дети 68-го, *soixantehuitards*, бунтари со знанием десяти языков, а ныне – академический истеблишмент, приезжают на конгрессы с пленарными лекциями, председательствуют в комиссиях, разрезают ленточки.

Я всегда разделял любовь Шмитта к средневековым иллюстрированным рукописям, но моя главная «любовь» тех лет – сицилийская художественная и научная культура XII–XIII вв. – все же довольно далека была от его непосредственных интересов. Он ничего не навязывал, но инстинкт подсказывал, что нужно проявить готовность заниматься тем, что волновало его, и тем самым положить и мои умения, и мои пристрастия на алтарь

коллективной победы. Поэтому для начала, в рамках Master, я работал над французскими иллюстрированными энциклопедиями XIII в., а когда неожиданно для меня пришло известие, что мне присуждена трехлетняя стипендия для написания диссертации во Франции, набравшись то ли смелости, то ли наглости, я заявил, что буду писать о науке и искусстве при дворе императора Фридриха II. Шмитт согласился, спокойно, без возражений и оговорок, – так как был простужен. Мы достаточно уже знали друг друга: он знал, что меня не надо учить палеографии, латыни или иконографии; я же знал по опыту, что у него нет и не будет времени читать со мной какие-либо, даже волнующие лично его, рукописи. При всей открытости Шмитт – солист.

Годы странствий

Следующие пять лет прошли в постоянных разъездах, и мы встречались эпизодически. В 2002 г. я защитил русскую кандидатскую под руководством Лидии Брагиной, моего первого учителя, получил место ассистента на родной кафедре истории Средних веков МГУ и потихоньку дорос до доцента. Иногда мне очень не хватало французского руководства, я скучал, хотя упрекнуть Шмитта в недостатке человечности было нельзя: он всегда находил время встретиться, чтобы, согласно традиционной формуле французской педагогики, «узнать, как там у вас продвигается». Я изменял Парижу то с лондонским Институтом Варбурга, то с итальянскими музеями и библиотеками, то с германскими медиэвистическими институтами: прослыл непоседой и космополитом. Но Шмитт неизменно сам же подсовывал разные заманчивые международные предложения и старательно писал (от руки) рекомендательные письма. Бывая в Париже, я приходил и прихожу на семинары заезжим завсегдатаем, привычным гостем – но уже лишь гостем. У Шмитта всегда хватало учеников на дистанционном управлении, от Кореи до Сан-Паулу. Из полусотни защитившихся у него докторов половина – иностранцы: если угодно, пятое поколение «Анналов».

В нашей среде никогда не было конкуренции, хотя за стаканом принято подтрунивать над ошибками друг друга, перемежая саркастические шутки комплиментами. Наверное, не случайно однажды на семинаре Шмитт назвал нас всех «бандой хулиганов» – в ответ на открытку на латыни, которую мы послали ему из его родного Кольмара. Хулиганы почти все защитились, разъехались за горы, моря и океаны, но шаловливая групповая идентификация сохранилась. В принципе, мы подражали ему самому и его поколению, как ни мало были похожи на май 68-го демонстрации, еженедельно заплывавшие бульвар Распай и увлекавшие порой и нас, библиотечных червей: почему бы не покачать хоть чужие права в хорошую погоду, думал я.

Мы встречались и встречаемся по вторникам на камерном, но дидактически важном семинаре по анализу средневековых изображений. Вход свободен для всех, и каждый год там можно видеть и преподавателей, и студентов, и просто любителей из разных стран. Обычно берется одна иллюстрированная рукопись, скажем какой-нибудь «Апокалипсис», и каждая миниатюра расшифровывается досконально, в сопоставлении с текстом, который она сопровождает. Здесь нас учили ремеслу, которым теперь мы делимся с учениками: и в Вышке, и в МГУ на такой жанр работы живо реагируют, потому что в нем есть предмет, есть проблема, есть вызов, азарт, есть, наконец, результат, но нет отчетов, ТЗ, «заделов», «разделов» и других привычных нам категорий научного администрирования.

Французское завещание

Студентом я приставал к Шмитту: «Научите меня правильно интерпретировать древнее искусство, находить исторически обоснованные, объективные параллели, сопоставлять тексты и изображения». Он просто отвечал: «Просматривайте сотни, тысячи изображений и каждое из них анализируйте в том контексте, который его породил, будь то алтарь, книга, храм, город, двор монарха или епископа».

Вместе за почти уже пятнадцать лет мы успели просмотреть тысячи изображений. С нашей группой, «group image», в мае мы выезжали на несколько дней на средневековую экскурсию: смотрели и описывали памятники, слушали лекции наших учителей и «хранителей древностей» всех мастей. Оказавшись недавно в Институте перспективных исследований в Принстоне, я брал с полки те же книжки, которые двадцать пять лет назад брал он: антропология, социология, искусствознание, медиэвистика, религиоведение, история науки и философии. А до него их читали Панофский, Канторович, Гирц... В такие минуты, признаюсь, я чувствовал себя звеном в золотой цепи. Шмитт всегда говорил, что наша группа не «капелла» (по-русски мы сказали бы: не «масонская ложа»): этому он научился у Ле Гоффа, а тот – у Февра. Участвуя в основании лаборатории медиэвистики в Вышке и задумывая мое любимое детище – семинар «Символическое Средневековье», я, конечно, следовал Гуго Сен-Викторскому, инстинктивно подражал учителю и даже вписал в «концепцию» пару его мыслей (думаю, он не обидится). Наши семинары – тешу себя такой бахтинской мыслью – «протокол незавершенного и незавершимого спора».

Однажды мы случайно встретились в Scuola grande di San Rocco в Венеции, в зале, где висят лучшие полотна Тинторетто: я узнал Шмитта со спины по характерному контрапосто, специфической шмиттовской позе, которую он принимает, глядя на монументальную живопись. Когда же пару лет назад он зашел в гости, я повел его в нашу Третьяковку, за два часа мы посмотрели всего десять икон – но то были лучшие иконы византийского мира, и мне было что ему рассказать. Сославшись на принятое в его семинаре *moderato cantabile*, я извинился, что не хватило времени на Серова и Врубеля. Но то была форма благодарности.

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА ИВАШКОВСКАЯ

- В 1975 г. окончила Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова по специальности «Политическая экономия».
- В 1979 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 2010 г. – докторскую диссертацию «Система интегрированного управления стоимостью компании».
- С 1993 г. – российский консультант, преподаватель и содиректор программ Института Всемирного банка.
- Основатель (2003–2004) кафедры экономики и финансов фирмы в ГУ–ВШЭ.
- Создатель и руководитель магистерских программ «Стратегическое управление финансами фирмы» и «Корпоративные финансы» НИУ ВШЭ.
- Создатель (2006) и заведующая Научно-учебной лаборатории корпоративных финансов в ГУ–ВШЭ.
- Ординарный профессор, директор департамента финансов НИУ ВШЭ.
- Соучредитель и главный редактор электронного журнала «Корпоративные финансы».
- Основные работы: «Технологический обмен: зависимость или сотрудничество?» (1992), «Финансовые измерения корпоративных стратегий. Стейкхолдерский подход» (2008), «Моделирование стоимости компании. Стратегическая ответственность советов директоров» (2009); соавтор и редактор учебных пособий «Деловые финансы», «Корпоративные финансы. Руководство к изучению курса», «Оценка бизнеса».
- Лауреат премии «Золотая Вышка – 2007» в номинации «Вклад в развитие Школы».

АНАСТАСИЯ СТЕЩАНОВА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Ирина Васильевна Ивашковская:
Le goût de la vie

Очень много работать, принимать смелые решения, соблюдать корпоративную этику, формулировать гипотезы и их проверять, быстро писать – всему этому меня научила Ирина Васильевна Ивашковская, мой учитель, научный руководитель и начальник. О ней я постараюсь рассказать на этих страницах.

Москва, 2004. Знакомство: Ирина Ивашковская и Асват Дамодаран

В девятнадцать лет я очень тяжело выбирала свой путь после бакалавриата. Я точно знала, что хочу учиться в Вышке и Сорбонне, знала пару языков, привыкла мало спать, но была далека от понимания того, чем именно хочу заниматься. Я и сейчас благодарна одному известному финансисту, совет которого привел меня на магистерскую программу Ирины Васильевны Ивашковской.

Теплая осень 2004-го. Первые числа сентября. Первая лекция Ивашковской по корпоративным финансам. Несмотря на 2-е место в кумулятивном рейтинге, я не привыкла ходить на лекции. В бакалавриате я слушала первую лекцию каждого курса, а продолжала, только если мне было что-то непонятно. Но здесь – другой случай. Это не была лекция в моем представлении. Это, скорее, была дискуссия Ирины Васильевны с нами о том, как развивается компания на разных этапах своего жизненного цикла. Каждое мнение студента – ценно. Каждое мнение провоцирует спор. Каждый спор – мозговой штурм. Аудитория работает как единый механизм. После занятия – feedback по нашим работам и предложения о научных проектах по теме занятия. Каждое объяснение Ирины Васильевны расставляет мои мысли по местам, создавая в голове четкую структуру, структуру, которую я никогда не смогу забыть, структуру, основанную на логике и ярких образах. Финансы – на 100% мое, и я поняла это с первых слайдов лекции Ивашковской и первых страниц книжки Асвата Дамодарана, промучившись в поисках по-настоящему «своего» четыре года.

Москва, 2004. Challenging

Поздний ноябрьский вечер. К Ирине Васильевне меня привел ее любимый студент, который к тому моменту уже два года работал под ее научным руководством. После лекций по корпоративным финансам я поняла, почему одно только упоминание ее имени вызывает у него восторг. Мы сидим в очереди на пятом этаже на Мясницкой, в самом конце коридора. Десятки студентов – все хотят поговорить с Ивашковской. Я знаю, что мои друзья еще год назад начали работать под ее руководством, и слышала, что она не набирает больше студентов. Но я уверена, что хочу работать только с ней. Мы заходим. Ирина Васильевна дает мне задание – обзор литературы. Тема – «Структура капитала в компаниях с высоким уровнем агентских издержек». У меня нет никакого опыта: позади множество эссе, переводов, рефератов, но не полноценный обзор литературы. Я сижу ночами, перебираю десятки статей, читаю и пишу, опять читаю и снова пишу. Наконец через две недели высылаю обзор и еще через пару дней получаю ответ: «Вы молодец. Приходите во вторник, обсудим план диссертации». Первый урок пройден: проверку мотивации и работоспособности я выдержала.

Москва, 2004. Переговоры

Опять десятки студентов в очереди, опять поздний ноябрьский вечер. Наконец захожу в кабинет, представляюсь, начинаю объяснять, кто я такая. Ивашковская обрывает меня на полуслове: «Настя, мне понравился ваш обзор. Давайте обсудим тему диссертации». У меня шок. Как «обсудим тему диссертации», когда я уже написала обзор на 40 страниц?! Понимаю, что это была просто проверка. Но мне жаль потраченных усилий.

ИВ: Что вам интересно? Структура собственности, агентские конфликты между собственниками, может,

новая концепция финансовой архитектуры, о которой я говорила на последней лекции?

Я (аккуратно начинаю продавливать свое): Мне интересны агентские конфликты, но не в разрезе структуры собственности, а скорее в связи со структурой капитала. (Пауза). Я знаю, что большинство моих друзей ищут работы по структуре капитала.

ИВ: У вас есть какие-нибудь новые мысли, гипотезы? Придумали что-то и хотите это проверить?

Я не готова к такому повороту событий: мыслей много, но готовой гипотезы нет.

ИВ: Тогда давайте попробуем отойти от классических моделей структуры капитала. Займитесь финансовой архитектурой. Почитайте статью Майерса за 1999 год и подумайте.

Еще плохо зная Ивашковскую, начинаю по второму кругу аккуратно настаивать на структуре капитала. Через час мы договорились: я буду заниматься структурой собственности. Второй урок извлечен: не жалею потраченного времени, не всё даст очевидный результат, но всё – бесценный опыт.

Предновогодняя Москва, 2006. Бери от жизни всё

ИВ: Настя, наука и преподавание – это по-настоящему «ваше». Вы сделали хорошее исследование в магистерской диссертации – надо продолжать.

Я: Я пойду на самую тяжелую практику, буду работать круглосуточно, с полным погружением. Сейчас моя мечта – ИВ¹. Хочу попробовать всё.

¹ ИВ (от *англ.* Investment banking) – инвестиционно-банковская сфера.

ИВ: Вы хотите жить в офисе и временами спать в туалете?

Я: Не знаю, но хочу попробовать.

ИВ знает точно: для меня, в мои двадцать два, когда в голове слоган Pepsi, аспирантура, куда я только что поступила, – не причина остаться в науке.

Брюссель, 2008. Точка бифуркации. Вкус жизни

Очень яркий момент в моей жизни. Точка бифуркации. Глобальный финансовый кризис помог мне потерять любимую работу в ИВ и найти себя. А в науку меня привели кризис, аспирантура, Ирина Васильевна, удовольствие от давно забытого ощущения интеллектуального напряжения и удовлетворение от творчества.

Когда начался кризис, мне не было страшно. Я знала: у меня высокие результаты и я не бываю в отпуске; значит, меня уволят только в крайнем случае и хорошо за это заплатят. Еще летом я начала искать способы написать диссертацию, ведь я уже окончила два курса аспирантуры, но работала двадцать часов в сутки. Поэтому я понимала: уволят – напишу диссер. Именно так и произошло.

Как только я оказалась свободна (это были волшебные дни), я позвонила Ивашковской, и она моментально – так, как умеет только она, – втянула меня в веселую и очень быструю жизнь в науке. Через три недели была готова статья с пилотными результатами диссертации, а еще через две недели мы сидели вдвоем в самолете и смеялись над тем, что обе забыли на домашних компьютерах презентацию, с которой должны выступать завтра! Вместо работы над забытой презентацией мы в воздухе болтали о моей жизни в последние два года, о кризисе в Москве, о карьере ее сыновей,

об успехах в большом теннисе ее семилетней внучки и моей семилетней сестры, о Брюсселе, где мы обе не раз бывали, и о запланированном на воскресенье побеге в обожаемый нами Париж. Мы прилетели и до четырех утра работали над забытой презентацией. А в восемь утра мы выступили на первой сессии и через два дня были избраны лучшими на этой конференции. Еще через два года статья была опубликована в «Journal of Management and Governance». Это ее и мой любимый стиль жизни. Другого не нужно.

Моя защита, 2009. Вся жизнь – борьба

Май 2009 г. Я заперлась дома и за три недели написала текст своей кандидатской диссертации. 250 страниц. Сама не ожидала. Предзащита прошла прекрасно, за исключением того, что сам текст мне посоветовали «слегка» сократить – раза в два. И вот я счастлива: диссертация готова. Остались последние штрихи. И вдруг я получаю от своего любимого научного руководителя текст: весь в правках! Ирина Васильевна исправляет терминологию: стратегическая эффективность, эффективность деятельности компании, рыночная эффективность. Я не задумываясь использую синонимичные термины на русском: ведь в голове у меня один термин – “performanse”. Ирина Васильевна при каждом просмотре работы терпеливо исправляет на первых страницах терминологию и напоминает, что стоит переделать во всем тексте. Я отстаиваю свой взгляд: текст написан четко, гладкость и академизм стиля достигаются за счет использования синонимов с более широким смыслом. Но она снова исправляет. Я переписывала автореферат девять раз.

Самым большим моим удивлением была предновогодняя защита, на которой мне задали десятки вопросов, и в результате даже математики дали очень высокую оценку работе. И только по поводу слишком легкого обращения с терминологией разгорелся спор...

Защита Ивашковской, 2010. Вопросы и ответы

23 декабря 2010 года. Я не знаю, чем я могу помочь. Никогда не видела, чтобы Ирина Васильевна так волновалась. Она – автор многочисленных статей, монографий, учебников, курсов, программ.

Она всегда могла так легко успокоить, внушить уверенность в себе, уверенность в том, что ты сильнее конкурентов, а те, кто против тебя, не смогут помешать. И вот я теряюсь: чем я могу помочь? Только своим присутствием, парой слов, какими-то организационными мелочами.

На шпильках и, как всегда, в идеально элегантном платье, она начинает презентацию. Выступление, как легко было ожидать, наполнено инновациями: новый подход к корпоративному управлению на основе stakeholder value! Не теми инновациями, которые десятилетиями внедрялись и продвигались, а теперь вынесены на защиту, а теми, которые появились за последние пару лет и не могли не попасть на страницы ее докторской диссертации. Но все же самой интересной частью шоу были вопросы и ответы. По теме и совсем не по теме, попытки вникнуть в суть концепции и просто восторженные комментарии – это было больше похоже на пресс-конференцию, чем на защиту. Ирина Васильевна ответила на каждый вопрос: на те, которые были очень актуальны, и те, в которых я не улавливала никакой связи с ее диссертацией. Последние она аккуратно разворачивала и делала переход к корпоративному управлению, опираясь на тематику инноваций, экономическую теорию, законы рынка. Урок простой: на любой вопрос можно найти ответ. Даже когда кажется, что вопрос не заслуживает ответа.

Нью-Йорк, 2012. Жара в большом городе. Мы на одной волне

Жара. Только легкий перекрестный ветер обдувает Манхэттен. Море впечатлений. Я первый раз в Нью-Йорке.

Исследование мы заканчивали в режиме non-stop. Презентацию я делаю в самолете – помогает опыт работы в ИВ. От количества работы в последние дни и резкой смены часового пояса кружится голова.

Но самое яркое в этой поездке – не конференция, не ночной Гудзон, не поиски потерянного в Met² моего НТС и даже не вид с Empire State Building, а монолог Ирины Васильевны на моем дне рождения. Не было пафоса, но на протяжении пятнадцати минут в выбранном ею негритянском джаз-клубе она искренне и очень тепло говорила о том, чего желает мне и кем видит меня в ближайшие годы. Конечно, то, о чем она говорила, я не решусь рассказать большой аудитории, но точно могу сказать, что именно в тот момент я почувствовала, насколько точно она меня понимает. Мы на одной волне.

Москва, 2013. Ритм жизни. Начало

Утро 8 января 2013 года. Звонит телефон.

ИВ: Настя, здравствуйте! Я вас потеряла! Вы не отвечаете на мои письма!

(Письмо было написано 2 января, утром.)

Я: Здравствуй! Я только вчера вечером прилетела из Еревана. Там связь плохая.

ИВ: Слава Богу! Я выслала вам план новой монографии. Жду ваших комментариев. Через неделю нужен драфт: мы должны закончить ее к 1 февраля.

Я: Ок. Самое время начинать!

² The Met – Metropolitan Museum of Art в Нью-Йорке.

ВАЛЕНТИНА АЛЕКСЕЕВНА ГОЛУБЕВА

- Родилась в г. Харьков (Украина).
- В 1956 г. окончила механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1963 г. защитила кандидатскую диссертацию (научный руководитель И.М. Гельфанд), в 1988 г. – докторскую диссертацию «Аналитическая теория фейнмановских интегралов».
- Ведущий научный сотрудник Всероссийского института научной и технической информации (ВИНИТИ) РАН, профессор (с 1994 г.).
- Основные работы: «Квадратичные соотношения в когомологиях обобщенных крашенных кос и тождества Данкла» (в соавторстве с В.П. Лексиним, 1996), «О формуле восстановления Веселова–Фельдера в теории операторов Калоджеро–Сазерленда» (в соавторстве с В.П. Лексиним, 1996), «Некоммутативные пфаффианы» (в соавторстве с Д.В. Артамоновым, 2012).

ДМИТРИЙ ИГНАТОВ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Валентина Алексеевна Голубева:
Математик

У каждого из нас есть учителя, о которых мы с теплотой вспоминаем и встрече с которыми всегда рады. И по-настоящему богат тот, кто чувствует благодарность почти к каждому своему учителю. Несомненно, особое место среди наставников будущего ученого занимают те учителя, которые привели в науку, помогли сделать первые шаги. Таких учителей у меня было несколько, и среди них – Валентина Алексеевна Голубева, человек с удивительно положительным складом мышления. Именно ей и посвящается мой рассказ. Но прежде чем начать его, мне хочется сказать, что с научным руководителем моего исследования в аспирантуре доктором физико-математических наук Сергеем Олеговичем Кузнецовым я познакомился благодаря Валентине Алексеевне. Мне пришлось сделать непростой выбор, о ком из двух моих учителей рассказать. Сергей Олегович – яркий ученый, талантливый организатор и требовательный руководитель – на виду у вышкинцев. А о Валентине Алексеевне знают, вероятно, только коллеги с факультета математики. Поэтому с радостью использую эту возможность, чтобы рассказать о ней.

Как попасть в гости к математикам?

На втором курсе факультета физики и математики Коломенского государственного педагогического института помимо изучения базовых курсов физики и математики мне очень хотелось заниматься научной деятельностью, и я начал подыскивать научный семинар, группу, к которой можно было бы примкнуть. Так я пришел на семинар Евгения Евгеньевича Петрова, тогда заведующего кафедрой математического анализа. На этом семинаре рассматривались математические вопросы, не входившие в полном объеме в основную программу подготовки не только на отделении физики, но и математики: дополнительные разделы топологии, алгебры, теории многообразий, математической физики и т.д. Оказалось, что помимо Евгения Евгеньевича у семинара есть второй руководитель – Валентина Алексеевна Голубева, которую он специально пригласил из Москвы для того, чтобы поддержать традиции хорошей математической школы, сложившейся в Коломне еще в советское время. Валентина Алексеевна сумела сразу привлечь внимание новых слушателей.

Она рассказывала нам про научные школы Гельфанда и Ландау, про специальные требования к посещающим их математические семинары, заключавшиеся в сдаче специального «допуска» – экзаменов, дающих право на участие в семинаре. Так я получил свое первое задание, кажущееся ныне не таким уж сложным: подсчитать объем n -мерной сферы и в связи с этим познакомиться с гамма-функцией. Выполнение этого задания и послужило для меня допуском к семинару.

Место, время и люди

Семинар посещали коллеги разных возрастов, например Владимир Павлович Лексин – ныне доктор физико-математических наук, видный специалист в смежных вопросах топологии и математической физики, соавтор Валентины Алексеевны, с которым она была знакома еще в университетские годы в МГУ и сотрудничала по проблеме Римана–Гильберта; Сергей Павлович Хекало, впоследствии доктор физико-математических наук, удостоившийся стипендии президента для выдающихся молодых ученых, ныне проректор по науке МГОСГИ (бывший КГПИ); молодые и талантливые аспиранты и студенты: Коля Кирин, Олег Бирюков, Катя Сучилкина и Витя Мещеряков. Витя – ученик Валентины Алексеевны, блестяще защитившийся в 2009 г. по тематике дифференциально-разностных операторов в математической физике.

В тот год семинар дал возможность своим новым слушателям познакомиться с алгебрами и группами Ли, задачами обратной монодромии, дополнительными главами топологии и дифференциальной геометрии.

В ходе обсуждения статей из зарубежных журналов Валентина Алексеевна рассказывала нам о пользе иностранных языков в жизни ученого. Оказалось, что она способна читать, писать и говорить на английском, немецком, французском, итальянском и неплохо понимает латынь. «Языки нужно учить с детства, обязательно общаться с ребенком хотя бы за столом, называя на другом языке простые предметы», – говорила она.

Многое нам было непонятно, хотя и интересно, и иногда казалось, что до самостоятельного разбора научного доклада такого уровня мы никогда и не дойдем...

Первый научный доклад

Валентина Алексеевна ориентировала меня как будущего физика на занятия проблемами теории поля, а для начала попросила разобраться с различными формами записи уравнений Максвелла. Это оказалось не такой уж простой задачей, ведь даже до курса теоретической электродинамики, в котором изучаются базовые дифференциальная и интегральная формы этих фундаментальных уравнений, оставался почти год... И хотя мы встречались регулярно, обсуждая прочитанное и понятное, разбирая сложные места, в голове у меня сплелись в причудливые узоры забавные рассказы Валентины Алексеевны о Пенроузе, Рашевском и иных математиках и физиках со всякими спинорами, твисторами, дифференциальными формами, операторами Набла и Ходжа и т.п. Стоит отметить, что в написании букв греческого алфавита Валентина Алексеевна – педант, и, несмотря на то что мы старались записывать все эти α , β , γ , δ , как нам казалось, красиво, мы с удивлением обнаруживали, что не знаем простых и изящных способов их записи, которыми мастерски владеет Валентина Алексеевна, – то и дело мы получали нагоняй за очередную «букву-уродину».

Наконец мой доклад состоялся. По словам Валентины Алексеевны, доклад был хорошим, но скорее ученическим, а он действительно таким и был, потому что помог мне и слушателям понять суть этих уравнений и увидеть, насколько красиво на нескольких разных языках выражаются одни и те же фундаментальные законы природы...

Судьба учителя

Валентина Алексеевна иногда рассказывала нам о своем непростом детстве.

Она родилась на Украине, в семье, в которой всячески поощряли учебу детей и их занятия искусством. Вместе с сестрой Майей они мечтали стать музыкантами. Но продолжить занятия в городе Ровно ей было не суждено – пришла война. Отец Валентины Алексеевны погиб на фронте, а ее семья – она сама, мама и сестра – были эвакуированы сначала в Куйбышев, затем в Воронеж, а потом вернулись во Львов. Надо сказать, что именно там, во Львове, занимаясь в математической школе, побеждая в олимпиадах, юная Валентина оказалась в центре внимания ведущих профессоров, которые подарили ей не один час своего времени. Кстати, именно занятия музыкой в этом городе помогли Валентине Алексеевне так хорошо выучить немецкий и итальянский языки: в те годы большая часть нот издавалась с итальянскими и немецкими пояснениями. Однажды юной Валентине удалось найти целый склад нот в подвале одного из разрушенных домов – и много лет спустя в Германии пожилые немцы удивлялись ее грамотной речи.

Валентина Алексеевна не сразу решила, что ее призвание – математика, ведь игра на фортепьяно по-прежнему была ей интересна и легко давалась; были и свои вещи, однако не так много, как у младшей сестры Майи, ставшей впоследствии музыкантом. Тем не менее она, круглая отличница, все же поступает из ЛьвовГУ в МГУ переводом на третий курс механико-математического факультета, и среди профессоров ей встречается достойный учитель – И.М. Гельфанд. Интересно, что в годы своей учебы Валентина Алексеевна, работая над одной из курсовых, прикоснулась и к проблемам теоретической информатики: одной из первых в СССР она прочитала и разобрала в оригинале работы Клода Шеннона по передаче информации. В отношении быта время тогда было непростое: например, для поездки на выездной научный семинар Гельфанда в первые холодные годы учебы теплую одежду для Валентины Алексеевны, недавно приехавшей из относительно теплой Украины в одном осеннем пальто и легких туфлях, одолжили коллеги-математики. Много интересных и поучительных историй времен студенчества 40-х и 50-х нам было рассказано...

В дальнейшем Валентина Алексеевна работала во многих научно-исследовательских организациях РАН, причем в самых разных областях. Например, одно время она занималась прикладным анализом данных в геологоразведке, где прекрасно выучила современную математическую статистику.

Основным критерием при выборе работы все эти годы для нее был простор для творчества: ты можешь заниматься чем угодно, но в твоей жизни обязательно должно оставаться место для настоящей науки. Однажды летом, где-то в 70-х годах, работая допоздна, Валентина Алексеевна услышала музыку; играли знакомый ей марш, она не обратила особого внимания на его звуки днем, а теперь, вечером, в поздний час, это казалось странным. Никто из оставшихся поработать сотрудников ничего не слышал. Только тогда Валентина Алексеевна поняла, что сильно переутомилась, и взяла путевку на юг. Так у нее родился еще один принцип: «Пляж – самое лучшее место для работы летом: лежишь и читаешь то, что тебе интересно». Этот метод помог и мне прочесть не одну хорошую математическую книгу.

Научное паломничество

Мне неизвестно, сразу ли приняла Валентина Алексеевна приглашение поучаствовать в деле научного просвещения молодежи в Коломне. Но уже в течение многих лет вечером, в среду или четверг, можно встретить невысокую пожилую женщину, убеленную сединой, с аккуратной прической, в простом платье летом или в пальто и экстравагантном берете в другое время года. Она спешит на электричку, отправляющуюся в город Коломна с Казанского вокзала. В руках у женщины сумка-коляска, а за спиной большой рюкзак. Среди вещей почти наверняка только книги и продукты. Она спешит к своим дорогим ученикам, к тем, кто хочет творить, кому небезразлична математика, это непростое и увлекательное искусство. И ее с нетерпением ждут, ждут ее удивительных рассказов, консультаций, обсуждений.

Уже будучи преподавателем Вышки, я не раз встречал Валентину Алексеевну в электричке по дороге домой, и пока мы приятно общались, незаметно пролетали два с небольшим часа в пути.

Расставание

Мне не довелось продолжить обучение в аспирантуре под руководством Валентины Алексеевны. В 2004 г. случилось грустное событие: у моего друга Вити Мещерякова умер научный руководитель – декан физико-математического факультета Виталий Глебович Чернов. Так Витя лишился руководителя, а в аспирантуре на кафедре математического анализа, где работает Валентина Алексеевна и занимаются в том числе математической физикой, осталось только одно аспирантское место и один научный руководитель. По предложению Валентины Алексеевны я поступил в аспирантуру ВИНИТИ РАН (основное место ее работы в те годы) по специальности «Теоретические основы информатики», а Виктор продолжил занятия математикой под ее руководством. Так благодаря Валентине Алексеевне я познакомился с ее коллегами по ВИНИТИ РАН: Сергеем Олеговичем Кузнецовым; Руджеро Сергеевичем Гиляревским – удивительно интеллигентным человеком, заведующим отделом теоретических и прикладных проблем информатики; Виктором Константиновичем Финном – логиком-теоретиком, моим научным дедушкой.

Защита ученика

Было особенно приятно пригласить Валентину Алексеевну ко мне на защиту кандидатской диссертации – уже в ВШЭ. И несмотря на то что тематика моей работы – машинное обучение, Валентину Алексеевну не могло не порадовать, что в работе использовался красивый алгебраический аппарат решеток понятий, в котором органически сочетаются идеи Эвариста Галуа и Гарета Биркгофа, математически

строго формализуя традиционное в философии представление о понятии в виде пары (Объем, Содержание).

Улыбка

Однажды зимой, прогуливаясь возле дома, неподалеку от института, я встретил Валентину Алексеевну с сумкой-тележкой в руках и рюкзаком за плечами – она только что вышла из трамвая. Мы поприветствовали друг друга и стали о чем-то говорить. Внезапно Валентина Алексеевна произнесла: «Смотри, сидит...» – и, улыбнувшись, посмотрела куда-то вверх. Там, метрах в пяти над землей, на елке я увидел красивого красногрудого снегиря... Не каждый человек способен вот так искренне, как ребенок, радоваться красоте природы, оставаться открытым и добрым. Вот с такой искренней улыбкой, особым, выразительным взглядом, наполненным добротой и мудростью, и запомнили Валентину Алексеевну мы – ее благодарные ученики, друзья и коллеги.

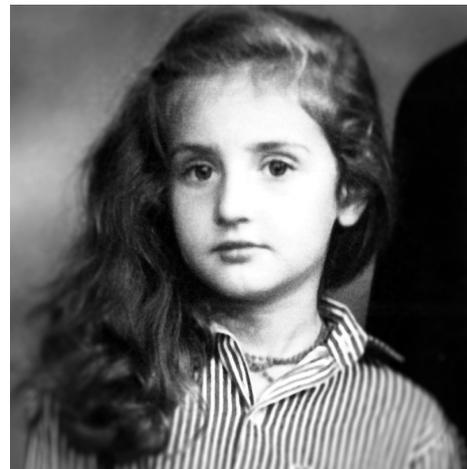

АЛЬФРЕД ЭРНЕСТОВИЧ ЖАЛИНСКИЙ

- Родился в г. Ростов-на-Дону.
- В 1955 г. закончил с отличием юридический факультет Ростовского государственного университета, продолжил обучение в аспирантуре юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1964 г. защитил кандидатскую диссертацию «Освидетельствование в советском уголовном процессе»; в 1980 г. – докторскую диссертацию «Теоретические основы профилактики преступлений».
- В разные годы был преподавателем Львовского государственного университета, ВНИИ МВД СССР, Академии МВД СССР, Финансовой академии, МИЭППа.
- 2002–2012 гг. – заведующий кафедрой уголовного права факультета права НИУ ВШЭ.
- Член Постоянной международной группы проектирования уголовного законодательства в рамках Центра исследований европейского и международного уголовного права при Университете г. Оснабрюк (ФРГ).
- Стипендиат Общества Макса Планка (ФРГ) и Министерства юстиции ФРГ.
- Участник исследовательских проектов Института международного и иностранного уголовного права г. Фрайбург (ФРГ), Университета г. Бремен и г. Билефельд (ФРГ).
- Автор более 300 научных публикаций.
- Основные работы: «Освидетельствование в советском уголовном процессе» (1964), «Специальное предупреждение преступлений в СССР (вопросы теории)» (1976), «Условия эффективности профилактики преступлений» (1978), «Причины экологических преступлений» (1988), «Введение в немецкое право» (2002).
- Удостоен звания «Заслуженный деятель науки РФ» (2003).

ЗИНАИДА ПОГОСОВА

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Альфред Эрнестович Жалинский:
Doctor-father

Обновление криминологии, инструментально-целевой подход к праву, соотношение частного и публичного, социальное мышление – и это отнюдь не полный перечень достижений, разработок, нововведений, которыми работы Жалинского обогатили науку уголовного права, повлияли на развитие этой области и видение ее будущего. О том, как возникновение и развитие интеллектуальной интуиции волшебным образом осуществлялось в школе А.Э. Жалинского, в этих текстах не говорится. А я постараюсь немного об этом рассказать.

Кабинет на Никулинской

Заканчивая университет, я твердо была уверена в том, что пяти лет обучения для меня недостаточно, и ни в коей мере не ощущала себя хорошо подготовленным специалистом. По всей видимости, причина крылась в неугасающем максимализме (что не всегда хорошо) и любопытстве, а еще в традициях семьи, связанных с интеллектуальными достижениями в академической профессии. С Альфредом Эрнестовичем я познакомилась, когда просила сориентировать меня по теме вступительного реферата. А обратилась я к нему потому, что хорошо представляла себе уровень его компетентности как в области уголовного права, так и в области права гражданского и предпринимательского – он блестяще демонстрировал его на лекциях при анализе уголовно-правовых аспектов банкротства. Для меня это было особенно важно, так как я изначально специализировалась по кафедре гражданского и предпринимательского права и имела намерение исследовать розничные рынки электрической энергии с точки зрения их уголовно-правовой охраны.

Альфред Эрнестович поддержал мой интерес, хотя незаконное отключение, потребление электрической энергии, а также иные преступления в сфере потребительского рынка электроэнергетики не вызывали особого интереса среди представителей уголовно-правовой науки.

Входным билетом в школу Жалинского помимо красного диплома и вступительных на отлично послужило желание реально учиться в аспирантуре (тогда еще не было аспирантуры полного дня, и многие пытались совместить работу и учебу), знание английского языка и данное профессору обещание не устроившись на работу, обеспеченное такой надежной гарантией, как всемерная поддержка родителей. После уточнения описанных выше условий Жалинский сказал, что подумает о возможном научном наставничестве. Решение относительно меня было принято положительное, и я стала аспиранткой А.Э. Жалинского. С самого начала я должна была усвоить три основные вещи: 1) что такое научная школа, как определить ее наличие и чем разные научные школы отличаются друг от друга; 2) как предметно описать и решить проблему; 3) в каком книжном шкафу в кабинете лежит русскоязычная, немецкая, английская литература, издания на польском и других языках. Немного о книгах: библиотека Профессора, которая отнюдь не ограничивалась профессиональной литературой, безусловно, впечатляла своими размерами и тематическим разнообразием; но что еще более занимало аспирантское воображение, так это способ размещения огромного объема уже имеющихся книг и предельные возможности жилого пространства вместить книги, постоянно и систематически прибывающие из российских и немецких книжных магазинов, от коллег и учеников.

Квалификационные соревнования

Альфред Эрнестович не раз упоминал, что кандидатская диссертация – это утренние квалификационные

упражнения по допуску к основным соревнованиям на олимпиаде, то есть всего лишь отбор и подтверждение навыков и умений. Это означало следующее: всякий аспирант, когда ему около двадцати лет, может написать нормальную кандидатскую диссертацию, за которую не стыдно. Этот тезис иллюстрировался двумя примерами. Первый гласил, что, даже будучи доктором наук, профессором, человек умнее не становится. «Посмотрите на меня – я со временем не стал более умным, я такой же, как был в аспирантуре», – убедительно восклицал Учитель. А второй – это правило следующего содержания: «диссертацию можно написать и про Красную Шапочку» (то есть непреодолимых трудностей нет и не следует искусственно создавать себе препятствия), «для этого требуется месяц усердной работы» (то есть лень исключается).

В таком режиме проходило воспитание, которое в целом сводилось к трем основным упражнениям (compulsory elements): 1) внесение правки; 2) развитие умения слушать и «не вставлять слова на запятой» (имелась в виду пауза в речи); 3) обсуждение актуальных тем с постоянным контролем уровня развития ученика и анализом его способности стать «нормальным человеком», которому удалось «развернуть мозги». Внесение правки – это особенная вещь! Для меня это было как разгадывание сложного кроссворда и постижение словесных конструкций, выражающих идею точно, ясно, «жестко», по словам Альфреда Эрнестовича. Кроме того, при внесении как минимум пятой правки в один и тот же текст можно было проследить эволюцию содержания. Слушать не отвлекаясь и не теряя линию изложения оказалось непросто и при этом очень интересно, более того – потребовалась дополнительная тренировка. Участвовать в беседе с обладателем высокого интеллекта и не почувствовать собственную приземленность было практически невозможно. Все силы уходило на то, чтобы подготовиться – изучить содержание свежих газет, журналов, экспертных оценок и т.д. – с тем, чтобы понимать, о чем идет речь, и реагировать своевременно, не запаздывая.

Плотность коммуникации

Такое явление, как успешная защита и присвоение ученой степени, по мнению Профессора, можно отождествить с «социальным скачком». Альфред Эрнестович как-то спросил, что мне ближе: следование правилам и ответственность за их нарушение или же подробная, скрупулезная регламентация с превентивной целью. Был выбран первый вариант: свобода действий и ответственность за нарушение установленных правил. Таким образом, мне предложили существовать по принципам либерализма – и сразу же объяснили, в чем состоят отличия либерального подхода от демократического. Это укрепило мое стремление остаться в Вышке, тем более что ряд аргументов (среди прочих и тот, что академическая профессия – лучшая для женщины) давно был оглашен Жалинским, и с ними нельзя было не согласиться (хотя мне были известны исследования рынка труда, нейтрально относящиеся к такой точке зрения). Меня тревожили качество моих текстов и релевантность изложенных в них идей. Но тем не менее, как всегда, сыграл свою роль тонизирующий эффект блестящей речи Профессора. Чтобы повысить мотивацию и не дать «скиснуть», он умел интеллектуально разозлить (в хорошем смысле слова) и ждать результата – новых страниц текста или новых порций эмпирического материала. После защиты диссертации мне было сказано: «Вы – самостоятельный исследователь». Далее меня сопровождали принципами: 1) поиск идей подкрепляется междисциплинарным подходом; 2) с докторской спешить не следует (нужно выждать от трех до пяти лет). И здесь мне повезло во второй раз: А.Э. Жалинский предложил продолжить работу на кафедре. Путь оказался увлекательным, а административная часть – терпкой. Ведь, как учил Профессор, у поколений разный тезаурус, поэтому необходимо учитывать особенности восприятия незнакомых вещей, свойственные людям разных поколений.

От Эренбурга до Чазова

Социальный смысл и литературные достоинства рассказов про Хулио Хуренито и его учеников я воспринимала молча, благо была увлечена поеданием хорошо приготовленного авторского стейка по рецепту Профессора. А вот «Театральный роман» Булгакова я так и не освежила в своей памяти – это одно из любимых произведений Альфреда Эрнестовича. В библиотеке за обедом или ужином после рабочего дня, посвященного уголовному праву, непрерывное расширение кругозора имело свое продолжение. Совместно приготовленные незамысловатые блюда перемежались чтением стихов. Атмосфера – прекрасная: от пола до потолка книги-книги-книги, про которые можно было спросить и услышать содержательный, логически безупречно выстроенный комментарий. Кофе пили приготовленный суперсовременным аппаратом, и в этом также проявлялась особенная черта профессора – быть в ногу со временем вплоть до бытовых мелочей и передовых гаджетов. Одна из популярных тем для обсуждения была мужская fashion-индустрия: выяснилось, что Альфред Эрнестович отлично разбирается в тенденциях, формах и фактурах, цветовой гамме. Поэтому пятничное приложение к «Коммерсанту» можно было позаимствовать у него навсегда, но только начиная с субботы. Жалинский предпочитал слушать «выключенную музыку». А футбол смотрели с включенной громкостью! Так же как и во все другие сферы жизни, без каких-либо предварительных пояснений, Профессор проникал в суть жизненной проблемы ученика и ненавязчиво, на примерах давал ответы на наболевшие душевные вопросы.

Закон мирового развития

Было много необычных правил: правило пуговицы, пяти телефонных номеров, правило портянок, построения научного выступления «от кресла до трибуны» и др. Они все универсальные и жизненные.

Вот, например, правило портянок говорит о том, что у всего есть своя последовательность, нарушение которой нежелательно, иначе произойдет конфуз. В сентябре 2011 г., после летнего отпуска Профессор во время телефонного разговора попросил меня присесть и держаться покрепче. Он сказал, что намеревается сообщить мне разработанный им закон мирового развития. И в присущей академической манере доступным для простого человека повседневным языком ярко, кратко и ясно озвучил этот закон. Если вам интересно узнать его содержание, пожалуйста, обратитесь ко мне – я с удовольствием воспроизведу эту норму, ибо она бесконечна и не может быть изложена здесь.

Витамины и результаты

Альфред Эрнестович объяснял, что хвалить аспирантов нельзя. Но спустя определенное количество дней и недель, уже после моей защиты, закончив, как обычно, совместную работу на кухне научного дома на Никулинской, он мне сказал: «Я вами восхищаюсь!» И теперь воспоминания об этой произнесенной им фразе всякий раз отрезвляют и катализируют.

Из основополагающих результатов моего обучения я бы отметила усвоение проблемного подхода в преподавании, который заменяет нарративный стиль ведения занятий. Второе – это предметный анализ явления. Альфред Эрнестович часто повторял, что необходимо уяснить, как именно можно отключить электроэнергию, – другими словами, каков алгоритм действий, подлежащих реализации. И последнее – это моделирование уголовного закона, исходя из потребностей и запроса адресатов правового регулирования.

Актуальность моей диссертации подтвердилась, когда дома у Жалинского внезапно отключился свет: нет связи, не работают электроприборы – в общем, жизнедеятельность приостановилась, работа парализована. Как выяснилось, отключение последовало по причине

неисправности в электрощитке. И как раз в этот момент мне стала понятна прямая зависимость между профессиональной подготовкой работников энергосбытовых компаний и формой вины в рамках субъективной стороны состава преступления.

Альфред Эрнестович говорил, что одного включения нормы в содержание уголовного кодекса достаточно для ее действия. Сейчас мне интересно понять критерии, на основании которых законодатель приходит к выводу о криминализации или декриминализации того или иного поведения. Что является тем самым рациональным элементом, оправдывающим уголовно-правовой запрет, трату средств на его поддержание и реализацию, и как все это можно оценить с точки зрения экономического анализа?

Информация, полученная из потока знаний Профессора, в настоящее время дает мне возможность более или менее легко ориентироваться в происходящих событиях – конечно же, непременно опираясь при этом на правила инструментального подхода к явлению, разработанные А.Э. Жалинским.

ФЕДОР ИВАНОВИЧ ГИРЕНОК

- Родился в г. Алейск (Алтайский край).
- В 1976 г. окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1988 г. защитил докторскую диссертацию «Экология как феномен самосознания цивилизации».
- 1990–1992 гг. – ведущий научный сотрудник ИНИОН АН СССР.
- С 1992 г. – ведущий научный сотрудник Института философии РАН.
- Профессор (с 1999 г.), заместитель заведующего кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- Основные работы: «Русский космизм» (1990), «Ускользящее бытие» (1994), «Метафизика пата» (1995), «Картография дословности. Патология русского ума» (1998), «Абсурд и речь: антропология вообразяемого» (2012), «Фигуры и складки» (2013).

ТАТЬЯНА ЛЕВИНА

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Федор Иванович Гиренок: Свобода мысли как педагогика, или Сократ в университете

Своим учителем я могу назвать философа Федора Ивановича Гиренка. Он, вслед за Иммануилом Кантом, призывает своих слушателей быть смелыми – а именно иметь мужество пользоваться своим умом. Вот таких самостоятельно мыслящих людей Кант называет взрослыми. Так что на старших курсах самое время было взрослеть – на лекциях Федора Ивановича, который стимулировал самостоятельность студентов, а также на собственном примере учил исследовательским практикам в философии. Это очень непросто: философия существует более двух с половиной тысяч лет, а научиться поиску самого важного так же сложно, как было ученикам Сократа и Платона. Для того чтобы видеть и решать философские проблемы, нужно вырабатывать специфический взгляд, благодаря которому исследователь как минимум обретет критическую установку в отношении существующих концепций, как максимум – обоснует собственную теорию. Критическое мышление очень полезно в любой работе, даже если выпускник философского факультета не стал философом:

оно помогает смотреть на события непредвзято, способствует выстраиванию дистанции между высказыванием и его адресатом. Критичность препятствует прямому идеологическому воздействию, не позволяет подавить собственное мышление каким-либо «авторитетным мнением», требует, чтобы любые высказывания были хорошо аргументированы.

Теория и практика

О пользе Гиренка не только в теории, но и на практике свидетельствует следующая история. Как-то раз коллега захотела купить кухонную мебель в кредит и отправилась в магазин. В магазине ей сказали, что под ее доход кредит выдавать не положено. Она стала объяснять, что она аспирантка и зарабатывает немного, но стабильно. Продавец заинтересовался и стал расспрашивать, где она учится. Коллега сказала, что на философском факультете МГУ, а продавец обрадовался и спросил, знает ли она Гиренка: мол, это самый замечательный преподаватель в МГУ. В конце концов кредит моей знакомой выписали.

Таким образом, Федор Гиренок совершенно неординарный человек, который никого не оставит равнодушным. Про него известно, что он работал кочегаром и служил в морском флоте до того, как поступил на философский факультет. Он эксцентрик и правдоруб, настоящий философ во всем – от чтения лекций до повседневных дел. «Сумасшедший ученый» Эммет Браун из кинотрилогии «Назад в будущее» чем-то на него похож: он очень глубоко погружен в свои размышления, при этом очень эмоционален в беседе. Он легко забывает свои вещи, над чем сам смеется. Кажется, он так сосредоточен на своих раздумьях, что его не очень интересует форма высказывания. Как-то раз Федор Иванович пригласил на чай композитора Владимира Ивановича Мартынова, чью книгу «Зона Opus Posth, или Рождение новой реальности» он только что прочитал. Встречал он Мартынова со словами: «Владимир Иванович! Вы меня так удивили! Я и не думал, что композитор может быть таким умным! Вы же философ!» Разумеется, Мартынов совершенно не обиделся за всю братию композиторов, потому что в этой книге он писал о «смерти композиторской музыки» в духе постмодернизма. Мне даже показалось, что это был диалог понимающих друг друга людей, хоть и из разных областей.

Философия с человеческим лицом

Возвращаясь к профессиональным качествам Гиренка, необходимо сказать, что главное из них, по моему мнению, это уникальное философское чутье, которое помогает ему строить собственные концепции. Это «чутье» состоит в том, что он анализирует практически любой материал гуманитарных наук, выделяя самое важное. В последние лет десять он философски анализирует русскую литературу, психологию раннего развития, палеопсихологию и лингвистику, пытаясь обосновать свой взгляд на проблему сознания. Мы, будучи студентами, наблюдали непосредственно на лекциях работу по философскому анализу, в которую он вовлекал и нас.

В качестве преподавателя Федор Иванович готов не только изложить свою концепцию сознания и человека: он ждет критики своих идей и легко принимает ее. В сократической манере на лекциях он пытается выудить из студентов новые мысли, поставить их перед задачей иначе посмотреть на привычные идеи. С Гиренком мы не просто изучали философию, мы на равных общались с философом, имея возможность вступить с ним в дискуссию. Дистанции в этой работе не было: мы имели дело с понятиями и теориями, а не с «великим философом», перед которым нужно преклоняться. На мой взгляд, такая работа наиболее продуктивна в теоретических исследованиях, ибо она ведет к формированию самостоятельного мышления и новому результату. Студенты и слушатели Гиренка становятся реальными участниками процесса развития философского знания, а не пассивными реципиентами чужих концепций.

Alma Mater

Гиренок заведует кафедрой с нестандартной историей. Кафедра философской антропологии была создана в 1989 г. на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова для того, чтобы на ней работали только совместители – ученые из Института философии РАН. Поэтому у кафедры долгое время было «полувиртуальное» существование, и отношение к ней со стороны администрации и студентов было соответствующее. Но эту кафедру, по сути, я и могу назвать своей Alma Mater. Так как преподаватели у нас занимались современными проблемами, то и отношение к философии превалировало теоретическое, а не историко-философское, как в основном на факультете. Наша кафедра позиционировалась как междисциплинарная, поэтому мы параллельно слушали различные спецкурсы: П.Д. Тищенко читал о постструктурализме и биоэтике, В.Л. Рабинович «зажигал» с философской поэзией и авангардом, а А.Н.Павленко рассказывал о философии науки. Гиренок часто приходил на лекцию по философской антропологии в очень воодушевленном состоянии и, размахивая листками А4, читал.

Это значило, что он накануне проработал тему и спешит поделиться с нами своими изысканиями. Философы в работе – вдохновляющее зрелище.

Кафедра философской антропологии как место воодушевляла тоже. Гиренок постоянно звал всех пить чай в компании преподавателей, аспирантов и слушателей-вечерников. Было очень душевно: кто-то предлагал концептуальный анализ, или занимался критикой, или приглашал к интересной дискуссии. Гиренок брался за очередного аспиранта и затевал с ним спор. Темы и способы работы на кафедре были достаточно вольными, и потом за это стало «попадать» от администрации: должны же выполняться формальные критерии! Например, одна из курсовых выглядела так: страниц двадцать текста, разделенного на две колонки мелким шрифтом, слева – цитаты Федора Ивановича, справа – комментарий и критика этих фрагментов. Если нечеткость требований была слабой стороной кафедры, то сильной, безусловно, было то, что оригинальность и самостоятельность все время поддерживались (правда, их было очень сложно достичь). Пересказ чьей-либо концепции без присутствия теоретического анализа Гиренка мог только расстроить. Он, конечно, перфекционист и ждет от студентов гениальности, а развитие способностей требует времени.

Помню, когда я в первый раз появилась на кафедре философской антропологии, Федор Иванович тут же стал меня расспрашивать, чем же я хочу заниматься. Я была очень стеснительной студенткой, и искренний интерес Федора Ивановича меня только напугал. Лишь на пятом курсе я обнаружила, что моим руководителем значится Гиренок. Именно он поставил меня перед фактом, что я иду в аспирантуру. Весь пятый курс мы с одноклассниками посещали лекции и семинары Гиренка, в том числе читаемые другим курсам. Вот так, сама собой, и началась работа с Федором Ивановичем.

Творческое горение

На защите моей диссертации Федор Иванович сказал: «И она начала заниматься философией кино. Зачем – не знаю, но всерьез. И тут я понял, что главное – ее не трогать». Наши отношения в качестве научного руководителя и аспирантки можно было бы описать словом «автономия»: я чем-то занималась, Федор Иванович «не мешал». В какой-то момент, когда он понял, что мою позицию нужно лучше аргументировать и корректировать, мы специально встретились и обсудили все вопросы.

Учась в аспирантуре, я работала на кафедре лаборантом, а также реализовывала различные инициативы в созданной мною со студентами «Творческой лаборатории». Такие инициативы – вполне естественный результат общего кафедрального «горения». Мы приглашали художников, режиссеров, устраивали кинопоказы. Летом я занялась активизмом – мы организовывали митинг-перформанс в защиту Музея кино, который выселяли из здания Киноцентра. Федор Иванович с пониманием отнесся к ситуации и долго еще вспоминал, как я «защищала памятники». Разумеется, Гиренок влиял также на развитие нашего художественного вкуса: помню, как на пятом курсе он повел нас в театр Васильева («Школа драматического искусства»), на спектакль «Из путешествия Онегина», который стал моим любимым спектаклем. Он также пригласил композитора Владимира Ивановича Мартынова вести кафедральный спецкурс «Музыкальная антропология». Мы несколько лет подряд ходили с одноклассниками на концерты Мартынова в клуб «Дом», а вместе с Гиренком и студентами второго высшего были на его большом концерте в Филармонии. Наша с Федором Ивановичем позиция в отношении искусства и преподавания схожа: я тоже часто привожу студентам примеры из искусства, показываю фильмы и т.д.

Философская преемственность

Федора Ивановича считают «русским постмодернистом» благодаря свойственной ему манере философского письма, напоминающего французских постструктуралистов. Однако если говорить о преемственности и авторах, на которых он опирается, то это будут не французы, а русские – философы и психологи, а также философствующие литераторы. Например, писатель Достоевский и психолог Поршнев или философ Мамардашвили и лингвист Жинкин. В текстах его нет постструктуралистских интерпретаций, хотя, конечно, форма рассуждений кажется «научным философам» слишком вольной.

Говоря о вышеназванных ученых и писателях, Гиренок делает нас – тех, кто идет за ним, – их преемниками. Так, Гиренок наследует Мерабу Мамардашвили, и я, получаю, тоже его наследница – внучатая. Самым важным для меня было не столько «идти за учителем», сколько «преодолеть его». Только в этом случае я могу реализоваться как самостоятельный философ. Многим людям нравится, когда их идеи перенимают ученики и стараются им соответствовать. А Гиренок как-то раз сказал своим студентам и другим слушателям на презентации очередной монографии: «Никого не слушайте! Слушайте только себя!» И, подумав, добавил: «И меня не слушайте тоже». Вот я и выполнила совет своего учителя. После защиты диссертации по специальности «философская антропология» я стала понимать, что я вообще-то метафизик. И, помимо того, что мне было интересно в философии искусства, стала изучать аналитическую философию. Мне кажется, Гиренок этого от меня не ожидал.

Исследовательский университет

Итак, в методе Гиренка философия связана с педагогикой, потому что свободная мысль, которой он учил нас, ведет к философскому исследованию. Федор Иванович поддерживал в студентах автономию и самостоятель-

ность, что позволило мне сосредоточиться на научных интересах и двигаться в этом направлении. Научная независимость, на мой взгляд, очень важна. Последние месяцы перед защитой диссертации я уже работала в Вышке, куда я перенесла весь исследовательский потенциал, который получила от своего учителя и других профессоров кафедры философской антропологии. Вышка получила статус исследовательского университета – значит, я оказалась на своем месте, потому что обладала необходимыми для этого знаниями, навыками исследовательской работы и интересом к ней. Наш университет активно реализует различные исследовательские стратегии – разработанные как отечественной, так и зарубежной наукой, стремится интенсивно присутствовать в международной образовательной и академической среде.

В этом году мы с коллегами получили грант на формирование научно-учебной группы «Современная метафизика». Цель создания таких групп – включать студентов в научные исследования как можно раньше. Наша задача – развивать научный потенциал, студентов и собственный, стимулировать всех участников нашего проекта к работе в международном исследовательском контексте, дискутируя с российскими и зарубежными учеными на темы современной философии. Благодаря полученным от своего учителя навыкам я стараюсь выстраивать стратегию научно-учебной группы таким образом, чтобы участие в ней было максимально полезным и для непосредственных участников, и для проходящих слушателей, а также для факультета и университета в целом.

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ ШЕРЕЛЬ

- Родился в Москве, в еврейской семье.
- Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1995 г. защитил докторскую диссертацию «Радиоискусство: проблемы истории и теории (1922–1941 гг.)».
- 1961–1962 гг. – корреспондент газеты «Московский комсомолец».
- 1962–1964 гг. – главный администратор театральной студии «Современник».
- С 1965 г. – корреспондент литературно-драматического вещания на Всесоюзном радио, театральный обозреватель радиостудии «Маяк», автор ежедневных выпусков «Маяк» о культуре, соавтор и ведущий радиоальманаха «Поэзия».
- На протяжении 18 лет работал в журнале «Телевидение и радиовещание».
- Руководитель ежегодного Международного радиоуниверситета в г. Арль, Франция (1995).
- 1995–1996 гг. – председатель Попечительского совета МХАТ им. А.П. Чехова.
- Преподаватель ГИТИСа, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, профессор.
- Основные работы: «Рампа у микрофона. Театр и радио: пути взаимного влияния» (1985), «Там, на невидимых подмостках... Радиоискусство: проблемы истории и теории» (1994), учебник «Радиожурналистика» (2000), «Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию» (2004). Основные киноработы: фильм «Монологи актрисы» (об Элине Быстрицкой), «Этот мир мой» (о Михаиле Яншине), «Вологодские дороги», «Что вы знаете о Марецкой?».
- Удостоен Первой премии на Всесоюзном конкурсе теле- и радиожурналистов за цикл радиопередач о Великой Отечественной войне (1965).

АННА НОВИКОВА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Александр Аркадьевич Шерель:
Профессор-режиссер

Судьба каждого человека во многом зависит от тех людей, которые встречаются на его жизненном пути. Главным Учителем в жизни может стать школьный педагог, друг семьи, даже случайный знакомый. Яркая личность, с которой сводит судьба юного человека, оставляет след в его картине мира, перестраивает иерархию ценностей и открывает новые горизонты. Эта, казалось бы, очевидная истина оказывается для каждого, кому приходится это пережить, большим откровением. И потом, спустя годы, он с трепетом перебирает в памяти эпизоды прошедшего, все яснее осознавая, кому он обязан своим настоящим и кого может с благодарностью назвать Учителем.

Juvenes dum sumus!

Обучение журналистов в МГУ (да, кажется, и в других вузах) включало в себя работу в творческих мастерских. Иногда мастерские складывались в рамках спецсеминаров и спецкурсов, иногда – факультативов. Но, главное, учеба в этих мастерских всегда выходила за рамки учебных часов и продолжалась вне стен университета. Она вообще не укладывалась ни в какие формальные рамки. Такие творческие мастерские перекочевывали из аудиторий в квартиры профессоров, заканчивались за полночь ужином, на скорую руку собранным студентами, или домашней трапезой, приготовленной гостеприимной женой профессора. Работа в этих творческих студиях могла ограничиваться только постижением основ журналистского творчества, а могла быть и стартом для научной работы. Обсуждение профессиональных тем перерастало в личную дружбу студентов между собой и с теми, кого они встречали дома у профессора. Бесконечные разговоры о политике, которые велись в его кабинете, встречи с очень разными людьми, приходившими в его дом, – все это было не просто общением.

Во время этих разговоров мы учились анализировать общественные процессы, видеть тенденции развития культуры, общества, журналистики, у нас формировалась картина мира.

Собственно, на такой творческий семинар к Александру Аркадьевичу Шерелю я и пришла на втором курсе факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова. Пришла не потому, что его занятия стояли в моем расписании, а потому, что друзья из группы радиожурналистов, у которых он вел спецкурс по психологии творчества, хвалили его занятия. Пришла и осталась до конца, до смерти своего Учителя. Сначала писала у него курсовые работы, потом диплом, потом пошла к нему в аспирантуру и защитила кандидатскую, потом обсуждала план докторской, потом... потом хоронила человека, который за пятнадцать лет общения стал мне вторым отцом.

Vivat et respublica et qui illam regunt!

Время, когда мы познакомились, было очень сложным. Это был 1991 год, страна меняла не только название – она пыталась поменять судьбу. А Александр Аркадьевич был из тех, кто в то время оказался в авангарде перестроечного движения. Он был классический шестидесятник: диссидентски настроенный по отношению к СССР, сын репрессированных родителей, считавший себя пострадавшим от идеологических гонений, друживший с теми, кого высылали из страны. В начале нашего знакомства он мало занимался наукой и много – политикой и публицистикой. Он был заместителем министра культуры Николая Губенко. Но политика и светская жизнь театральной богемы, к которой он принадлежал, никогда не мешали ему преподавать. Кафедра была его сценой, лекция или семинар – его спектаклем. И времени для неформального общения со студентами ему хватало всегда. Они заменяли ему семью, которой во времена моего студенчества у него не было.

Наше общение началось с общей любви к театру: заканчивая школу, я выбирала между факультетом журналистики и театроведческим факультетом ГИТИСа. Потом мои интересы не единожды менялись, часто я сама не понимала, чего хочу: меня бросало из искусствоведения в психологию, из психологии в социологию, оттуда в философию, потом обратно в театроведение. Собственно, сам Александр Аркадьевич тоже занимался очень разными вопросами: историей отечественного радио, радиотеатром, театром на телевидении, творчеством Мейерхольда... Театральная зрелищная традиция была для него мерилом творчества в области средств массовой коммуникации.

Будучи сам человеком увлекающимся, Александр Аркадьевич из года в год терпеливо распутывал даже не клубок, а колтун разного рода «хотелок», которые были в моей голове. На каждом этапе он помогал формулировать темы так, чтобы удовлетворить мои новые интересы. И только много лет спустя, незадолго до его смерти, я поняла, что все темы, которыми я занималась, все вопросы, которые мы обсуждали, были одной извилистой тропинкой, ведущей к цели. На самом деле я не просто блуждала по лабиринтам своих многообразных интересов: это научный руководитель вел меня, умело используя мои поиски для пользы дела – накопления багажа знаний, необходимого в междисциплинарных исследованиях, к которым он меня готовил. И металась я не только по внутренним причинам, а потому, что он сознательно увлекал меня той или иной книгой, той или иной научной школой, чтобы я продвинулась в том направлении, которое он для меня наметил. Собственно, такую методику он применял ко всем своим дипломникам и аспирантам, но я оказалась одной из наиболее восприимчивых к ней. Он был не просто театровед и любитель театра, он подходил к работе со студентами и аспирантами как к работе режиссера с актерами. Он «ставил» нашу научную жизнь, как ставят спектакль.

А потом был рубеж – защита диплома. И перепутье – идти в журналистику или в науку. Помню, мы шли пешком по Большой Никитской (Александр Аркадьевич очень любил обсуждать какие-то важные вопросы, гуляя по Москве). В тот день он попросил меня определить, описать, как я вижу свою профессиональную жизнь через десять лет. Я уверенно ответила, что хочу, как он, сочетать занятия наукой с преподаванием и практической журналистикой. Тогда же мы решили, что исследовать телевидение я буду с позиций искусствоведения – как зрелище. Так я покинула факультет журналистики МГУ и поступила в аспирантуру в Государственный институт искусствознания, чтобы получить другую профессию.

Vivat membrum quodlibet!

Чтобы хотя бы вкратце объяснить, что такое Государственный институт искусствознания, надо написать отдельную статью. Скажу только, что с поступлением в аспирантуру у меня началась другая жизнь – я познакомилась с одной из самых ярких гуманитарных научных школ России. В стенах особняка в Козицком переулке регулярно собирались уникальные специалисты в области театра, музыки, живописи, архитектуры, прикладного искусства, эстетики, социологии и экономики культуры. Они обсуждали свои новые статьи и монографии и просто дружили – чего стоили одни только знаменитые новогодние капустники в ГИИ!

Первые два года аспирантуры я потратила на чтение того, что написали за время существования института и нашего сектора художественных проблем средств массовой коммуникации мои новые учителя и коллеги. Тогда, в 1995-м, большинство из них еще были живы и активно работали, несмотря на то что зарплаты в то время стали просто смехотворными. В институте царил атмосфера творчества, взаимного уважения и восхищения. Работы аспирантов обсуждались не менее внимательно, чем работы маститых профессоров.

Прошло время, и из вчерашней студентки, для которой научные дискуссии были захватывающим зрелищем, я превратилась в работоспособного члена научной команды, где каждый, удовлетворяя собственные научные интересы, работает на достижение общей цели.

Коллеги стали не просто моими учителями – они стали моими защитниками. Александр Аркадьевич был крайне эмоциональным человеком, что очень осложняло работу с ним. Он легко впадал в ярость (и часто трудно было понять, театральная это ярость или самая натуральная), мог накричать и выбросить страницы неудовлетворяющего его текста, а через пять минут окрылить похвалами. За годы знакомства я привыкла к этим перепадам настроения. Но перед защитой кандидатской атмосфера накалилась до предела. Шерелю все время казалось, что моя работа не готова, что защищать ее еще рано, что надо дописать еще параграф, переставить части местами – и так, казалось, до бесконечности. И тогда на мою сторону встали коллеги, подсказавшие выход из исследовательского тупика и, невзирая на недовольство руководителя, рекомендовавшие мою работу к защите. Как я благодарна этим людям! Кто знает, если бы не они, не сломалась ли бы я, не ушла ли бы из науки обратно в журналистику, как это случилось с некоторыми моими собратьями-аспирантами?..

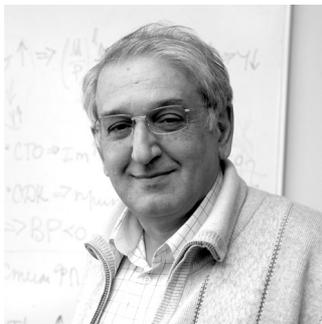
После защиты кандидатской диссертации я осталась работать в Институте искусствознания, писала статьи и монографии, а параллельно преподавала в разных вузах, работала журналистом. Часто оказывалось, что научная работа не только не приносит денег, но и мешает их зарабатывать. Не один раз меня уговаривали уйти из ГИИ, сулили деньги и карьерный рост. Но я не могла уйти. Просто не могла! Потому что это был отчий дом, я приходила туда не ради зарплаты, а чтобы вдохнуть особый воздух, увидеть коллег, которые на моих глазах старели, но не теряли научного задора и блеска в глазах, чтобы пообщаться со своим Учителем! Все эти годы я продолжала бывать у него дома, помогала ему работать со студентами, была в курсе его личной драмы и тяжелой болезни, приведшей к слепоте.

Через несколько лет после моей защиты мои учителя и коллеги по ГИИ начали уходить из жизни один за другим. Одним из первых умер мой Учитель – Александр Аркадьевич Шерель. На его похоронах я отчетливо поняла, что время ученичества закончилось, пора перестать метаться между журналистикой и наукой; что теперь я – «крайняя». И я ушла из журналистики, чтобы заниматься наукой и преподаванием.

Заключение

Наверное, прежде всего Александр Аркадьевич Шерель и коллеги по ГИИ сформировали у меня потребность работать в команде. Никакие деньги и административные ресурсы не могут мотивировать больше, чем ощущение себя членом сообщества, объединенного общей идеей и целью. В годы ученичества мне повезло: мне было дано почувствовать, что такое коллективный дух в его классическом воплощении – дух, передающийся из поколения в поколение, кажется, еще от средневековых университетов. И я готова не жалеть на поддержание этого духа ни сил, ни времени, ни средств. И если хотя бы для одного студента или аспиранта я смогу сделать то, что сделал для меня Александр Аркадьевич Шерель, я буду считать, что отдала свой долг.

Сегодня я тоже научный руководитель – совсем не похожий на Александра Аркадьевича. У меня иной темперамент, и отношения с учениками у меня складываются иные. Но часто я понимаю, что использую в своей работе те приемы, которым научилась у Шереля. Мои условия жизни не позволяют собирать студентов у себя дома, но я стараюсь создавать неформальную атмосферу научного творчества в стенах университета. Впрочем, иногда я все равно мечтаю, что когда-нибудь ситуация изменится и я смогу пригласить своих студентов и аспирантов в свой домашний кабинет, до потолка забитый книгами, посадить их на кожаный диван и не спеша, за чашкой чая разговаривать с ними о науке и жизни.

ФУАД ТАГИЕВИЧ АЛЕКСЕРОВ

- В 1974 г. окончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию «Интервальный выбор»; в 1993 г. – докторскую диссертацию «Локальные модели агрегирования».
- С 1975 г. – сотрудник Института проблем управления РАН.
- Заведующий кафедрой высшей математики факультета экономики (с 2003 г.) и руководитель Лаборатории анализа и выбора решений НИУ ВШЭ (с 2009 г.).
- Член Международного общества по коллективному выбору и общественному благосостоянию, Американского математического общества и Международной экономической ассоциации.
- Член редколлегии журналов «Автоматика и телемеханика», «Экономический журнал НИУ ВШЭ», «Проблемы управления», «Полития», «Mathematical Social Sciences», «Political Studies (TBF)», «Моделирование в социально-политической сфере» и «Бизнес-информатика».
- Автор десяти монографий, учебников и более 200 статей в области принятия решений, математического моделирования (в том числе на английском и турецком языках).
- Основные работы: «Выбор вариантов (основы теории)» (в соавторстве с М.А. Айзерманом, 1990), «Выборы, голосование, партии» (в соавторстве с П. Ортешук, 1995).
- Удостоен звания «Почетный работник науки и техники Российской Федерации» (2011), Первой премии Научного общества им. С.И. Вавилова (1986); Серебряной медали ВДНХ (1989).

ДАНИЕЛ КАРАБЕКЯН О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Фуад Тагиевич Алескеров:
Уроки наставничества

Чем больше я оглядываюсь назад, тем яснее понимаю, что в нашей жизни огромное значение имеют случайности. Мы задаем себе вектор развития, ставим цели, стремимся к ним. Но решающую роль зачастую играют, казалось бы, совсем незначительные события, встречи, разговоры, и только по прошествии времени мы можем понять, как много для нас они значат.

Мог ли я знать, когда на первом году учебы в Вышке начал слушать курс по дискретным математическим моделям, что этот предмет сыграет в моей жизни огромную, если не решающую роль! Точнее, не сам предмет, а человек, который его вел, – Фуад Тагиевич Алескеров.

Open book

По сути своей, тот предмет был единственным курсом за все время обучения в Вышке, экзамен по которому проходил в формате open book – можно было пользоваться всем, и как это обычно бывает с подобным форматом экзамена, мало кому это послабление может помочь. Действительно, этот курс был уникальным во многом потому, что там учили думать, учили формулировать и доказывать утверждения, учили на простых примерах проводить исследования.

Этот предмет мне понравился, но так как я еще не был хорошо знаком с Фуадом Тагиевичем, я не решил пока, что это то, чем я действительно хочу заниматься. Мое узкое «первокурсное» мышление советовало мне не увлекаться математическими предметами, а пытаться изучать экономику – ведь именно для этого я поступил в Вышку!

В итоге на втором курсе, когда некоторые мои однокурсники посещали факультатив Фуада Тагиевича «Избранные главы теории полезности», я писал работу «Влияние олигополистической конкуренции на процесс формирования тарифов на рынке мобильной связи в России». И хотя опыт можно признать успешным (третье место на Конкурсе научно-исследовательских работ студентов ВШЭ), мне суждено было снова встретиться с Алескеровым и переменить свои научные интересы.

Полноценное знакомство

Некоторые мои однокурсники в конце первого курса ездили в летнюю школу «Практика на Балтике». Их положительные отзывы подтолкнули меня к тому, чтобы поехать туда в конце второго курса. По случайному совпадению руководителем одной из групп в этой школе и был Фуад Тагиевич. К нему, как единственному знакомому руководителю, я и решил записаться. Несмотря на то что проект казался мне странным для математика (оценка развитости гражданского общества в России), первое знакомство заставило меня в корне пересмотреть мое представление о прикладной математике как отрасли науки. Широта взглядов и одновременно серьезность и глубина используемых подходов – все это сильно заинтересовало меня. Поэтому неудивительно, что по приезду в Москву, когда закончился проект, я захотел продолжить работу в этом направлении.

Просто так зашли

Долго не зная, с чего начать, и так и не договорившись, мы с моим другом и коллегой Александром Карповым переступили порог кабинета и сели напротив Алескерова. Фуад Тагиевич – человек удивительно организованный, он буквально каждую минуту посвящает решению или обсуждению

какого-то вопроса. В тот редкий момент у него было научного семинара и совещания, однако он сидел и работал с какими-то бумагами. Оторвавшись от дел, он посмотрел на нас: «Здравствуйтесь, с какой целью пришли?» – «Просто так зашли», – вырвалось у нас. Замерев на секунду от нашей наглости, он рассмехался и сказал, что он, наверное, последний человек, к которому можно зайти просто так. Тогда он дал нам первые задания, и с тех пор пошла работа.

Хорошо помню и часто вспоминаю момент выбора исследовательской темы. После прочтения ряда статей и книг мы с Сашей снова пришли к Алескерову. После того как мы показали, что разобрались в тех книгах, которые нам дали, Фуад Тагиевич задал один из ключевых вопросов: «У меня есть две темы: системы пропорционального представительства и манипулирование в задаче коллективного выбора. Кто из вас какую возьмет?» Мы с Сашей посмотрели друг на друга: я выбрал манипулирование, а Саша – системы пропорционального представительства. На эти же темы каждый из нас по прошествии времени и защитил диссертацию.

Наставничество

Фуад Тагиевич с самого начала предупреждает всех студентов, что с ним сложно работать, и спрашивает, готовы ли они к этому. Так ли это на самом деле, мне сказать трудно, потому что мне всегда нравилось работать с ним. А если что-то нравится, то процесс идет гораздо проще. Я помню, как мне задавался этот вопрос: я тогда не смог прийти в Вышку и просил Сашу сообщить о моей готовности работать. Однако подобные опосредованные сообщения Фуада Тагиевича не устраивают: он тут же позвонил мне и сам рассказал обо всех трудностях, которые мне предстоит преодолеть. Я согласился на все и не пожалел. В то же время очень многие студенты не выдерживают нескольких итераций: либо вообще не справляются

с первыми же заданиями, либо не успевают сделать их вовремя. Наблюдая порой, как новый студент сидит в кабинете у Фуада Тагиевича и слушает вводное слово о сложности работы, я с теплотой вспоминаю, как сам когда-то проходил этот путь.

Под руководством Алескерова мне посчастливилось пройти от первых проектов и научных семинаров до полноценных публикаций в зарубежных журналах и защиты диссертации. Процесс обучения, как и должно быть у настоящего учителя, во многом неформален: ты учишься, смотря на других, изучая мировой опыт, общаясь с коллегами и обсуждая идеи с наставником.

Причины такого неформального подхода во многом связаны с образованием Фуада Тагиевича. Свою научную карьеру Алескеров начал в Институте проблем управления РАН (ИПУ РАН) под руководством Марка Ароновича Айзермана. Фуад Тагиевич часто вспоминает его при разных обстоятельствах и любит рассказывать о том, чему Марк Аронович его научил. На мой взгляд, Алескеров – осознанно или нет – хочет привить нам то же, что дал ему Айзерман: высокую культуру, умение качественно работать и по-человечески относиться друг к другу.

Международное сотрудничество

Алескеров знаком со многими известными учеными, среди которых большое число нобелевских лауреатов по экономике. Благодаря ему я познакомился с двумя из них: профессорами Кеннетом Эрроу и Эриком Маскином. Профессор Эрроу внес огромный вклад в развитие теории экономического равновесия и теории общественного выбора, профессор Маскин является одним из создателей теории дизайна механизмов. Научное сотрудничество Фуада Тагиевича со многими учеными длится уже долгие годы и поддерживается личными дружескими отношениями.

Фуад Тагиевич входит в советы престижных мировых ассоциаций: Международной экономической ассоциации (IEA) и Международного общества коллективного выбора и общественного благосостояния (SSCW). С ним вместе мы организовывали масштабную конференцию SSCW в 2010 г. в Москве. Проведение подобного мероприятия в России – свидетельство признания представителями этой крупной организации научных достижений Алескерова и уважения к ним. Более двухсот зарубежных специалистов приехали тогда в Москву, и благодаря организаторскому таланту Фуада Тагиевича нам удалось сделать эту конференцию одной из лучших. Во всяком случае, таково было мнение многих участников, чьи отзывы мы получили. И даже стоявшая в Москве тридцатиградусная жара не помешала этому, а лишь добавила актуальности секции, посвященной исследованиям изменения климата.

Фуад Тагиевич – активный исследователь с хорошей международной репутацией, его часто приглашают выступить или прочитать курс лекций в других университетах. Он, в свою очередь, тоже приглашает к нам известных профессоров, благодаря чему мы имеем возможность познакомиться с выдающимися учеными и обсудить с ними свои научные вопросы, как в официальной, так и в неформальной обстановке – например, посещая вместе с ними музеи и театры Москвы.

Благодаря Алескерову на международных конференциях довольно часто бываю и я сам. Когда готовлюсь к выступлениям, думаю о том, какими их хотел бы услышать Фуад Тагиевич. Меня всегда поражало его умение подвести итог твоей работе так, что тебя переполняет восторг от того, чем ты занимаешься. Его резюме дают мотивацию и силы для продолжения исследования и развития новых идей.

Штрихи к портрету

Алескеров – человек тонкого вкуса. В его кабинете всегда играет музыка. Классика в современной обработке сопровождается чередой непрекращающихся научных семинаров и совещаний. Он ценит хорошие вина и французские сыры. Но, конечно, для него на первом месте всегда стояли и стоят семейные ценности. Стены его кабинета буквально обвешаны рисунками его детей.

Каждый год, ближе к 31 декабря, Фуад Тагиевич собирает всех своих учеников и, как Дед Мороз, дарит всем подарки – чаще всего это музыкальные диски или томики стихов и рассказов. Чтобы получить подарок, мы, конечно, не читаем стишок с табуретки, но по очереди подводим для себя итоги года. Эти встречи чрезвычайно сильно мотивируют и сближают всех его учеников. Атмосфера доброты и взаимоуважения, которая рождается на подобных мероприятиях стараниями Фуада Тагиевича, еще долго поддерживает и сопровождает его учеников.

Мы до сих пор работаем вместе. Этому человеку я обязан становлением своего характера и научной карьеры. Занимаясь со своими студентами, я понимаю, что хотел бы передать им те же чувства, знания и навыки, которые приобрел сам. Алескеров и в этом служит для меня примером. Хотелось бы так же формулировать задания, так же поддерживать и мотивировать своих подопечных, ставить перед ними высокие планки и сложные задачи, как это делает Фуад Тагиевич.

«Эффект бабочки»

Каждую минуту жизнь предоставляет нам миллион возможностей. В этом потоке всегда сложно распознать «тот самый шанс», но нужно стараться это сделать. Я очень рад, что не упустил возможности работать с Фуадом Тагиевичем. Еще многое впереди, еще многому предстоит научиться. Нужно только не упускать шансы.

ВАДИМ ВАЛЕРЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВ

- Родился в г. Барнаул.
- В 1993 г. окончил философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1995 г. защитил кандидатскую диссертацию «Дедуция категорий в метафизике Канта», в 2002 г. – докторскую диссертацию «Учение о душе в западноевропейской философии XVIII века».
- С 1997 г. – доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ.
- Профессор (с 2003 г.), заведующий (с 2004 г.) кафедрой истории зарубежной философии философского факультета МГУ.
- Главный редактор Историко-философского альманаха, выпускаемого на базе философского факультета МГУ; член редакционных коллегий Вестника МГУ (серия «Философия») и «Кантовского сборника».
- Основные работы: «Подвалы кантовской метафизики: Дедуция категорий» (1998), «История философской психологии. Западная Европа – XVIII век» (2003), «100 этюдов о Канте» (2005), «Трудная проблема сознания» (2009), «Философская психология в эпоху Просвещения» (2010), «Сознание и вещи» (2013).

ДИАНА ГАСПАРЯН

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Вадим Валерьевич Васильев: Sapere aude! –
Решись мыслить...

Неувядающая рекомендация обнаружить в себе мужество пользоваться своим собственным умом принадлежит Иммануилу Канту – крупнейшему и, пожалуй, самому гениальному представителю эпохи Просвещения, и рекомендация эта давно уже признана, в том числе с подачи ее автора, девизом и лозунгом всего Просвещения. Вадим Валерьевич Васильев, один из самых сильных и авторитетных кантоведов России, является живым воплощением этого принципа, так как может быть назван исследователем, философом и профессионалом, открыто служащим просветительским идеалам – столь необходимым, по моему мнению, в России. О тех плодах просвещения, которые мне удалось собрать на ниве общения с моим замечательным Учителем, я сейчас и расскажу.

Молодо, но не зелено

Период моего знакомства с Вадимом Валерьевичем Васильевым практически совпадает со временем моего знакомства с философией. Уже на втором году обучения на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова у нас начался курс по истории западной философии Нового времени в блистательном исполнении Вадима Васильева. Первое впечатление от него, кажется, запомнилось всем – мы старательно высчитывали возраст лектора, выглядевшего подозрительно молодо и вызывающе умно. Когда расчеты были окончены и доподлинно подтверждены надежной разведкой, пришло время ревнивых эмоций: молодой доцент был всего на десять-одиннадцать лет старше среднего второкурсника, но продемонстрировал при этом совершенно поразительные академические навыки, опыт и зрелость, вполне достойные маститого профессора. При этом больше всего поразило его удивительно глубокое погружение в традиции университетского образования. Васильев будто служил воплощением той атмосферы, которая установилась в стенах Московского государственного университета.

Обычной шуткой для нас тогда стало выяснение, реинкарнацией какого выдающегося философа Московского университета была персона Васильева. Во мнениях мы так и не сошлись, но стойко консолидировались в том, что Васильев еще прославит МГУ, а быть может, и российскую философию в целом.

Он уважать себя заставил...

Курс по истории философии в образовании среднестатистического философа является альфой и омегой всех штудий. И потому курс по истории философии, который начинается на первом курсе и заканчивается на последнем, принято уважать и ценить. С другой стороны, этот курс любим не настолько, чтобы хоть разок не позволить себе отозваться о нем свысока, увидев в нем пыльную кабинетную работу, риск обратиться в книжного червя, известную прозаичность и подготовительный характер прививаемых в ходе этого курса навыков; да и преимущества чтения оригинального текста перед вторичностью не всегда впечатляющего пересказа очевидны каждому. Одним словом, историю философии принято почитать, как почитают старших: мы отдаем им должное, но, отправляясь на поиски приключений, предпочитаем компанию веселых, молодых и беззаботных товарищей. Таково традиционное представление о наследии классической истории философской мысли: это то, что необходимо однажды освоить, набравшись терпения, и потом уже отправляться в свободное плавание, оставив далеко позади докучливые наставления солидных и благообразных стариков.

Вадим Васильев стал тем преподавателем, который впервые изменил мое представление об истории философии. Благодаря его лекциям учение философов прошлого перестало выглядеть как историко-архивная или музейная ценность. Васильеву удалось показать: классические философы всегда являются нашими современниками, их аргументы живы и актуальны. Неудивительно, что лекции самого Васильева обычно носили характер

репортажа с места событий, а семинары – телемоста с использованием машины времени. Эти занятия помогли мне осознать, что доблесть профессионала состоит в том, чтобы обращаться к мыслителям минувших столетий (спорить с ними или соглашаться) так же, как если бы мы могли сегодня отправить им электронное письмо или смс-сообщение. Нас разделяют столетия и континенты, но сближает опыт мысли, и именно это обстоятельство позволяет философии существовать.

Многознание уму не научает, или Заговори, чтобы я тебя увидел

Первое высказывание приписывают знаменитому философу античности Гераклиту, а второе – самому Сократу. Замечание Гераклита несколько провокативно, но, вообще говоря, довольно правильно. По крайней мере к философской работе это наблюдение вполне применимо. Мастерству философского исследования нельзя научиться посредством кропотливого и добросовестного заучивания имен, направлений и идей. Вадим Валерьевич неизменно давал нам это понять, хотя и преподавал курс, во многом устроенный как пересказ чужих позиций и точек зрения. Благодаря его курсу мне удалось усвоить главное: погружаясь в готовое знание, нужно пытаться выработать почти конгениальное чужому авторству видение, работать над тем, чтобы проблема, которую решает тот или иной философ, стала насущной проблемой и для тебя. Только тогда решение, предложенное кем-то, делается вполне понятным и сможет повлиять на нашу собственную исследовательскую работу: вопросы станут осмысленными, а ответы – плодотворными. И именно поэтому Васильев был начисто лишен присущего некоторым изощренным историкам философии снобизма: «Что такого может сказать студент, что могло бы пошатнуть или поставить под сомнение истины, открытые великими мыслителями прошлого?» На лекциях и семинарах мы сражались с Декартом или Кантом так, как если бы они сидели за соседней партой.

У последних при этом не было никаких поправок и скидок на авторитет: если великий мыслитель «сморозил» глупость, наш справедливый лектор на правах арбитра записывал балл нам и отбирал его у незадачливого гения. Именно поэтому в курсе Васильева всегда звучало рефреном: «Выражай свое мнение, оспаривай, приводи доводы, думай и выдумывай, ведь от того, чтобы угодить в десятку лучших философов современности, не застрахован никто. А вдруг это ТЫ?!»

Окно в Европу

Еще десять лет назад, когда даже возможности интернета использовались недостаточно полно, Васильев не уставал объяснять нам, как важно добиться интеграции в международное сообщество, стать частью единого мирового пространства науки, выйти из изоляции и состояться в качестве полноправных участников международного комьюнити ученых. Российская гуманитарная наука отрезана от мира, пребывает в академическом вакууме, избегает диалогов и склонна к тому, чтобы обращаться с современностью так, как если бы она была седою древностью. Будучи историком, Васильев изобличил главные пороки отечественной академической работы: зачастую мы говорим о современных авторах, ведущих активную и динамичную исследовательскую жизнь, так, как будто они давно умерли.

На протяжении многих десятилетий российские философы добросовестно рассказывали о тех исследованиях, которые ведутся на Западе, скромно их комментировали и иногда робко критиковали, но почти никогда не утруждали себя тем, чтобы познакомиться самих виновников своей бурной интеллектуальной деятельности с тем, что о них думают. Доходило и до анекдотических историй: так, в одной энциклопедии по современной философии, в статье, посвященной видному современному философу науки, был указан год его смерти, в то время как он благополучно живет и здравствует по сю пору.

Исследования у нас зачастую ведутся в режиме эпитафии, но хорошая диссертация – это не красивый панегирик, а труд, являющийся результатом актуальной, здесь и сейчас протекающей дискуссии с коллегами, в какой бы точке мира они ни находились. Васильев учил нас тому, что мы должны научиться комментировать коллег, попытаться стать интересными друг другу – а это даст шанс вырастить ту здоровую исследовательскую элиту, которая сможет занять свою нишу на международном рынке идей.

В деревню, в глушь, в Аризону

Учитывая такие принципы работы, нетрудно догадаться, что ключевая ставка в работе со студентами и аспирантами у Васильева делалась на живую международную коммуникацию. Именно поэтому, когда в 2006 г. мы отправились с ним на конференцию по философии сознания, которая регулярно проходит в весьма удаленном уголке Америки, буквально в пустыне, городе Тусане (шт. Аризона), я поняла, что подобное, на первый взгляд авантюрное, предприятие является важнейшей формой работы ученого в современном мире. Необходимо выезжать за пределы своей страны и больше общаться с коллегами со всего мира: это расширяет горизонты и формирует правильный масштаб собственной исследовательской работы. Благодаря Васильеву я побывала еще на одной довольно камерной конференции в Техасе – и с тех пор окончательно перестала бояться международных командировок.

A piece of cake

Как известно, есть две тактики преподавания. С одной стороны, можно поразить студента необъятностью материала, намекнуть на головокружительную глубину вопроса, заморозить его таинственностью фраз и обстоятельностью пауз. А с другой – можно просто, лаконично и доступно изложить самую суть.

Признаюсь, что в студенческие годы я симпатизировала первой тактике – она действовала на меня мистифицирующе, ибо оставляла пьянящее чувство погружения в тайну. Васильеву, напротив, была чужда подобная манера, и свои занятия он строил прямо противоположным образом. Он будто бы говорил нам: «Успокойтесь, я сейчас все объясню». После чего следовало изумительно ясное, прозрачное и понятное даже новичку изложение. В конечном счете этот стиль меня подкупил – я была вынуждена признать: понять что-то по-настоящему ясно и отчетливо есть таинство большее, чем войти в секретную организацию посвященных в тайну, суть которой никто толком не понял.

Аргументы на стол, или Не геометр да не войдет...

Васильев научил меня определенности, а именно поиску как можно более достоверного обоснования своей научной позиции. К сожалению, бытует мнение, подчас разделяемое самими профессионалами, что философия – это некая необременительная гуманитарно-литературная дисциплина, которая может убеждать не столько силой аргумента, сколько красотой фраз, пассионарностью фигуры философа или даже тонко выстроенным идеологическим зомбированием. Но настоящая философия всегда опиралась на тщательно выверенные аргументы и доказательства, построенные по образу и подобию математического и логического знания. Философия ни в коем случае не является разговором по душам, а философ – это вовсе не тот человек, который может злоупотреблять одними лишь вопросами, не предлагая взамен никаких ответов. Напротив, философ обязан заявлять свою позицию как можно конкретнее и определеннее, его суждения должны быть взвешенными, а доказательства – хорошо продуманными. Я не помню ни одного случая, что бы Васильев отошел от этого правила.

Приговор – «Вышка»

Так называлось письмо, которое я отправила однажды Вадиму Валерьевичу, когда вопрос моего трудоустройства в Высшую школу экономики был почти решен. Васильев очень поддерживал мое намерение и всячески одобрял его. Теперь, когда мой скромный стаж работы в Вышке исчисляется семью годами, я могу с определенностью сказать, что многое из того, что было заимствовано из опыта Васильева, помогло мне освоиться на новом месте. Все, что ценится в Вышке: ориентация на исследовательскую работу, самостоятельность в творческом выражении, ставка на международную консолидацию – это и есть те требования, на которые всегда ориентировал нас Васильев.

В конечном счете образ и образец профессиональной философской работы, созданные усилиями Вадима Валерьевича Васильева, определили вектор моей собственной работы. И несмотря на то что мне еще предстоит долгий путь к намеченным горизонтам, я ободряю себя тем, что хотя бы представляю, в каком направлении стоит двигаться. А это, как начинаешь понимать с годами, уже кое-что стоит.

АЛЕКСАНДР ОЛЕГОВИЧ КРЫШТАНОВСКИЙ

- Родился в г. Саратов.
- В 1978 г. закончил факультет прикладной математики Московского института электронного машиностроения, продолжил обучение в заочной аспирантуре Института социологии АН СССР.
- В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию «Теоретические и методические проблемы построения банка социологических данных».
- 1981–1993 гг. – сотрудник Института социологии АН СССР.
- 1984–1989 гг. – глава группы по созданию Всесоюзного банка социологических данных Института социологии АН СССР.
- Один из основателей и первый декан факультета социологии ГУ-ВШЭ.
- С 1995 г. – заместитель декана факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук (МВШСЭН).
- Член редсовета журнала «Социология: методология, методы, математические модели».
- Основные работы: «Процесс обработки данных социологических опросов» (в соавторстве с В.Г. Андреенковым, 1986), «Банк социологических данных» (в соавторстве с В.Г. Андреенковым, 1987), «Стратегии адаптации высших учебных заведений: Экономический и социологический аспекты» (2002).
- Награжден серебряной медалью ВДНХ СССР.

ДЕНИС СТРЕБКОВ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Александр Олегович Крыштановский:
«Нужно видеть за цифрами конкретного человека!»

Приход Александра Олеговича Крыштановского в Высшую школу экономики в 1998 г. в качестве первого декана факультета социологии не только существенно повлиял на работу всего университета, но и самым кардинальным образом изменил мою собственную жизнь. К тому времени я уже пять лет учился на факультете управления и прикладной математики в МФТИ и один год в магистратуре Вышки по специальности «Социология».

Этот безумный, безумный, безумный,
безумный мир цифр

С одной стороны, моя голова была набита гигантским количеством математических формул, теорем, доказательств. Я неплохо решал системы дифференциальных уравнений, перемножал матрицы и вычислял детерминанты. С другой стороны, благодаря учебным курсам О. Шкаратана, Л. Иониной, Р. Рывкиной, Н. Лапина и других известных российских социологов я познакомился с социологической теорией – узнал, что такое социальные классы, социальная мобильность, социальные институты, нормы, ценности и многое другое.

Вот только объединить эти две составляющие в единое целое у меня никак не получалось. Математика и статистика были сами по себе, а социальные теории – сами по себе. Помог Крыштановский: смазал необходимые шестеренки и тем самым дал мне мощный старт для профессиональной жизни социолога-исследователя.

Он начал читать у нас курс «Анализ социологических данных» осенью 1998 г., когда вся страна была погружена в депрессию, переживая последствия финансового кризиса. Заканчивалось время масштабных экономических реформ и катаклизмов. В то же время, по многим социально-экономическим вопросам точка зрения людей еще только формировалась и в общественном сознании происходили кардинальные сдвиги. Оказалось, что анализировать данные социологических опросов, строить типологии, выявлять закономерности в поведении и убеждениях отдельных групп людей, искать взаимосвязи между отдельными переменными – чрезвычайно увлекательное занятие. Вот здесь мне в полной мере пригодилось знание математической статистики, которое обрело наконец прикладную, зримую и осязаемую, форму.

Все это стало возможным благодаря тому, что А. Крыштановский познакомил нас с данными Всероссийского центра изучения общественного мнения под руководством Ю. Левады (ВЦИОМ). В то время ВЦИОМ был крупнейшим российским центром, который проводил социологические опросы в режиме мониторинга – шесть раз в год на выборке около 2500 человек. Все эти данные наряду со многими другими можно найти сейчас в нашем Едином архиве экономических и социологических данных (<http://sophist.hse.ru/>). Тогда же для нас, магистров-социологов, это была, по сути, единственная возможность получить массив такого масштабного исследования, репрезентирующего население страны, и использовать эти данные при написании собственных работ. В частности, моя первая аналитическая работа в рамках данного курса называлась «Отношение населения России к основным социальным институтам: попытка анализа и классификации».

Некоторые преподаватели любят погорячее

Следует особо выделить легкую и живую манеру преподавания, которой славился Крыштановский. Он умел

самые сложные вещи показать буквально «на пальцах», объясняя настолько простыми словами и сопровождая такими яркими примерами, что «физический смысл» представляемых методов статистического анализа становился понятным абсолютно любому человеку – даже едва знакомому с высшей математикой. Помимо этого Александр Олегович обладал потрясающим чувством юмора. Легендарными и буквально крылатыми стали многие его фразы, прозвучавшие на лекциях. Например, такие:

- *Сейчас я наступил на те грабли, которые хочу вам показать...*
- *Тот, кто скажет, что это распределение нормально, пусть бросит в меня камень.*
- *Людишки телепаются вокруг регрессионной прямой...*
- *Отловите этого ненормального Васю и уберите его из анализа.*
- *Есть два пути: один простой, другой умный.*

Он приучал студентов мыслить, а не просто нажимать на кнопки, считая, что любое действие, которое мы совершаем в SPSS (популярной компьютерной программе для обработки и анализа социологических данных), должно быть осмыслено и содержательно обосновано («Анализ данных – это много думать, а не просто нажимать на пипочки»). Он учил, что необходимо взвешенно и внимательно подходить к выбору переменных для факторного, кластерного или регрессионного анализа («В каждом шаге анализа надо участвовать умом и сердцем»), уделять большое внимание предварительной перекодировке переменных и корректной спецификации модели («Можно построить какую-нибудь глупость, получить неплохой R2, а потом радостно танцевать на костях этого R2...»). Он призывал нас не ограничиваться стандартными процедурами, а использовать многочисленные возможности, которые предоставляет синтаксис SPSS, и самостоятельно программировать некоторые процедуры («Можно залезть в данные руками и поправить, но это унижительно»). В целом же Крыштановский учил нас видеть за цифрами конкретного человека с его потребностями, предпочтениями и, наряду с прочим, слабостями («Не надо “сливать” слесаря с пекарем»).

В то же время, несмотря на свой веселый нрав и ироничную манеру изложения материала, Александр Олегович был чрезвычайно строгим и требовательным преподавателем. Он не терпел никакой халтуры и работы «спустя рукава», а процент студентов, отправленных на пересдачу по его курсу, был традиционно одним из самых высоких на факультете.

Большие социологические гонки

Обучаясь в Физтехе, я проявлял большой интерес к статистическому анализу социологических данных и построению математических моделей. Поэтому довольно естественно, что именно Крыштановский стал моим научным руководителем в Вышке и именно благодаря ему была написана моя первая научная работа «Экономические детерминанты протестного поведения населения России». В то время в магистратуре не было никакого научно-исследовательского семинара и, по сути, студенты были предоставлены сами себе. Соответственно, именно Александр Олегович познакомил меня с правилами написания научной работы, давал советы по аргументации, композиции, оформлению текста. Он очень внимательно читал мою работу на разных этапах ее готовности и дал массу полезных рекомендаций.

Крыштановский являл собой классический пример исследователя-практика: он сотрудничал со многими маркетинговыми компаниями, организовал и провел немало самостоятельных исследований в области рыночных и политических предпочтений населения. Тем не менее он прекрасно понимал важность проработки теоретического материала, книг и журнальных публикаций в ходе подготовки социологического исследования.

Библиотека ВШЭ тогда еще только формировалась, никаких электронных баз не было, найти опубликованную статью в Интернете было практически невозможно. Поэтому как научный руководитель Александр Олегович

меня сильно выручил. Он принес мне несколько книг по анализу временных рядов из личной библиотеки, а потом привел меня как-то на один день в библиотеку Шанинки, где я смог пролистать годовые подшивки российских и зарубежных социологических журналов и отсканировать интересующие меня материалы.

Крёстный отец

Крыштановский направил меня и к моему первому работодателю – руководителю исследовательской группы ЦИРКОН Игорю Вениаминовичу Задорину, который тогда работал руководителем социологической службы в Администрации Президента. ЦИРКОН стал моей социологической «колыбелью», где я впервые почувствовал себя социологом-исследователем, где научился многим полезным практическим вещам, которые пригодились мне в дальнейшей работе.

А летом 1999 г., благодаря опять-таки непосредственному участию Крыштановского, моя жизнь круто изменилась. Уже после защиты диплома мы случайно столкнулись с ним нос к носу на Мясницкой. Вот тут он мне и предложил поступать в Шанинку. Он красочно описал мне преимущества учебы в этом заведении – возможность пользоваться лучшей библиотекой в стране по социальным наукам; слушать лекции ведущих российских социологов – А. Филиппова, Г. Батыгина и В. Радаева – и по окончании обучения получить диплом Манчестерского университета. Плюс к этому я мог претендовать на стипендию в 100 долларов в месяц – немаленькая по тем временам сумма. И я, конечно же, не смог отказаться от такой возможности – поступил в Шанинку и провел там замечательный год. Именно там я познакомился со своей будущей женой, которая приехала учиться из Томска, так что можно сказать, что даже в моей личной, семейной жизни Александр Олегович сыграл, сам того не подозревая, определяющую роль.

Назад в будущее университета

Уже в конце моего обучения в магистратуре ВШЭ он предложил мне остаться в университете в качестве преподавателя на кафедре методов сбора и анализа социологической информации. Однако в тот момент мне больше хотелось узнавать и исследовать социальную жизнь самому, нежели делиться опытом с другими. Я тогда не был готов к работе в университете и считал, что слишком молод и слишком мало знаю, чтобы учить других. Вероятно, он расстроился, когда я в итоге год спустя все-таки пришел на работу в Вышку, но выбрал «конкурирующую» кафедру экономической социологии, хотя вида никогда не подавал и своего доброжелательного отношения ко мне не изменил.

Мы продолжали много общаться с Крыштановским: часто встречались с ним на научно-исследовательских семинарах, заседаниях Ученого совета, обсуждали результаты проведенных исследований, а также вопросы преподавания и критерии выставления оценок на факультете социологии. И вот летом 2005 г. пришло совершенно неожиданное и трагическое известие – у Александра Олеговича внезапно остановилось сердце. Его смерть в возрасте пятидесяти лет (всего!) вызвала у всех нас – его коллег и учеников – шок и оцепенение. Мы задавали друг другу вопрос: «Что произошло? Как это оказалось возможным?», – ведь ничто не предвещало этой беды. Было очень странно и тяжело осознавать, что из жизни ушел человек, с которым ты встречался и разговаривал буквально недавно, который был твоим учителем, наставником, да и в целом так круто изменил твою жизнь. К сожалению, Крыштановский оставил после себя не так много книг и научных статей. И все же приятно осознавать, что и новые поколения студентов-социологов Вышки изучают анализ социологических данных именно по учебнику, написанному Александром Олеговичем.

ДАВИД ИОСИФОВИЧ БАРКАН

- В 1962 г. окончил кораблестроительный факультет Ленинградского кораблестроительного института по специальности «Судостроение и судоремонт».
- В 1973 г. окончил факультет экономики Ленинградского финансово-экономического института по специальности «Планирование промышленности».
- В 1977 г. защитил кандидатскую, в 1988 г. – докторскую диссертацию.
- Профессор кафедры маркетинга Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета.
- Руководитель и соисполнитель консультационных проектов для ЗАО «Искрасофт», совместного российско-германского предприятия МС Vauchemie Russia, ЗАО «Универмаг “Московский”», ЗАО «Первомайская Заря» и др. в области развития систем продаж и управления оптовыми продажами.
- Председатель Совета директоров ЗАО «Универмаг “Московский”» (с 2002 г.).
- Автор более 75 научных публикаций, в том числе учебников и учебных пособий, научных монографий и статей.
- Основные работы: «Как сегментировать рынок и изучить потребителя» (1991), «Маркетинг для всех» (1995), «Управляем фирмой в условиях рынка» (2001), учебник «Управление продажами» (2007; 2008).
- Награжден дипломом общероссийского конкурса «Университетская книга – 2008» в номинации «Лучшее учебное издание по менеджменту и маркетингу».

ВЕРА РЕБЯЗИНА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Давид Иосифович Баркан: Мир маркетинга

Я училась в Высшей школе менеджмента СПбГУ, которая до 2006 г. называлась факультетом менеджмента СПбГУ. Этот факультет открыли в 1993 г. для подготовки управленческих кадров в условиях перехода страны к рыночной экономике. Высшая школа менеджмента СПбГУ является одним из самых молодых и динамично развивающихся факультетов университета. Я сразу обратила внимание, что за десять лет своего развития коллективу преподавателей и сотрудников удалось сделать многое: достичь высокого уровня преподавания, наладить корпоративные связи с компаниями и ведущими зарубежными вузами, открыть центр карьеры и работы с выпускниками, дать студентам доступ к современным информационным ресурсам.

Выбор пути

После окончания специалитета в 2008 г. я поступила в аспирантуру на кафедру маркетинга Высшей школы менеджмента СПбГУ и закончила ее в 2011 г.

Пять лет назад я сделала сознательный выбор в пользу академической карьеры и нисколько о нем теперь не жалею. Конечно, в ходе обучения в Высшей школе менеджмента СПбГУ на меня оказали влияние многие преподаватели: Валерий Сергеевич Катькало, Сергей Павлович Куц – научный руководитель моих курсовых работ, диплома, а затем и кандидатской диссертации, Мария Михайловна Смирнова, Алена Николаевна Андреева. Но Давид Иосифович Баркан, который был куратором нашей группы, сыграл особую роль в моей жизни.

Знакомство с Учителем

Мое знакомство с Давидом Иосифовичем состоялось дважды. Первый раз заочно, когда я еще только подавала документы для поступления на программу подготовки специалистов в Высшей школе менеджмента СПбГУ летом 2003 г. Я сразу и без сомнений выбрала направление «Менеджмент», специализацию «Маркетинг», хотя, честно говоря, на тот момент не до конца представляла, что скрывается за этим названием.

Но тут возникла трудность. Дело в том, что с 2003 г. специализация «Маркетинг» впервые была разделена на три группы: «Управление рекламой», «Международный маркетинг» и «Управление продажами». Сделать выбор было сложно. Читая информацию о каждой из программ, я обратила внимание на фотографии кураторов групп. Группу «Управление продажами» курировал Баркан, который смотрел на меня с фотографии с ехидной улыбкой. Я подумала, что «продавать» он меня точно научит, и записалась на «Управление продажами». Я умолчу о том, какой в тот вечер дома был скандал: родители сказали, что на продавца пять лет учиться необязательно. Спросили, почему именно управление продажами. Я честно ответила, что выбрала по фотографии куратора.

Первые два курса предметы были общими для всего направления «Менеджмент», специализации не было, только на третьем курсе начались маркетинговые предметы. Первый специализированный курс был «Поведение потребителей», читал его Давид Иосифович Баркан. Вот тут-то и состоялось наше очное знакомство – но должна признаться, что не сразу, так как на первую лекцию я просто не попала. Задержалась в студенческой столовой на пару минут, подошла к аудитории – а дверь закрыта изнутри. Оказалось, что Давид Иосифович не любит, когда опаздывают. Заглядываю через стекло – мест нет, и студенты слушают как замороженные. После лекции все обсуждали, какое было интересное занятие. Мне стало обидно, что я его пропустила. На вторую лекцию я пришла заранее, чтобы занять место: на лекции Баркана приходили все и на каждое занятие, и свободных мест просто не было. На занятиях Давида Иосифовича я впервые поняла, что два академических часа могут пролетать как две минуты.

Погружение в маркетинг

Баркан преподавал у нас три маркетинговых предмета на протяжении трех лет: «Поведение потребителей», «Управление продажами» и «Финансовые инструменты

в управлении продажами». Я думаю, что каждый мой однокурсник согласится с тем, что Давид Иосифович просто потрясающий лектор и оратор. В ходе каждого его занятия мы полностью погружались в мир «Поведения потребителей» или «Управления дебиторской задолженностью». Он без труда удерживал внимание аудитории в 40–50 человек в течение полутора часов. Давид Иосифович готовил презентации в формате Power Point к каждой лекции. У него на занятиях можно было практически не вести конспект, так как весь материал, который мы обсуждали, все примеры, которые приводил преподаватель, запоминались сразу и надолго. Более того, все содержание курса помнится до сих пор, хотя прошло уже восемь лет.

Занятия Д.И. Баркана не ограничивались только определениями, моделями, статистикой и теоретическими положениями. Этот преподаватель заставлял нас постоянно думать на лекциях и семинарах, которые были полны плодотворных дискуссий. Давид Иосифович иллюстрировал все теоретические положения, которые излагал в ходе лекции, конкретными примерами и давал задания в виде кейсов, так как всегда был заинтересован в практической составляющей вопроса. Мы, студенты третьего курса, впервые столкнулись с решением практических задач в виде конкретных ситуаций и старались изо всех сил. Я до сих пор помню наши бурные дискуссии и обсуждения, а также попытки предложить лучшее решение.

Давид Иосифович относился к студентам как к полноценным профессионалам, всегда позволял высказывать свои мысли. При этом, как сейчас принято говорить, давал объективный feedback: комментировал решения каждой группы честно и открыто, всегда говорил прямо, что та или иная группа студентов немного «недодавила», не рассмотрела все обстоятельства проблемы, упустила из виду важную информацию, что может привести к принятию неправильного управленческого решения. После его курса мы, молодые маркетологи, научились мыслить системно, анализировать все последствия принятого решения.

У Давида Иосифовича я переняла то, что считаю главным в преподавании: не только хорошо знать свой предмет, но и заинтересовать им студента. Я очень благодарна судьбе, что первым моим опытом преподавания в высшей школе стал совместный курс «Управление продажами», который я читала в 2009 г. студентам четвертого курса бакалавриата Высшей школы менеджмента СПбГУ вместе с учителем. Он подсказывал мне, как лучше работать с аудиторией, как правильно подавать материал, очень тактично указывал на мои педагогические промахи. Читая лекции студентам по «Управлению продажами» вместе с Барканом, я поняла, насколько важно показать разницу между простым «проталкиванием» и «впариванием» товара конечному потребителю и маркетингом как наукой, нацеленной на выяснение и удовлетворение потребности потребителя – а в этом ведь и состоит искусство управления продажами.

Научная жизнь

Особенно стоит отметить регулярно проходящие в Высшей школе менеджмента СПбГУ научно-исследовательские семинары по маркетингу – плодотворные дискуссии, в ходе которых обсуждаются научные статьи и доклады преподавателей, а также диссертации аспирантов. Давид Иосифович активно в них участвует, всегда спрашивает, в чем состоит практическая значимость работы, в чем заключаются результаты диссертационного исследования и как их можно применить на практике. Самое страшное, что могут услышать аспиранты в ходе обсуждения работы: «Вы провели хорошее исследование. Но не кажется ли вам, что гора родила мышь?» Это значит, что выводы исследования пока недостаточно сильны и необходимо усилить глубину проработки результатов.

Давид Иосифович Баркан до сих пор уделяет много времени аспирантским работам, внимательно вчитывается в них, скрупулезно проверяет список источников и ссылки. Мне кажется, что это очень важно для преподавателя – приучать студентов к написанию качественных научных текстов. В университете Баркана чаще всего

можно встретить в библиотеке, где он изучает электронные ресурсы и читает печатные издания, делая пометки в своем блокноте. Это значит, что через некоторое время выйдет его новая научная статья.

Давид Иосифович не был моим научным руководителем, но он стал моим научным куратором. Тематика моей диссертации в первую очередь касалась промышленного маркетинга и b2b (business-to-business) маркетинга, что не входило в его первостепенные научные интересы. Давида Иосифовича больше интересовало управление продажами и сбытом компании, а также управление каналами дистрибуции, то есть более практико-ориентированные области. Надо отметить, что с 1987 г. и до настоящего времени Давид Иосифович занимается управленческим консультированием: сначала для госкорпораций, оказавшихся в условиях перехода к рыночной экономике, затем для компаний, столкнувшихся с рыночной конкуренцией. Мне нравится, что Баркан не только теоретик в своей области знаний, но и практик, который одним из основных критериев удачной научной работы в маркетинге считает возможность ее применения в бизнесе.

Давид Иосифович помогал мне в процессе написания кандидатской диссертации, при этом никогда не давал готовых советов, но грамотно направлял в сторону правильного решения, подсказывал, как можно усовершенствовать работу, как лучше ее переструктурировать, указывал на практическую значимость исследования. В результате подобных научных обсуждений мы стали общаться чаще, и не только в стенах университета и на семинарах, но и вне кафедры за чашечкой чая или кофе. В ходе одной из таких встреч мы как-то обсуждали качество научных публикаций и потенциал исследований в области маркетинга, и Давид Иосифович мне сказал: «Чтобы написать хорошую научную статью, необходимо одно условие – непреодолимое желание поделиться своим знанием с другими учеными и практиками». Благодаря Баркану я рассматриваю научную работу и написание научных статей в первую очередь как творческий процесс, а не как рутинную обязанность преподавателя.

НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА ТИХОНОВА

- В 1975 г. закончила философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1981 г. защитила кандидатскую диссертацию, в 2000 г. – докторскую диссертацию «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике».
- 2004–2012 гг. – заведующая кафедрой социально-экономических систем и социальной политики НИУ ВШЭ.
- Член редсоветов журналов «Общественные науки и современность», «Вестник Института социологии», «Социологические науки».
- Профессор Познаньской высшей школы гуманитарных наук и журналистики (Польша).
- Автор более 400 научных работ, в том числе трех индивидуальных монографий, одной монографии в соавторстве и 17 монографий, вышедших под ее научной редакцией и с ее участием (три из них опубликованы в Великобритании). Более 30 работ опубликованы в различных странах мира (США, Германия, Китай, Польша и др.) в журналах, научных монографиях и сборниках.
- Основные работы: «Богатые и бедные в современной России» (2003), «Средний класс в современной России» (2003), «Социальные реформы: ожидание и реальность» (2006), «Российская повседневность в социологическом измерении» (2009), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010), «Двадцать лет реформ глазами россиян» (2011), «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2012).

ЮЛИЯ ЛЕЖНИНА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Наталья Евгеньевна Тихонова:
Большой след в маленькой истории

После окончания школы я поступила на факультет экономики Вышки. Выбор в пользу экономики был определен не столько большой любовью к этой науке, сколько ощущением, что экономика позволяет составить достаточно широкое представление об окружающей действительности. Возможно, именно потребность в формировании этого представления (хотя тогда скорее интуитивно) определила мой выбор специализации на четвертом курсе в пользу «Экономической социологии», которая дополнила круг моих знаний еще и социологическими аспектами. Кафедру социально-экономических систем и социальной политики, на которой велось обучение, возглавляла в тот момент Наталья Евгеньевна Тихонова. Именно она стала впоследствии моим научным руководителем, а по сути – Учителем, которому я обязана не просто своим становлением в профессии, но и в существенной степени формированием своего мировосприятия.

Вы такие разные –
и все-таки вы вместе

Кафедра социально-экономических систем и социальной политики Вышки сама по себе всегда была в моих глазах собранием неординарных и интересных людей, крупных ученых, для которых наука не ограничена рамками той или иной дисциплины, – чего только стоит преподавательский состав, у которого мы учились: О.И. Шкаратан, Н.И. Лапин, В.Н. Лексин, Н.Е. Тихонова... И вместе они были не просто коллективом, который обучал определенному набору дисциплин, а калейдоскопом мировоззрений, подходов, идей. Не обходилось и без творческих разногласий, но на кафедре всегда царила атмосфера доброжелательности и открытости. При этом, став частью кафедры на четвертом курсе, мы, студенты, ощутили заинтересованность в нас, готовность с нами общаться и работать, что выливалось в продолжительные неформальные посиделки с бурными дискуссиями и душевными беседами обо всем на свете в разном составе.

Мы выбираем, нас выбирают...

Наталья Евгеньева Тихонова всегда была и остается в первую очередь академическим ученым. Она входит в число ключевых специалистов по социальной структуре в России – области крайне непростой и многогранной. Для того чтобы изучать общество в его единстве и многообразии одновременно, необходимо не только многое знать (в разных областях, от истории до философии) и уметь – важно чувствовать его, понимать на интуитивном уровне, чего у Натальи Евгеньевны не отнять.

Мне посчастливилось пересечься с ней, по сути, в начале ее преподавательского пути. Наше знакомство в 2004 г. по времени совпало с тем моментом, когда она пришла работать в Вышку и возглавила кафедру. В то время я, студентка четвертого курса, столкнулась с необходимостью выбора научного руководителя для дипломной работы. Присматривалась, безусловно, в первую очередь к тем профессорам, которые вели у нас курсы в тот период. Наталья Евгеньевна читала лекции по поведению потребителей, и то, как она это делала, было для меня достаточно непривычным: немного теории и много «рассказов про то, как устроено» потребительское поведение, как ведут себя люди. Сейчас я могу сказать, что это был авторский курс с активным использованием результатов эмпирических исследований, а в тот момент казалось, что это просто был курс, не оторванный от реальной жизни. Она рассказывала про общество и отдельные его группы, объясняя сложные вещи про устройство социума и поведение людей через простые и наглядные примеры, которые мы наблюдали в повседневности. И мне это было понятнее, ближе и интереснее, чем теоретические модели, с трудом описывающие реальность. Вот тогда-то я и решила подойти к ней с просьбой о научном руководстве моим бакалаврским дипломом. И это, конечно же, был выбор человека, с которым я хотела работать, а не выбор направления или темы. Наталья Евгеньевна же в тот момент присматривалась к группе, чтобы «взять на поруки» несколько дипломников, и я оказалась в числе тех, с кем она была

готова работать (нас таких в результате набралось пятеро). А работать пришлось немало... В том числе и Наталье Евгеньевне.

В итоге я по примеру моего научного руководителя занялась вопросами социальной стратификации – изучением благополучных слоев населения. Правда, впоследствии, уже в магистратуре, сконцентрировалась на изучении социальной политики, чем по большей части занимаюсь по сей день. Свою магистерскую и кандидатскую диссертации я посвятила вопросам пенсионного обеспечения и пенсионерам как социальной группе в целом.

Вместе весело шагать...

Наталья Евгеньевна – социолог по профессии и философ по мировосприятию – в работе с нами, своими студентами, определяла свою первоочередную задачу как необходимость «поставить мозги», сформировать образ мышления, научить задавать вопросы и выстраивать логику анализа. А это куда сложнее, чем просто передать совокупность знаний, и для этого, пожалуй, нет универсального инструмента. Значительную часть работы со своими студентами она выстраивала в виде бесед, продолжительных и многочисленных, с рассуждениями о том, что лежит в основе того или иного процесса или явления и к чему это может привести. Поводом для разговоров были и подготовленные нами тексты, и ее новые работы, мероприятия, которые мы посещали, и реализуемые совместно проекты (а их за эти годы было немало) – как, впрочем, и вопросы, возникавшие в жизни, вне учебы и работы. Я глубоко убеждена, что именно такие беседы и позволяют лучше перенять опыт – как за счет вербальных, так и за счет невербальных механизмов общения.

Наши встречи практически сразу, с начала работы перенеслись из кабинетов университета в уютную гостиную в квартире Натальи Евгеньевны. По большей части здесь мы собирались разным составом: один на один,

в группе дипломников-сокурсников (той самой пятерки) и всей молодежи, с которой как научный руководитель работала Н.Е. Тихонова, а также в разношерстных компаниях в связи с теми или иными проектами.

В ходе общения Наталья Евгеньевна старалась открыть нам глаза на научную работу и привить вкус к ней. Уже на четвертом курсе я и еще пятеро коллег-однокурсников стали участниками реального исследовательского проекта Института социологии РАН под руководством Натальи Евгеньевны, написали тексты, которые позже легли в основу глав книги о собственности в восприятии россиян: мой первый опубликованный текст был посвящен поведению россиян в сфере страхования и финансовой сфере. У нас впоследствии сложилась настоящая исследовательская группа, костяк которой до сих пор практически ежегодно совместно работает над различными проектами, в первую очередь по социально-экономической проблематике. За последнее время это были проекты, посвященные малообеспеченности, модернизации, итогам двадцати лет реформ, бедности и т.д.

Еще в период учебы при реализации целого ряда исследований у нас была возможность освоить практически все этапы научной работы, в том числе и совместной. Особенно ярким был период коллективной работы над изучением социокультурных особенностей России. Это еще одно направление исследований, в котором Наталья Евгеньевна Тихонова сегодня является признанным экспертом. Она привлекла нас к своей научной работе в этой сфере, и вся наша дружная команда занялась изучением социокультурного портрета населения страны через призму концепции модернизации. Это был бесценный опыт. Особое оживление вызывало апробирование на себе и друг на друге разработанных методик по выделению различных типов сознания и поведения населения, когда члены команды оказывались по разные стороны баррикад, например, принадлежали к различным мировоззренческим группам: кто-то к модернистам (я традиционно попадала в их ряды), кто-то к традиционалистам.

Конечно, у каждого из нас существовало желание выделиться, отличиться успехами, что неудивительно, если речь идет о молодых и амбициозных людях. При этом Наталья Евгеньевна так организовала нашу работу, что мы, «ее молодежь», с одной стороны, достаточно много работали вместе, а с другой стороны, имели свои сферы ответственности. Она вообще удивительно точно определяла наши особенности, сильные стороны, в том числе и как исследователей (а мы все оказались такими разными): кто-то из нас лучше остальных систематизировал и концептуализировал уже имеющиеся наработки в предметном поле, кто-то активнее остальных генерировал идеи и видел нестандартные решения, кто-то мог представить полученные коллективом результаты на относительно высоком уровне обобщения... кто-то лучше считал, кто-то лучше писал... Со временем это позволило нам увидеть друг в друге не конкурентов, а товарищей по команде. Стоит сказать, что из семи человек, с которыми Наталья Евгеньевна тесно работала хотя бы в рамках магистерских диссертаций в последние годы, шесть сегодня работают в различных подразделениях Вышки.

Кстати, в сотрудничестве с Натальей Евгеньевной формирование академического мышления гармонично сочеталось не только с моими поисками себя в профессии, но и с выбором жизненного пути, и за помощь во всем этом я ей несказанно благодарна. В какой-то момент, поверив ей как учителю, я, словно губка, начала впитывать «закачиваемый в меня» человеческий и культурный капитал. Главное в этом процессе было не сопротивляться.

Все течет, все изменяется...

Мое становление в профессии и общение с научным руководителем было неразрывно связано с Вышкой: здесь я училась, на втором курсе магистратуры начала преподавание с проведения семинаров по курсу Натальи Евгеньевны «Основы социальной политики». Сегодня мы вместе читаем лекции, у меня появились свои курсы.

Я стала самостоятельным исследователем и уже сама руковожу подготовкой студенческих дипломов и магистерских диссертаций. Теперь мы с моим научным руководителем работаем как коллеги, и у Натальи Евгеньевны – новые студенты, аспиранты... Они также приходят, а кто-то и остается работать в команде: на нашей кафедре, на других факультетах и в научных подразделениях Вышки... Однако «взросление» не отменило моей потребности в Учителе. Мне все так же нужна определенная система отношений: с беседами, «разборами полетов» и даже нравочениями. К счастью, мы продолжаем работать вместе: над учебными курсами, исследовательскими проектами... хотя и в менее тесной связке. Наши встречи все реже посвящены обсуждению моих текстов, но все чаще уже не имеют повода, а диктуются просто желанием увидеть друг друга и пообщаться.

А напоследок я скажу...

Работа в Вышке, казалось бы, стала логичным продолжением обучения в университете: что может быть роднее и ближе *alma mater*! Однако для меня этому предшествовало принятие одного из самых главных решений в моей жизни – выбор профессии. Академическую среду ни с чем не сравнить, и, став ее частью, уже трудно от нее отказаться. Только вот рассмотреть ее и понять порой невозможно без проводника. Для меня им стал научный руководитель. Наталья Евгеньевна создавала для меня и других своих студентов возможность познакомиться с различными видами деятельности в профессии. Мы попробовали весь спектр операций в рамках исследований, готовили заявки на гранты и отчеты по ним, преподавали в аудитории и давали индивидуальные консультации студентам младших курсов, знакомились и работали с российскими и зарубежными коллегами, писали тексты разных жанров... И все это подкреплялось активными обсуждениями впечатлений от работы, возможностей, которые она давала, и нюансов, которыми отличалась. В своем общении со студентами сегодня я также стараюсь не просто помочь им научиться

рассуждать, но и рассказать о тех или иных шансах, которые дает академическая среда в целом и Вышка в частности. Я уверена, что во мне как исследователе, преподавателе и даже человеке заметен четкий след, оставленный рукой мастера, моего Учителя – Натальи Евгеньевны Тихоновой, и мне остается только надеяться, что когда-нибудь и я смогу сыграть подобную роль в чьей-то судьбе.

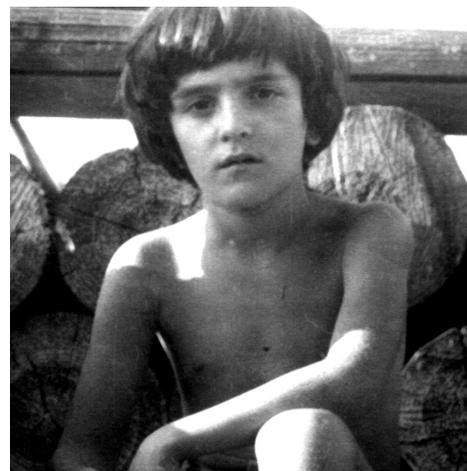

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ КИБРИК

- Родился в семье художников Е.А. Кибрика и Л.Я. Тимошенко в Ленинграде.
- В 1961 г. окончил классическое отделение МГУ им. М.В. Ломоносова.
- С 1962 г. – преподаватель Отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.
- В 1965 г. защитил докторскую диссертацию «Модель автоматического анализа письменного текста (на материале ограниченного военного подъязыка)».
- 1992–2012 гг. – руководитель отделения и заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.
- Руководитель работ по описанию большого числа малых языков России.
- Один из основных организаторов конференции «Диалог» по компьютерной лингвистике и ее приложениям.
- Член-корреспондент Российской академии наук, член Британской академии социальных и гуманитарных наук (British Academy for the Humanities and Social Sciences).
- Автор более 250 научных публикаций, в том числе на английском и французском языках.
- Основные работы: «Фрагменты грамматики хиналугского языка» (1972), «Арчинский язык: тексты и словари» (1977), «Сопоставительное изучение дагестанских языков» (1988), «Константы и переменные языка» (2003).
- Заслуженный деятель науки Республики Дагестан.

МИХАИЛ ДАНИЭЛЬ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Александр Евгеньевич Кибрик:
Отец-основатель, или Командные методы
в современной лингвистике

Своей научной судьбой я обязан сразу нескольким старшим меня людям. Один из них осветил первые годы моей студенческой жизни своим неиссякаемым оптимизмом и жизнелюбием; другой относился как к младшему брату, поощряя любые, даже самые причудливые извивы моей научной мысли; третий сделал так, что стало возможным заниматься наукой, не отвлекаясь на мысли о хлебе насущном. Никого я не могу назвать своим учителем в точном смысле этого слова: студенческие годы я провел жовиально и потому остаюсь самоучкой, набравшим лоскутный запас знаний из опыта конкретных исследований и из разговоров. Еще полгода назад выбрать, о ком писать такой очерк, мне было бы эмоционально трудно. Однако сейчас – именно сейчас – выбор совершенно очевиден. 31 октября 2012 г. умер Александр Евгеньевич Кибрик, выдающийся российский лингвист, специалист по языкам Дагестана и синтаксической типологии, основатель целой научной школы, автор

некоторых важных идей современной лингвистики. Последние десять лет я работал с ним, под его началом. Я бы даже сказал, под его родственной опекой. Работал – и продолжаю работать – на Отделении теоретической и прикладной лингвистики, в старейшем и самом авторитетном центре теоретического лингвистического образования в России. На ОТиПЛе, который в нынешнем своем виде если не всем, то очень и очень многим обязан А.Е. Кибрику.

Наука

Как рассказывал сам А.Е., в 60-е старшие коллеги иногда просили его пересказывать свежую западную литературу. Мне в это даже трудно поверить. А.Е. совершенно не вяжется у меня с образом ученого, прилежно отслеживающего публикации в зарубежных журналах; да и английский его был далек от идеала. Говорят, в 60–70-е, когда большинство лингвистов, в том числе очень талантливые и либеральные, считали отечественную науку более чем самодостаточной, он был проводником западных теорий.

Допускаю, что А.Е., которого я знал, отличался от самого себя в те годы; но все-таки мне хочется считать, что то, что воспринималось как западничество, хотя бы отчасти было следствием его интеллектуальной независимости. Причем если интерес к западной литературе со временем скорее отходил на второй план, то независимость, несомненно, росла. Начиная с какого-то момента в его научной жизни (если угадывать, я бы говорил о середине 70-х годов) он все или почти все придумывал сам. Иногда рассуждения А.Е. казались мне умозрительными, но они всегда были абсолютно первичны. Он готов был поделиться своими мыслями, но ему, мне кажется, было не так важно, насколько убедительно они прозвучат. Внутри себя он был уверен в своей правоте, сдвинуть его было очень сложно (разве что по мелочи; впрочем, я опять слишком смело экстраполирую свой личный опыт?), он мог подвинуться только сам, скорее в ходе внутреннего монолога, чем дискуссии. Но если посмотреть на эволюцию его взглядов, становится ясно, насколько долг путь, который он успел пройти.

Многие сейчас вспоминают его «Лингвистические постулаты». Кто-то сказал недавно, что эта статья, бросавшая вызов доминирующим представлениям о задачах и методах лингвистики, тогда многим показалась нелепицей. Сейчас уже приходится объяснять студентам, почему отказ от моделей класса «черный ящик» или пересмотр сферы семантического в языке были настолько революционны. Постулаты отражали смещение интересов А.Е. от абстрактных моделей структуралистской «чистой лингвистики» к моделям, ориентированным на речевое поведение. Это смещение – отчасти катализируемое его занятиями прикладной лингвистикой – сперва привело его в лагерь функционалистов, а в конце концов к тому, что он стал называть себя когнитивистом. Но ни в том, ни в другом случае он не шел в кильватере научных направлений – я почти уверен, что он и знакомился-то с этими школами уже после того, как изобретал для себя их идеи. Чужие методологические рамки были ему тесны; его когнитивизм, кажется, сводился к тому, что он считал

для себя обязательным не только описать лингвистический факт, но и дать ему интерпретацию во внешних, нелингвистических терминах.

Самым замечательным, самым доступным и самым нетривиальным постулатом из этого давнего, уже почти тридцатилетней давности трактата остается постулат о простоте: «Сложны лингвистические представления о языке вследствие их неадекватности, а язык устроен просто». Этот постулат лежит вне научных парадигм, он носит метатеоретический характер. Именно поэтому он дольше остальных сохранит научную свежесть.

ОТиПЛ и экспедиции

Попав на Отделение еще молодым человеком, А.Е. навсегда слился с ним в единое целое. Сейчас, когда его уже нет, ОТиПЛ кажется неотделимым от мысли о нем – как бывает, когда человек вкладывает во что-то всю свою душу, все свои мысли. Отделение формировалось, жило вместе с ним. Создал его не А.Е., но он единственный, кто прошел вместе с Отделением все годы его существования, в том числе и тот темный период, когда кафедра была объединена с через стену расположенной кафедрой общего языкознания, а всеми жизненными процессами ОТиПЛа управляли чуждые ему люди. С 90-х годов А.Е. стал заведующим кафедрой и уже формально главным человеком на Отделении. Он пробыл им более двадцати лет, думая об Отделении постоянно, до самого дня своей смерти.

Многие известные российские лингвисты учились на Отделении. Некоторые из них считают себя учениками А.Е. Большинство прошли через лингвистические экспедиции. В 60-е годы А.Е. побывал в диалектологической экспедиции и придумал, что экспедиции можно организовывать и для изучения малых языков, благо, чем-чем, а языковыми меньшинствами необъятная наша родина изобильна. Идея заключалась в том, чтобы приехать на место с группой студентов и изучить никому не знакомый язык.

Важным принципом полагалось незнание литературы по данному языку: студенты не должны быть «испорчены» традицией существующего описания. Это была та же самая идея, которая определяла теоретическую деятельность самого А.Е. Он хотел сам определять для себя важные опорные точки как в теории, так и в полевой работе.

А.Е. побывал на Кавказе более сорока раз, в основном в Дагестане. Эти поездки имели разную длительность – от двух месяцев в блаженные советские времена, когда спешить было некуда и не на чем (университетский грузовик с провиантом отправлялся из Москвы, а экспедиция ехала на поезде), до десятидневных блицев нулевых, когда время замерялось чуть не по секундомеру и мы прямо из аэропорта на местной газели выдвигались в горы, закупаясь в одном из предгорных поселков.

Он любил эту страну и ее людей. Он посвятил этим языкам почти всю свою жизнь. Он был предан им. Этого не смогли истребить и те неприятные происшествия, которые случались с ним начиная с конца 90-х. После очередного безобразия А.Е. заявлял во всеуслышание, что это последняя его поездка в Дагестан, и каждый раз его хватало максимум на два–три года. Мне кажется, что в его – передавшейся нам – привязанности к Дагестану есть нечто от одержимости:

*Чем движим был поток их? Тем ли,
Что кто-то посылал их в бой?
Или, влюбляясь в эту землю,
Он дальше влекся сам собой?*

Еще одно место, которое привязало его к себе, была Камчатка. Все без исключения участники камчатских экспедиций вспоминают историю о путешествии на небольшом кораблике. В какой-то момент у пассажиров возникло стойкое ощущение, что кораблем никто не управляет. Действительно, выяснилось, что команда мертвецки пьяна и спит в разных углах корабля, а рулевой без чувств повис на штурвале.

Согласно легенде, А.Е. твердой рукой взялся за рулевое колесо и повел корабль в пункт назначения. Когда эту историю рассказывал А.Е., он уточнял, что для причаливания пришлось-таки привести капитана в чувство. Это придавало рассказу неожиданную реалистичность. А.Е. умел брать на себя единоличную ответственность, или, лучше сказать, постоянно нести ее груз. Кажется, он сам когда-то придумал называть свой метод командно-полевым.

Человек с киноаппаратом

В одном из своих интервью А.Е. рассказывает, что в юности мечтой его было стать кинорежиссером и что отец как-то подарил ему простенькую кинокамеру. Кинорежиссером он не стал, но с идеей film making совсем распрощаться не смог. Студентом он снял фильм «Нет слов». Слов в фильме и правда не было, но, по-видимому, и без слов фильм реалистично отражал повседневную студенческую жизнь. Сцену, снятую на занятии по политэкономии, ему припомнили после окончания университета, и в аспирантуру он не попал.

Много лет спустя преданность киноаппарату сохранялась. В 70-е А.Е. снял фильм про поездку в Дагестан, который, к сожалению, не сохранился, и другой, про экспедицию на Камчатку, который отреставрировала его ученица О.В. Федорова. Поездки 90-х мы снимали на только что появившиеся компактные видеокамеры. А в 2007 г. А.Е. пригласил в экспедицию профессионального оператора, который снял фильм о документировании малого языка, и потом уже сам потратил массу времени на озвучку.

Что это было? Наверное, понемножку – и память юности, и популяризация полевой лингвистики, – но, главное, все-таки любовь к кинокадру, что-то из эпохи Люмьеров. Он совсем не был киноманом в современном смысле этого слова. Мне кажется, его когда-то заморозила возможность перенести реальность на целлулоид.

Конец

В нулевых годах, с ревностью следя за эволюцией методов полевой работы, А.Е. решил, что пришло время посетить места полевой славы – языки, с которых он начинал свои исследования: арчинский, хиналугский, алыторский. Думаю, ему не нравилось, что его работы постепенно становятся историей. Требовалось перенести старые словари и тексты с бумажных носителей в аудиоформаты, как это полагается по последнему слову технологий документирования малых языков. Но в жизненной логике такая ретроспективность, по-видимому, свидетельствует о том, что он расставлял точки.

За несколько лет до этого он устроил меня на работу в МГУ, а вскоре после взял преподавать на ОтиПЛ – это было мое почти первое постоянное место работы. Но только после старта этих проектов мы стали общаться постоянно и плотно. Чуть не через день созванивались и часами разбирали морфологические проблемы конкретных арчинских словоформ, предложение за предложением. Иногда он хвалил меня за внимательность к языковому материалу – тогда мне казалось, что я вырастаю на несколько сантиметров. Ему доставляло удовольствие общаться по телефону (не знаю, как раньше, но в нулевые он просто прикипел к трубке), а мне – слушать его голос. Довольно часто и без повода он смеялся, как-то очень уютно, слегка надтреснуто, по-стариковски (хотя тогда бы мне и в голову не пришло употребить это слово). Это был какой-то радостный смех.

Полевую работу мы во многом делали без него. Но три раза он все-таки съездил с нами в поле. В одной из этих поездок мы были с нашей дочкой, тогда еще маленькой, и я до сих пор радуюсь при мысли о том, что она побывала в экспедиции с ним. Это были «домашние» экспедиции: с одной стороны, семья и близкие друзья, с другой – А.Е. в новой, родственной ипостаси, совсем не такой далекий и суровый, по сути чужой человек, которого я помнил, как в дымке, из 1990 г. – первой поездки в Дагестан, в селение Мегеб, где я проштрафился бездельем и был надолго отправлен в отставку.

И даже не уже более мягкий, чуть стареющий А.Е. образца 97-го, который, поддавшись на уговоры своих учеников, предоставил мне еще один шанс, и я поехал в селение Кванада. В 2000-х дистанции уже не было никакой, он свел ее на нет, это был не просто близкий, а очень близкий человек, с которым можно было говорить обо всем, даже если договориться удавалось редко.

Во время последней поездки в Хиналуг с ним случился непонятный приступ, он слег и долго не вставал, чем всех нас изрядно напугал. Но приступ прошел, мы вернулись домой, и жизнь пошла прежним чередом. Кажется, только спустя два года стало ясно, что все очень серьезно. Болезнь шла волнами, на спадах А.Е. не подходил к телефону. Но на взлетах – из-за которых я, собственно, решил написать и об этом времени – А.Е. приезжал в университет, обсуждал кафедральные дела, научные проекты. В это время я иногда подвозил его. По дороге он жаловался, что родственники не разрешают ему водить машину – и как это ему необходимо. А я слушал его и думал: он же с трудом ходит. Про себя, а изредка и вслух, я говорил ему, что родственники правы. Но было понятно, что эти необязательные поездки на работу, необязательные разговоры – это была борьба, мобилизация всех жизненных сил на то, чтобы хотя бы временно пересилить болезнь, чтобы доказать себе и ей, кто главный. Вероятно, это сократило срок – но без этого он, очевидно, не мог. Трудно себе представить А.Е., покойно лежащего в кровати, целенаправленно экономящего силы на лишний день жизни. Выходит, в каком-то смысле он сам отмерил свое время – то есть, по большому счету, победил.

НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА ЛЕБЕДЕВА

- Родилась в Ярославле.
- В 1975 г. окончила Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.
- В 1997 г. защитила докторскую диссертацию «Социальная психология аккультурации этнических групп».
- Член Международной ассоциации кросскультурной психологии (*International Association for Cross-Cultural Psychology*, с 1986 г.).
- Основатель и первый председатель секции этнической психологии при Российском психологическом обществе (1997–2003).
- Профессор кафедры организационной психологии, заведующая Международной научно-учебной лабораторией социокультурных исследований Экспертного института НИУ ВШЭ, член редколлегии международного научного журнала «*Ethnic Studies*».
- Автор 19 монографий, 8 учебных пособий и более 200 статей (в том числе 21 публикации на иностранных языках) в области этнической и кросскультурной психологии.
- Основные работы: «Введение в этническую и кросскультурную психологию» (1999), «Толерантность в межкультурном диалоге» (2005), «Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России» (2009).

АЛЕКСАНДР ТАТАРКО

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Надежда Михайловна Лебедева:
Учитель, ученикам которого просто повезло

Время ученых-одиночек постепенно уходит, и люди, занимающиеся наукой время от времени, задумываются: что нужно для того, чтобы создать команду, которая смогла бы делать общее дело, реализовывать общие идеи? какими особыми качествами должен обладать ученый? какими должны быть его идеи, чтобы зажечь интерес в окружающих? Чаще одной личности трудно совместить в себе эти грани. Ученый может иметь замечательные идеи, но люди к нему не тянутся, или человек может быть прекрасный, а вот с идеями не очень получается. Но некоторым людям удается сочетать в себе эти стороны: окружающие любят их, и идей у них много – так много, что хватает на целый коллектив. И тогда формируется научная школа. Как сформировать социальный капитал научного коллектива и сделать этот коллектив успешным? Я уверен, что все начинается с личности Учителя, создающего коллектив. Ниже я хочу рассказать о главных, с моей точки зрения, особенностях и качествах ученого, который становится Учителем и создает вокруг себя коллектив интересующихся наукой людей.

Я расскажу об этих качествах, опираясь на свой собственный опыт работы с таким учителем – Надеждой Михайловной Лебедевой. Итак, как должно начинаться знакомство с Учителем?

Первое знакомство должно состояться на страницах книг и журналов, в которых опубликованы труды Учителя

Как-то после одного из рабочих совещаний Евгений Григорьевич Ясин шутя сказал: «Я влюбился в Надежду Михайловну сразу, как только прочитал ее статью по ценностям русских». Мне хорошо понятны эти слова, потому что интерес к кросскультурной психологии завладел мной, когда я, будучи студентом, стал читать научные работы Надежды Михайловны. Можно сказать, что первое мое знакомство с нею было заочным и состоялось в 1999 г., когда мне в руки случайно попал ее учебник «Введение в этническую и кросскультурную психологию». Эта научная дисциплина занимается изучением психологических и поведенческих особенностей представителей различных стран, наций, народов, которые обусловлены их этнической культурой.

Я был студентом второго курса Государственного университета гуманитарных наук. Этот учебник я прочитал взахлёб. Я уже начал интересоваться кросскультурной психологией (хотя читалась она нам только на четвертом курсе), эта дисциплина мне была интересна, но я еще никак не предполагал, что эта область психологии станет основной сферой моей дальнейшей научной работы. Мои научные интересы лежали, скорее, в сфере экономической психологии, так как мое первое образование было экономическим. Надежда Михайловна читала этническую психологию у нас в университете, и когда на четвертом курсе я познакомился с ней, то без всяких сомнений пошел к ней писать дипломную работу и решил в дальнейшем поступать к ней же в аспирантуру.

Умение требовать, но давать свободу творчества

Практически сразу я столкнулся с особым стилем работы Надежды Михайловны с учениками: полная свобода творчества, эгалитарное отношение к ученикам в работе, юмор, но все это в сочетании с требованиями высокого качества работы и хорошей результативности. Так как Надежда Михайловна много работала с иностранными партнерами, многие из ее учеников участвовали в международных исследованиях: это не только привлекало к ней учеников, но и позволяло тем, кто работал с ней, быть в курсе самых последних разработок в своей области.

Я сразу обратил внимание, что Надежда Михайловна заражала своих учеников не только интересом к науке, но и тягой к международному научному сообществу, стремлением соответствовать мировому уровню качества в работе. Я помню, как мы, будучи аспирантами, довольно активно подавали заявки в различные фонды на финансирование зарубежных командировок. Нам хотелось, как и Надежда Михайловна, ездить за рубеж и принимать участие в конгрессах Международной ассоциации кросскультурной психологии, на которых собирались самые «сливки» мирового научного сообщества в этой области.

Кстати, впоследствии именно контакты в рамках Ассоциации позволили сделать нашу лабораторию международной (ныне это Международная научно-учебная лаборатория социокультурных исследований НИУ ВШЭ). Мы активно писали в различные фонды заявки на реализацию исследовательских проектов. На самом деле мы, ученики, старались подражать Надежде Михайловне: быть успешными в научных изысканиях, пытаться генерировать оригинальные идеи, публиковаться, задумливать амбициозные проекты, выигрывать гранты на них и успешно реализовывать свои замыслы, заканчивая годы исследований обобщающими монографиями. Иногда получалось, иногда нет, но именно так и шло наше научное развитие.

Неустанная энергия и множество идей

Складывалось так, что и среди отечественных специалистов Надежда Михайловна сотрудничала в основном с ведущими профессионалами высокого уровня, поэтому нам как ученикам всегда приходилось тянуться за ними в совместной работе, а совместная работа с высококлассными профессионалами постепенно расширяла научный кругозор.

В работе меня всегда поражала потрясающая энергия Надежды Михайловны. Она ставила перед собой и, соответственно, перед своими учениками обширные и довольно амбициозные цели. Нам, ее ученикам, тоже приходилось всегда стремиться к этим целям, стараться достичь их изо всех сил. Конечно, не всегда получалось воплощать в жизнь все научные планы, но даже когда мы осуществляли небольшую их часть, выходило сравнительно немало. В частности, за время работы в Вышке усилиями Надежды Михайловны была с нуля создана Международная научно-учебная лаборатория, в которой работают около двадцати пяти человек под руководством двух иностранных ученых (руководителя П. Шмидта и научного консультанта Ш. Шварца), запущена магистерская программа «Прикладная социальная психология». Часть курсов на магистерской

программе читается ведущими иностранными специалистами на английском языке, и конкурс на программу постепенно растет. Происходит это не само собой – это результат усилий нашего коллектива, преимущественно молодых специалистов из НУЛ, вдохновленных Надеждой Михайловной. Я знаю, каких титанических усилий стоит все это запустить в работу, налаживать контакты с иностранцами, приглашать их. При этом Учитель остается Учителем – у Надежды Михайловны продолжают защищаться аспиранты и соискатели, магистерские и бакалаврские работы ее студентов получают награды. Работая рядом с таким человеком, невозможно ставить для себя низкую планку – просто стыдно.

Неподдельный интерес и вера в свое дело

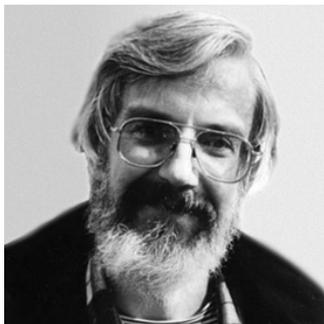
Иногда я вижу, как в гуманитарных науках некоторые ученые, весьма успешные и делом своим интересующиеся, где-то в глубине себя не очень верят в то, что они делают, не верят, что они могут сделать что-то важное. Часто бывает и наоборот – люди сознательно преувеличивают и раздувают важность своих изысканий, но это опять же от неверия в глубине души в свое дело. Создать настоящую школу может только тот учитель, который верит в то, что делает, но и разумно осознает ограниченность своих исследований, не скрывая этого от учеников. Вокруг таких ученых начинает формироваться круг учеников и коллег. Сейчас наше сотрудничество с Учителем продолжается: как я уже отмечал, мы работаем на факультете психологии и в лаборатории, которой заведует Надежда Михайловна, а я ее заместитель. Мне интересно наблюдать, как в стенах нашей лаборатории формируется несколько научных поколений. Здесь присутствуют и ученики Надежды Михайловны, которые защищались у нее, а преподавал у них уже я. Работают и защитившиеся у меня молодые кандидаты наук. Занимаются наукой без сомнения талантливые студенты и соискатели, которые также пишут у нас с Надеждой Михайловной сейчас свои курсовые, дипломные и диссертации. Именно интерес, любовь к своему делу – это то, чем вдохновляет Надежда Михайловна своих учеников.

Ученики почти бессознательно стараются следовать ее примеру, а если кто-то вдруг расслабляется, то Надежда Михайловна это сразу замечает и требует от него более качественной и активной работы. Она органически не терпит «халтуры» и того, что делается наспех, – если замечает что-то подобное, требует переделать, поискать, подумать и т.д. Разумеется, приходится стараться.

У Надежды Михайловны как у учителя есть удивительный дар: она может видеть в человеке его потенциал (научный, творческий, потенциал трудолюбия). Наверное, это интуиция, которая развивается с годами. Не раз бывало, что к ней приходили аспиранты или магистры, отвергнутые другими преподавателями или научными руководителями «за бесперспективность». И через некоторое время они защищали у Надежды Михайловны свои диссертации. И не просто защищали, а защищали блестяще. Как-то Надежда Михайловна сказала про своих аспирантов: «У меня защищаются все». Это действительно так. Если у человека есть мотивация, то далее, имея хорошего научного руководителя (а Надежда Михайловна – отличный научный руководитель), он всегда может сделать интересное исследование. Именно эту неподдельную мотивацию к науке и способна тонко почувствовать Надежда Михайловна, а далее, при умелом руководстве, у аспиранта получается хорошая диссертация.

Искренняя любовь к ученикам

Сейчас Надежда Михайловна, как всегда, полна планов, оригинальных идей, у нее много учеников, с ней работает много студентов. Как-то она сказала, что самое дорогое для нее в науке – это не столько результаты исследований, сколько мы, ученики. Я думаю, что только при таких установках ученого у него может сформироваться настоящая научная школа. «Чтобы остаться на плаву, придется работать во много раз больше и всегда быть на две головы выше других специалистов» – примерно такие слова можно услышать от Надежды Михайловны. И ученики ее действительно растут в научном плане, так как ориентиры у них есть.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ЗЕМЛЯКОВ

- Родился в г. Бологое.
- В 1972 г. закончил механико-математический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1983 г. защитил кандидатскую диссертацию по методике преподавания математики.
- 1968–1984 гг. – учитель физико-математической школы № 18 г. Москвы.
- 1975–2005 гг. – учитель математики средней школы № 82 г. Черногоровка.
- С середины 1990-х годов почти прекратил практическую преподавательскую деятельность, сосредоточившись на создании методических пособий для учителей.
- Автор многочисленных книг и статей по математике.
- Основные работы: «Геометрия в 10 классе: Методические рекомендации к учебнику А.В. Погорелова» (2003), «Алгебра +: Рациональные и иррациональные алгебраические задачи. Учебное пособие» (2006).

АЛЕКСЕЙ ЗАХАРОВ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

**Александр Николаевич Земляков:
Лучший из лучших**

Наверное, я несправедлив по отношению ко всем остальным своим школьным учителям. Но именно после знакомства с Александром Николаевичем Земляковым, преподававшим нам математику в 10–11 классах, я понял – не сразу, конечно, – что преподавание может (и должно) быть значительно больше, чем просто профессия, чем просто передача знаний за 45 минут между двумя звонками. Земляков был первым из встретившихся мне настоящим педагогов. Сейчас, работая в Вышке, я сам понимаю: трудно быть хорошим педагогом, если разделять время на рабочее и нерабочее, свободное от мыслей об учениках.

Жизнь, отданная ученикам

Он был профессионалом высшей пробы, покинувшим ради своих учеников большую науку. Он был одним из учеников академика Якова Синая и, по словам знакомых с этой областью людей, являлся одним из авторов теории о бильярдах – математической модели поведения бильярдных шаров на столе определенной формы, позволяющей моделировать некоторые физические процессы. Но более чем за тридцать лет, которые он отдал преподаванию, он успел сделать очень многое – сначала в интернате имени Колмогорова (который закончил в 1967 г. с золотой медалью), затем в Черноголовке, где вел математику в физико-математических классах средней школы № 82. Он выпустил более 25 классов, написал замечательный учебник по геометрии и бесчисленное количество учебных пособий (многие из которых, как говорят, до сих пор используются в колмогоровском интернате).

Защитил кандидатскую диссертацию – не по физико-математическим наукам (что он мог бы легко сделать), а по менее престижному педагогическому – зато по своей теме: методика преподавания математики в специализированных классах средней школы. После защиты диссертации он единственный раз в жизни сбрил свою знаменитую бороду, добавлявшую ему легендарности в глазах школьников. Взрослым людям все было ясно и без бороды – Земляков был Учителем, посланным на землю свыше.

Наши уроки математики не ограничивались обычной школьной программой. На самом деле, знание программы за 10 класс было необходимо для того, чтобы просто поступить учиться в его физматкласс (в который принимали по итогам учебы в двухнедельной летней школе). Он постоянно рассказывал что-то новое – часто то, что недавно услышал сам. Все, о чем он говорил, – будь то анализ, алгоритмы сортировки данных, методы приближенного интегрирования или основы теории групп, – звучало просто и доступно для понимания.

За двадцать лет значительная часть школьной программы уже успела выветриться из головы. Остались навыки, в том числе умение решать задачи, доставшееся за в общем-то небольшое проведенное в его компании время. Самым тяжелым наказанием, которое он мог назначить плохо ведущему себя ученику, было удаление «за дверь» до конца лекции – но таких удалений я помню совсем немного. Мы, плохо воспитанная и слишком много думающая о себе интеллигентская молодежь, на земляковских лекциях вели себя тихо (чего нельзя было сказать о других предметах).

Уровень понимания материала был таков, что он легко мог (если этого требовали обстоятельства) сменить тему или рассказать пример, внезапно вспомнившийся ему благодаря чьему-то случайному вопросу. Такое же качество изложения материала я сейчас наблюдаю на конференциях у некоторых сильных ученых и некоторых университетских профессоров.

Я чувствую гордость, если у меня самого получается прочесть лекцию так – на одном дыхании, отвечая на все вопросы и держа аудиторию в напряжении.

Александр Николаевич старался поддерживать контакт со своими учениками после выпуска. Вернее, многие сами тосковали по его компании. Из самых способных выпускников он набирал себе команду – три-четыре человека, помогавшие ему работать с учениками. Они преподавали нам программирование, астрономию, вели семинарские занятия по математике наподобие университетских. Один из моих одноклассников, которому Земляков после выпуска предложил вести программирование, отказался (из-за проблем с глазами врачи посоветовали ему поменьше работать на компьютере) – и до сих пор жалеет об этом: «Я только сейчас понял, какое доверие мне оказали».

Поэзия и математика

В каждом полугодии первая и последняя лекции Землякова всегда были посвящены не математике, а литературе. Именно он познакомил большинство из нас с латиноамериканскими писателями: Кортасаром, Борхесом и Маркесом. Именно от него мы узнали многое о некоторых поэтах Серебряного века, о Бродском, о других авторах, выходявших за рамки нашей школьной программы. Во многом эти лекции были интереснее, чем уроки литературы, хотя надо сказать, что и литературу в нашей школе преподавали очень неплохо; Земляков часто спрашивал учителя литературы о наших успехах. Александр Николаевич любил повторять чью-то запомнившуюся ему фразу: «Кто научился читать стихи, тот никогда не станет сволочью». Нам было немного смешно это слышать: тогда никто из нас по-настоящему не знал, что такое «сволочь». Но сейчас, двадцать лет спустя, эти слова воспринимаются всерьез. Сейчас понятно, что для чтения стихов необходима любовь – а ведь именно она воспитывает те моральные качества, которые отличают порядочного человека от не порядочного.

Однажды мы с подругой решили зайти к нему домой после вечеринки. Мы немного боялись: как страшный и ужасный Зем примет нас в десять вечера? Но сейчас я понимаю, что он был очень рад нашему приходу. И что ему было очень одиноко в его прокуренной, заваленной книгами однокомнатной холостяцкой квартире. Мы просидели у него до трех часов ночи, разговаривая и слушая музыку (у него было полное собрание альбомов «Аквариума» и «Наутилуса»). Львиную долю этого времени он рассказывал нам о том, что интересовало его больше всего, – о своих учениках. Как я сейчас понимаю, Александр Николаевич никогда не говорил ни о ком плохо и не делил учеников на «сильных» и «слабых». Возможно, он не готов был обсуждать эти вещи с другими учениками – но ведь я общался с ним и после школы. Думаю, что это было потому, что он верил в потенциал и скрытые способности каждого, а еще верил, что реализация этих способностей – на совести учителя.

Александр Николаевич был максималистом. Он мог преподавать по десять-пятнадцать часов в неделю на самом высоком уровне – но вел всего два класса: одному Богу известно, какой груз ответственности он по доброй воле брал на себя за каждого вверенного ему ученика. Он мог бы параллельно делать научную карьеру – но не стал. Он не мог что-то делать вполсилы. Он был одним из тех людей, с которых хочется брать пример – при этом понимая, что их уровень для тебя недостижим.

МАРК ЮРЬЕВИЧ УРНОВ

- Родился в Москве.
- В 1970 г. окончил с отличием факультет международных экономических отношений Московского государственного института международных отношений; продолжил обучение в аспирантуре Научно-исследовательского конъюнктурного института Министерства внешней торговли СССР.
- В 1975 г. защитил кандидатскую диссертацию «Вопросы ценообразования и долгосрочного прогнозирования цен на капиталистическом рынке меди», в 2008 г. – докторскую диссертацию «Эмоциональная атмосфера общества и ее влияние на политические процессы».
- 1993–1994 гг. – руководитель проектов Горбачев-Фонда по социологии и психологии, директор политических программ Фонда «Центр политических технологий».
- 1994–1996 гг. – руководитель Аналитического управления при Президенте Российской Федерации.
- Председатель правления Фонда аналитических программ «Экспертиза».
- 1997–2000 гг. – первый заместитель руководителя Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ.
- Координатор Клуба «Открытый Форум» (с 2003 г.).
- 2004 – 2010 гг. – декан факультета прикладной политологии ГУ–ВШЭ.
- Научный руководитель факультета прикладной политологии и заведующий кафедрой политического поведения НИУ ВШЭ.
- Автор 10 монографий и более 300 статей (в том числе на иностранных языках).
- Основные работы: «Биосоциальная система “человек”» (1983), «Партийная система в России в 1989–1993 годах: опыт становления» (1994), «Современная Россия: вызовы и ответы» (2005).
- Удостоен Почетной грамоты Правительства Российской Федерации (2012).

ВАЛЕРИЯ КАСАМАРА

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Марк Юрьевич Урнов:
Кот, который гуляет сам по себе

Зайдите в кабинет Марка Юрьевича, и вы сразу все о нем поймете. Его окружают книги, много книг: по философии, психологии, социологии, политологии, да и просто хорошая художественная литература. А еще со всех полок на вас смотрят многочисленные кошки и коты, подаренные знакомыми, друзьями, студентами. Марк Юрьевич уважает книги и уважает котов. Да и сам он чем-то похож на кота, как внешне, так и внутренне. В научной работе он предпочитает гордое одиночество и независимость, поэтому и учиться у него очень непросто. Главное – не обижаться. Ведь если ты все же сможешь выдержать его свободолюбивый нрав, то получишь от него очень многое.

Дважды два – четыре

Познакомились мы в самом конце 2000 г. После декретного отпуска я пришла устраиваться на работу в исследовательский центр, где Марк Юрьевич в то время руководил крупным проектом. Помню, как он ко мне присматривался, все хотел понять, профпригодна ли я. А потом вдруг задал вопрос, который поставил меня в тупик: «А считать-то ты умеешь?» Я посмотрела на него, совсем не понимая, чего от меня хотят, и сказала: «Конечно, умею: и в столбик, и в уме». – «Я не про то, – сказал он. – Знаешь ли, что такое проценты?» Я подумала: «Странный какой-то человек». И ошиблась. Как выяснилось, знать, что такое проценты, недостаточно. Необходимо еще уметь грамотно проводить вторичный анализ социологических данных.

И еще один у Марка был секрет, которым он с нами поделился: когда пишешь отчеты, всегда нужно представлять себе своего заказчика-читателя. Например, он устал, пьян или вообще «в гробу все это видел». «И ваш отчет, – говорил Урнов, – должен быть настолько прозрачен, чтобы даже в этом состоянии заказчик все понял». Теперь я пользуюсь этим методом, когда так же образно рассказываю студентам, как надо писать научные работы.

А потом Марк начал меня учить считать по-настоящему и описывать то, что я посчитала. Я писала абзац, максимум в четыре строки, относила ему в кабинет – и он все перечеркивал. Так могло происходить раз пять, и это изматывало, потому что объем конечного текста оказывался колоссальным. Абзацев было очень-очень много, и во мне крепла уверенность, что написать отчет просто невозможно. Я писала, приносила – он перечеркивал, я уходила. Не знаю, как у меня хватало терпения, но больше меня удивляет, как хватало терпения у него. К счастью, в любом проекте есть дедлайн. Наступил он и у нас. И все было как при любом дедлайне, во все времена: сгорали файлы, ломались принтеры. Одним словом, тридцать три несчастья...

...В десять часов утра мы отдали тома отчета водителю, который и отвез их заказчику. А на работу мы пришли в десять утра предыдущего дня.

После таких суток я сидела на полу и плакала не только и не столько от изнеможения, сколько потому, что вдруг пришло ощущение: я наконец-то научилась считать и у меня теперь есть команда.

Московский интеллигент

Работать с Урновым всегда было тяжело, но мне никогда не хотелось уйти. Мне нравилось и нравится учиться, а в Марке я видела человека, чье отношение к работе вызывало уважение. Ему абсолютно чужда халтура, он

всегда работает на максимуме своих возможностей. Все, что выходит из-под его пера, должно быть безупречно. И этим трепетным отношением к интеллектуальному продукту он удивляет многих. Я крайне редко встречала такое строгое отношение к самому себе. Урнов часто называет себя «невротическим перфекционистом». Насчет «невротического» не знаю, но то, что он перфекционист по натуре – это правда, и этим перфекционизмом он заразил меня; правда, как мне кажется, во мне это было изначально заложено. Он напоминает мне мою первую учительницу, которая за малейшую погрешность снижала оценку на балл, а пятерка ставилась только за безупречную работу в идеальной тетрадке. Пятерка была музейным экспонатом. Это было жестко, но хорошо готовило к жизни. И тут я столкнулась с тем же.

А еще он подкупил меня своим интеллектом. Марк Юрьевич родом из московской интеллигентской семьи. Мама была актрисой, преподавала в Щепкинском училище. Отец был физиком и создателем советской электронной микроскопии. В квартире всегда было много книг. Хорошее воспитание наложило на природную восприимчивость. Он знает бесконечное множество стихов, любит оперу и вообще классическую музыку. Марк и сейчас продолжает меня удивлять своей начитанностью и образованностью. Иной раз, междометием: «А помнишь, как в “Пиковой даме”»: “Однажды в Версале...”?» И хотелось не ударить в грязь лицом. Забавно, но иногда на лекциях он задает вопрос аудитории: «Вы же помните, как в опере такой-то или в произведении таком-то?» – а потом наивно и по-детски расстраивается: «Представляешь, они этого никогда не слушали и не читали».

Мое увлечение «бесовщиной» началось тоже с него. Однажды он мне сказал с укором: «Как ты можешь говорить, что любишь Достоевского, если не читала “Бесов”!» «Сударыня, мой знакомый, благороднейшее лицо, написал одну басню Крылова...» Вот тут-то и началось. «Бесов» я прочитала, потом прочитала еще раз, потом прочитала множество научных работ, посвященных

«Бесам», пересмотрела все театральные постановки, снова перечитала «Бесов». Еще немного – и закончилось бы кандидатской по филологии. Но, слава Богу, переключилась на другую, более прикладную и более «политологическую» тему.

Наши университеты

А потом в нашей жизни появилась Вышка. Шел 2004 г. Марку Юрьевичу позвонил Ясин и пригласил его в университет. Он предложил ему возглавить факультет прикладной политологии. Марк Юрьевич сказал, что придет, но при условии, что придет не один, а с командой. Под командой подразумевалась я, но меня он просто поставил перед фактом: с завтрашнего дня ты работаешь заместителем декана факультета прикладной политологии. Все это случилось слишком неожиданно, я даже не успела опомниться. Не помню, сколько я колебалась, потому что, в отличие от него, понимала все сложности адаптации: новая среда, новые проблемы.

Так вместе мы «стали первокурсниками», вместе «окончили бакалавриат», вместе «поступили в магистратуру». Хотя тут уже у меня были преимущества: я-то имела опыт преподавания, а он его совсем не имел. До этого Марк проводил лишь мастер-классы с умными взрослыми людьми, в основном из бизнес-среды, которые сильно отличались от студентов.

Мы вместе учились, и ему было сложно. Урновский перфекционизм столкнулся со студенческим принципом не откладывать на завтра то, что можно сделать послезавтра.

Ему и сейчас сложно курировать студенческие работы, иногда не хватает терпения из-за трепетного отношения к качеству интеллектуального труда. Он не из тех, у кого можно «проскочить». На факультете уже афоризмом стала его любимая фраза: «Никому ничего нельзя поручить».

По той же причине Марк Юрьевич не любит соавторства. Наверное, единственными людьми, которым удалось добиться расположения профессора, стали сотрудники Лаборатории политических исследований: Ирина Соболева, Антон Соболев, Ярослав Бахметьев и Анна Сорокина. С ними он даже решил на ряд совместных публикаций. А еще устроил «летнюю школу» у себя на даче под Ступином в 2011 г. Вместе они ходили на пруд, катались на велосипедах, пели песни у костра, рассуждали о высоком, кормили комаров (дача Марка Юрьевича по обстановке скорее напоминает дикую природу, чем профессорскую дачу), но и готовили научные публикации.

Может быть, помня о таких «летних школах», в лаборатории за глаза его нежно называют дедом, а в глаза величают Умом: так он подписывает свои письма – «Искренне Ваш, УМ».

Вечный спор

Спорила ли я с ним когда-нибудь? Постоянно спорю. Мы во многом расходимся, у меня совсем другой подход к студентам. Я могу простить забытую работу, несколько раз объяснить одно и то же, напомнить, а потом еще раз напомнить. Я смотрю на студентов скорее как на детей, а он воспринимает их как взрослых. И не прощает ошибок. Когда Марк вдохновляет кого-нибудь на написание научной работы, пугаешься от серьезности предстоящего. «Все будет очень сложно. Нужно будет пахать каждый день. Можешь утонуть в теме, но если будешь стараться, то помогу, и, возможно, выплывешь. Тогда продолжим. Но можешь и не выплыть».

Сама я не раз слышала от Урнова: «Валерия, неужели ты на такое способна? Я от тебя такого не ожидал». Я сначала на него обижалась, а потом начала понимать, что он искренне удивляется и радуется моим успехам. И его суровый подход мне во многом помог. Наверное, я его самая стойкая ученица.

27 ноября 2010 г., как раз в день рождения Вышки, Марк Юрьевич всех нас очень испугал, попав в больницу с серьезными сердечными проблемами. Буквально за несколько часов до жизненно важной операции он позвонил мне и начал давать указания, как нужно будет руководить факультетом, какие вопросы надо решить в первую очередь, если с ним вдруг что-то случится.

Несколько дней в коме, еще несколько дней в реанимации – и опять первые мысли, когда пришел в сознание, были о работе. Это сегодня Урнов вспоминает все с улыбкой, говоря, что «последние» слова должны быть совсем иными и что в следующий раз он подготовится лучше. Тогда нам всем было не до смеха.

Сегодня он бодр и весел, работает над очередным исследованием, ведет курс лекций по введению в специальность и политическому поведению. По-прежнему искренне удивляется, что многие студенты ни разу не слушали оперу «Пиковая дама», не смотрели «Горячее сердце» или «Чапаева». По-прежнему строг со своими дипломниками и аспирантами. По-прежнему любит книги и котов. Особенно своего Персика, огромного рыжего бегемота, который так же независим, как наш УМ, гуляющий сам по себе.

МААРТЕН ЯНССЕН

MAARTEN JANSSEN

- Родился в г. Бреда (Нидерланды).
- В 1986 г. окончил университет г. Гронинген по специальности «Эконометрика».
- В 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию «Реакция крестьян на рыночные цены основных продуктов в Бенине»; в 1987 г. – кандидатскую диссертацию «Теория равновесия в экономике: Системы и их применение»; в 1990 г. – докторскую диссертацию «Микро и макро в экономике. Исследование их взаимосвязи».
- 1990–2008 гг. – преподаватель, профессор (с 1997 г.) Университета Эразма г. Роттердам.
- 2004–2008 гг. – директор Института Тинбергена.
- Профессор Венского университета (с 2008 г.).
- Член Международного совета по исследованиям Высшей школы экономики (Москва, 1999–2004), председатель Комитета экономической философии (1991–1994), директор Научно-исследовательского центра экономической политики (Университет Эразма, 2003–2004).
- Автор трех монографий и более 50 научных статей в международных журналах.
- Основные работы: «Microfoundations: A Critical Inquiry» (1993), «Over de Grenzen van de Micro-economie» (1998), «Auctioning Public Assets: Analysis and Alternatives» (2004).
- Входит в топ 30 экономистов из германоговорящих стран по версии Handelsblatt-Ranking.

АЛЕКСЕЙ ПАРАХОНЯК О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

**Маартен Янссен:
Летучий голландец**

Маартен Янссен – давний друг Высшей школы экономики. В 90-е годы он занимался подготовкой преподавателей вновь созданного вуза и, по сути, стоял у истоков создания нашего университета.

В России: знакомство

Впервые я познакомился с Маартеном в 2003 г., когда он приехал читать курс по теории игр в магистратуре. В целом преподавание микроэкономики в ВШЭ в то время было отражением учебника Мак-Коллела: почти все темы преподавались на очень высоком уровне, а вот с теорией игр, как и в учебнике, были определенные проблемы. Курс же Маартена выгодно отличался: по сути, это был подход к теории игр как формализованному здравому смыслу. Курс включал в себя множество

примеров и задач, скорее развивая теоретико-игровое мышление, чем обучая формальным концепциям. Несмотря на то что за десять лет, прошедших с того времени, когда Маартен читал свой курс, и учебная литература и набор популярных теоретико-игровых примеров-моделей существенно изменились, я при построении своих курсов следую духу курса Маартена.

В конце 2003 г. я посетил по программе обмена Университет Эразма, где работал Маартен, однако там мы почти не пересекались. А вот в 2005-м, в рамках той же программы, я и мой одногруппник Андрей Дубовик уже сдавали экзамен по его курсу микроэкономики для получения голландского диплома. Так сложилось, что мы сдали микроэкономический экзамен особенно удачно. Неплохо прошла и защита. Вероятно, именно поэтому вскоре после вручения дипломов Маартен написал нам письмо с приглашением на PhD. Подумав некоторое время (я в то время делал неплохую карьеру в Deloitte), я решил поехать в Голландию.

В Нидерландах: начало совместной работы

Работа с Маартемом пошла довольно активно. Еще до моего отъезда в Университет Эразма Маартен прислал мне несколько статей (как своих, так и других авторов), чтобы я познакомился со стандартными постановками задач в теории потребительского поиска и освоил типичные математические приемы. Первое время в Голландии я посещал различные курсы и регулярно встречался с Маартемом, обсуждая статьи и идеи. Эти, как правило, еженедельные встречи очень помогли быстро «встать на ноги» в научном плане. Через некоторое время помимо просто встреч с научным руководителем Маартен организовал мини-семинары для своих PhD-студентов. Каждую неделю один из нас рассказывал о прогрессе в своих исследованиях со времени прошлой презентации, о новых идеях. Так как нас было шестеро, то каждый выступал раз в шесть недель. Семинар оказался чрезвычайно полезным. Во-первых, необходимость регулярных презентаций все время держит в тонусе и стимулирует работу. Во-вторых, мышление становится более структурированным, сразу задумываешься о том, как мотивировать предпосылки модели, как представить тот или иной результат, какую интуицию подвести под модель. В-третьих, помощь коллег, которые работают по схожей тематике, позволяет преодолеть сложные моменты в работе. В-четвертых, благодаря конструктивной критике много идей выбраковывается на ранней стадии, не нужно тратить время, прежде чем поймешь, чем идея плоха. Идея этих семинаров оказалась настолько привлекательной, что после того, как Маартен в 2008 г. уехал работать в Венский университет, мы продолжили встречи самостоятельно. Маартен во время своих регулярных визитов в Голландию также участвовал в наших семинарах. В настоящее время в нашей научно-исследовательской лаборатории в Высшей школе экономики мы стараемся использовать схожие методы работы.

В ходе моего обучения на программе PhD мы с Маартемом написали три совместные статьи. Все эти статьи судьбами не похожи друг на друга, начиная с того, как

родилась идея, и заканчивая тем, как мы работали непосредственно над текстами. Я нередко слышал истории о том, что PhD-студенты пишут статьи, а научные руководители вносят в их работу лишь малый вклад. В случае с Маартемом это абсолютно неверно. Над каждой статьей велась именно совместная работа, мы постоянно обсуждали и то, как сформулировать основную идею и цель статьи и как правильно построить модель, проводили долгие часы в совместной работе над доказательствами, в обсуждении литературы. При этом замечательно, что никогда не возникало чувства, что работаешь именно с «руководителем»: скорее, это были равные, партнерские отношения. На мой взгляд, такая психологическая обстановка очень помогает молодым исследователям обрести уверенность в своих силах. Более того, так как в экономике очень важен «маркетинг», позиционирование своих научных результатов, то важны интуитивно понятные читателю объяснения, а постоянное обсуждение позволяет «отшлифовать» идеи, правильно расставить акценты и в конечном счете существенно повысить шансы на успех. После того как Маартен перебрался в Вену, у меня появилась возможность время от времени представлять там свои результаты на научных семинарах. Наряду с участием в международных конференциях это дало весьма полезный опыт и несколько компенсировало издержки отсутствия постоянного личного контакта.

Снова в России: продолжение сотрудничества

После получения степени PhD в 2010 г. я принял предложение от alma mater – Высшей школы экономики. Летом того же года появилась возможность получить грант для открытия международной научно-исследовательской лаборатории, с привлечением Маартена Янссена в качестве научного руководителя. Большая часть лета ушла на подготовку заявки, и с зимы 2011 г. Маартен присоединился к Вышке в качестве научного сотрудника. Теперь Маартен проводит в Москве около двух месяцев в году.

В рамках нашей лаборатории мы продолжили работу над уже имевшимися проектами и начали несколько новых. Стиль нашей работы существенно не изменился: мы стараемся проводить регулярные встречи и обмениваться мнениями по поводу наших исследований. В схожем стиле мы работаем и с нашими студентами-магистрами, которые регулярно обсуждают свои исследования не только с непосредственными руководителями-«резидентами» в лаборатории, но и с Маартеном. Достаточно часто мы устраиваем Skype-конференции с Веней. Такой подход оказался весьма эффективным: из первого нашего набора студентов трое продолжили обучение по программам PhD в западных университетах.

Маартен – очень активный и заметный исследователь в международном масштабе. Используя его связи в международном сообществе, нам удалось организовать две международные конференции, и сейчас мы работаем над организацией третьей. В области теории отраслевых рынков и экономики рекламы Вышка стала заметной на международной арене, а я и мои коллеги получили бесценный опыт организации подобных мероприятий.

В целом я могу сказать, что Маартен не только ввел меня в мир науки, но и продолжает помогать мне в моем путешествии по этому миру. Я почерпнул от него многие методы и приемы, как в преподавании, так и в научной работе и руководстве студентами. Но, что более важно, Маартен привил мне стиль научной работы, который влияет и на мою текущую работу и, по всей видимости, будет влиять на мою научную жизнь еще долгие годы. Я благодарен ему за это.

АЛЕКСАНДР ФРИДРИХОВИЧ ФИЛИПШОВ

- Родился в г. Нижний Тагил в семье социолога Ф.Р. Филиппова.
- В 1980 г. окончил философский факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, продолжил обучение в аспирантуре Института социологических исследований АН СССР под руководством Ю.Н. Давыдова.
- В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию «Теоретические основы социологии Никласа Лумана (критический анализ)», в 2003 г. – докторскую диссертацию «Теоретические основания социологии пространства».
- Профессор, декан (1997–2003) факультета социологии Московской высшей школы социальных и экономических наук.
- Ординарный профессор (с 2006 г.), заведующий (с 2004 г.) кафедрой практической философии факультета философии, руководитель Центра фундаментальной социологии Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ.
- Главный редактор журнала «Социологическое обозрение».
- Автор двух монографий и многочисленных статей (в том числе на английском языке) по проблемам социологии и истории политической мысли, переводчик и редактор переводов сочинений М. Вебера и К. Шмитта.
- Основные работы: «Теоретические основания социологии пространства» (2003), «Социология пространства» (2008), «Актуальность философии Томаса Гоббса» (серия статей, 2009), серия статей по теории социальных событий (2006–2010), серия статей, посвященных проблемам наследия К. Шмитта (2006–2012).

ВИКТОР ВАХШТАЙН О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Александр Фридрихович Филиппов:
Парцифаль социологической теории

Когда пишешь об Александре Филиппове, практически невозможно удержаться в границах традиционного жанра *laudatio*. Текст незаметно и несвоевременно мутирует в прижизненный некролог одному из самых влиятельных современных российских социологов-теоретиков. Пафос нарастает по мере перечисления всего того, что он уже успел сделать в науке: разработка теоретических оснований социологии пространства, ставшей впоследствии фундаментом многочисленных исследований и теорий «среднего радиуса действия», создание оригинальной концепции социальных событий (по сути, нового теоретического языка в современной социологии), вклад в политическую философию – от открытия в России Карла Шмитта до недавнего проекта по истории и теории полицейского государства. И это не говоря уже о переводах, комментариях, рецензиях, предисловиях и прочих навигационных приборах, создание которых отличает подлинного ученого-энциклопедиста.

В моей жизни Александр Фридрихович, АФ, остается человеком, научившим меня говорить на языке социологической теории, задавшим канон исследовательской работы – прежде всего скрупулезной работы с текстами. Именно живым человеком. Не текстом и не памятником.

Осторожно, двери открываются!

– Вам здесь будет скучно... За гражданским обществом лучше обратиться на политологию, у них еще осталось немного... Нет, здесь не дадут исследовать современное российское общество. Исследовать придется тексты Вебера, Зиммеля, Парсонса... Нет, не нужно российское общество через Парсонса, нужно Парсонса через Парсонса...

Декан обращался не ко мне, но от этого было еще страшнее. До конца дня открытых дверей еще полчаса, а за нашим круглым библиотечным столиком осталось всего несколько человек. Больше половины потенциальных абитуриентов перебежали на другие магистерские программы, едва выслушав ответы на свои вопросы.

В тот день декан факультета социологии Шанинки как будто задался целью помочь с набором коллегам с соседних факультетов. В итоге за столиком абитуриентов-социологов остались только самые стойкие.

Декана звали Александр Фридрихович Филиппов.

Great Expectations

Весной 2002-го я приехал разговаривать о поступлении в аспирантуру с заведующим одной из кафедр психологического факультета МГУ. Окончив тихий провинциальный психфак по направлению «Социальная психология», я знал, что про меня в МГУ «уже сказали» и теперь нужно лишь «пообщаться лично». В папке лежала только что законченная статья по материалам, собранным за две пятимесячные поездки в Штаты, – я собирался заниматься чем-то глубоко кросскультурным, экзистенциально значимым и ценностно-ориентированным в сравнительной перспективе. (Если статья не поможет, в той же папке свернут запасной парашют – несколько моих студенческих переводов Ролло Мэя и Адриана ван Каама.) Заведующий кафедрой, на книжках которого я учился, назначил встречу на шесть вечера. Поезд из Пензы приходил утром, времени было полно, и я заехал в Шанинку на день открытых дверей. Если сегодня, спустя одиннадцать лет, меня спросят, что сильнее всего повлияло на мою жизненную траекторию, я скажу: шанинская библиотека и Александр Филиппов.

Когда избиение абитуриентов наконец закончилось, я еще раз оглядел уходящие под потолок книжные полки шанинской библиотеки, тяжело вздохнул и выбросил свою статью и переводы в ближайшую корзину. До психфака МГУ я тогда так и не доехал. А через полгода перебрался в Москву. В Шанинку. К Филиппову.

Теория пространства и пространство теории

– Два решения: кантовское и лейбницеvское. (Кстати, вы уже дочитали «Критику чистого разума»?)

Пространство как форма созерцания и пространство как порядок объектов. Тот факт, что сегодня решение Лейбница куда популярнее (кстати, о Лейбнице – я принес вам Латура, он на английском), не означает, что возможности кантовского языка описаний исчерпаны. Давайте посмотрим, что делает с его аргументом Зиммель. (Кстати, что из Зиммеля вы уже прочитали? Все, что переведено? То есть вы не читаете по-немецки? Ужасно. Я буду с вами заниматься. Единственный способ выучить язык – начать переводить. К завтрашней нашей встрече переведите первых три катрена «Лорелай» и постарайтесь сохранить стихотворный размер.) Итак, пространство как форма. Но форма чего? Мы знаем кантовское решение. Зиммель же делает здесь любопытный маневр...

К середине учебного года в Шанинке я уже точно знал, что буду писать диссертацию у АФ. Наиболее привлекательной областью казалась тогда социология пространства. АФ дописывал свою первую книжку «Теоретические основания социологии пространства», а потому все наши разговоры так или иначе соскальзывали на тему пространства в социологии.

– Алло! Да, это я. Да. Спасибо, нет. Нет, я не приду на запись этой программы. Нет, просто это не моя тема. Нет, она мне интересна, но она не моя, я в ней не специалист. Нет, я не могу «просто поговорить». Потому что просто поговорить я могу разве что дома. Нет, вы не должны говорить, что не дозвонились. Просто скажите, что я отказался – в этом нет ничего странного.

«Мы с тобой специально выбрали научного руководителя с самым тяжелым характером?» – спрашивает вполголоса сидящий рядом Митя Куракин. И он прав.

– Гоббс закладывает в природу человека три свойства: *recta ratio* (вы уже знаете, что это такое), стремление к самосохранению и интерес к высшим сферам. Обратите внимание на то, чего в этой схеме нет.

В ней нет врожденной солидарности, аристотелевской предрасположенности жить в мире с другими. Никакого вечного или естественного закона, никакого ius naturale! Именно поэтому люди находятся изначально в состоянии войны всех против всех. Следовательно, социальность из аскриптивной характеристики, вложенной в природу человека, становится достижительной характеристикой – именно поэтому «в естественном состоянии естественный закон не действует». Что означает этот афоризм? – Что мы должны стремиться жить в мире со всеми? – Кхм... Простите, но сказать такое могла бы и гусеница.

О койотах и сновидениях

К концу года регулярное общение с АФ и Куракиным приобрело форму психологической зависимости – вычитав что-то, я немедленно кидался писать АФ письмо, а потом бежал искать в Шанинке Куракина, либо в кафе, либо в библиотеке. Ни разу не было случая, чтобы АФ не ответил по существу, какой бы завиральной ни была высказанная идея.

В какой-то момент Диме приснился сон, что мы, как обычно, сидим втроем в шанинском кафетерии, и он говорит Александру Фридриховичу: «Что вы думаете о Баранове? Его стоит читать?» – «Баранов – койот, – отвечает АФ, – его подобрала в Гималаях советская экспедиция». Куракин проснулся в холодном поту и первым делом проверил, кто такой Баранов и не был ли он действительно койотом. Потому что если так говорит АФ, так оно обычно и есть. Даже во сне.

Фехтование, шахматы, архитектура и геометрия

Пиком нашего интеллектуального общения стало обсуждение текста Александра Фридриховича «Конструирование прошлого в процессе коммуникации» (написанного для препринта ИГИТИ по просьбе И.М. Савельевой

и А.В. Полетаева) – первого текста Филиппова по теории социальных событий. АФ написал пять страниц и отправил нам с Куракиным для критики и комментирования. Мы писали, что думаем о каждом абзаце – как можно развернуть аргумент, где можно сделать другой ход, какие дополнительные теоретические ресурсы можно использовать в данном конкретном месте. Он писал еще несколько абзацев и снова отправлял нам. Это напоминало игру в шахматы (переходящую местами в фехтование): мы предлагали ходы, он их отбрасывал один за другим, как не выдерживающие критики, но иногда (где-то один раз из десяти) реагировал, переписывал фрагмент, добавлял аргументы, выводил наиболее уязвимые тезисы из-под удара.

Александр Фридрихович в конечном счете приучил нас работать с архитектурой теоретического текста так, как если бы это была шахматная партия с Б-гом: не все ходы одинаково удачны. Нужно сначала изучить все классические партии. Их развязки нам уже известны – ничего невозможно ни убавить, ни прибавить. («Посмотрите, как выстроил свою схему Вебер! Это красивейшая конструкция... И без единого гвоздя!») Потом перейти к более спорным и менее очевидным комбинациям. Попытаться просчитать их последствия на несколько шагов вперед. («Чтобы отстоять свой основной тезис, он просто вынужден сделать это допущение. Видите? Теперь ему некуда отступить. Еще шаг – и он оказывается во власти чистой метафизики! Все. Конец. Дальше за ним даже ученики не идут. Теперь вернемся на три шага назад и попытаемся понять, где здесь ошибка...») Через некоторое время мы стали замечать, как контуры теоретических аргументов проступают сквозь вполне очевидные, повседневные вещи: Гоббс в очереди на автобус, Зиммель – в диалоге трех друзей, Бурдьё – на эскалаторе метро, Гофман – в советской квартире. Мир вдруг наполнился теорией. Геометрическая красота идей делала его куда более привлекательным местом.

Миттельшпиль

Неслучайно и Центр фундаментальной социологии (у ЦФС давняя история до реинкарнации в Вышке) для меня всегда останется интеллектуальным клубом. Именно там рождался язык, связавший мир идей и мир повседневности. ЦФС – это посиделки далеко за полночь на даче у Александра Фридриховича и Светланы Петровны Баньковской, куда мы с Димой приезжали несколько лет подряд чуть ли не каждые выходные: обсуждать новые тексты, говорить о структуре теоретических аргументов, придумывать идеи будущих статей. ЦФС – это место, где делалась теория. И сегодня я нахожу следы его влияния везде, где работаю: в Шанинке, на новом философско-социологическом факультете Президентской академии, в Институте социально-культурных программ мэрии (проект новой культурной политики Москвы, предложенный учениками АФ, называется «От культуры учреждений к культуре событий»).

Удивительные партии, сыгранные Филипповым с Б-гом на шахматной доске социологической теории, не утрачивают со временем ни оригинальности, ни драйва. Сделанные им интеллектуальные ходы, найденные им комбинации будут изучать наши ученики, ученики их учеников и все те, кто чувствует вкус к теоретической работе. Сегодня влияние АФ как «гроссмейстера» социологической теории распространилось далеко за границы чистой интеллектуальной игры. Мне лишь остается пожелать ему «оставаться в игре» как можно дольше и – новых захватывающих сражений на поле познания.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОЛЕТАЕВ

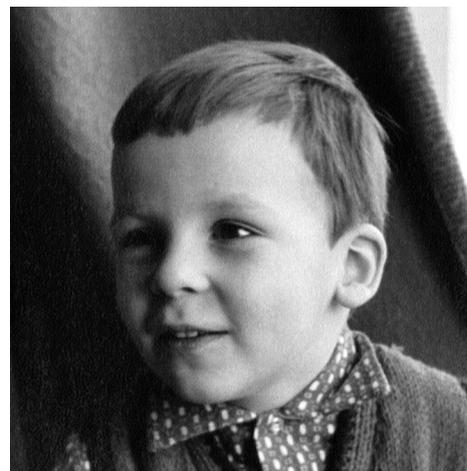
- Родился в Москве в семье доктора исторических наук В.Е. Полетаева, специалиста по истории Москвы.
- В 1974 г. окончил отделение экономической кибернетики экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1980 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1989 г. – докторскую диссертацию по экономике.
- 1974–2008 гг. – сотрудник сектора Р.М. Энтова отдела общих проблем капитализма Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), впоследствии – главный научный сотрудник и руководитель сектора эволюции рыночной экономики ИМЭМО.
- 1990–2000-е годы – эксперт Института «Открытое общество», ЮНЕСКО, Всемирного банка и других аналитических учреждений.
- 1993–1994 гг. – создатель и ответственный редактор альманаха «THESIS».
- 1996–2001 гг. – один из организаторов проектов «Переводная литература по общественным наукам» (Translation Project) и «Университетская библиотека» Института «Открытое Общество» (Фонд Сороса). В рамках обоих проектов был осуществлен перевод и издание более 400 западных фундаментальных исследований по основным социальным и гуманитарным дисциплинам.
- Ординарный профессор НИУ ВШЭ (с 2009 г.).
- Основатель (2002), главный научный сотрудник и заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований (ИГИТИ) НИУ ВШЭ (в настоящее время – ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ ВШЭ).
- Автор многочисленных монографий, учебных пособий, научных статей на русском, английском, немецком, польском и болгарском языках, переводчик и редактор переводов работ ведущих западных экономистов (В. Леонтьева, Дж. Хикса, Дж. Кларка и др.).
- Основные работы: «Прибыль американских корпораций (особенности послевоенной динамики)» (1985); монографии, написанные в соавторстве с И.М. Савельевой, – «Циклы Кондратьева и развитие капитализма (опыт междисциплинарного исследования)» (1993; доработанное издание: «“Циклы Кондратьева” в исторической ретроспективе», 2009), «История и время: В поисках утраченного» (1997, пер. на болг. – 2006), «Знание о прошлом: Теория и история» (т. 1 – 2003, т. 2 – 2006), «Социальные представления о прошлом, или Знают ли американцы историю» (2008), «Классическое наследие» (2010)

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ АВЕРИНЦЕВ

- Родился в Москве в семье профессора биологии С.В. Аверинцева.
- В 1961 г. окончил классическое отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию «Плутарх и античная биография: К вопросу о месте классика жанра в истории жанра»; в 1979 г. – докторскую диссертацию «Поэтика ранневизантийской литературы».
- 1964–1966 гг. – научный редактор издательства «Мысль».
- 1966–1971 гг. – младший научный сотрудник Государственного института искусствознания.
- 1980–1990-е годы – сотрудник Института мировой литературы АН СССР, профессор кафедры истории и теории культуры и Института мировой культуры МГУ, профессор Венского университета, член-корреспондент АН СССР (с 1987 г.), академик РАН, народный депутат СССР (по спискам Академии наук, 1989–1991).
- Председатель Российского библейского общества (с 1990 г.), Международного мандельштамовского общества (с 1991 г.), президент Ассоциации культурологов, член Папской академии общественных наук.
- Поэт и переводчик классических текстов с древнегреческого, латинского, древнееврейского, сирийского, немецкого, французского и польского языков, включая библейские тексты и Евангелия.
- Обладатель Государственной премии Российской Федерации (1996), Государственной премии СССР (1990), премии Ленинского Комсомола (1968).
- Основные работы: «Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра» (1973), «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977), «Проблемы литературной теории в Византии и латинском Средневековье» (в соавторстве с М.Л. Гаспаровым, 1986), «"Сворешниц вольных граждан..."». Вячеслав Иванов: путь поэта между мирами» (2001).

АЛЕКСЕЙ БЕЛЯНИН О СВОИХ УЧИТЕЛЯХ

**Андрей Владимирович Полетаев:
Незабываемый THESIS**

На специалиста я учился в МГУ, на экономическом факультете – наверное, лучшем экономическом факультете СССР. Однако настоящее экономическое образование и вкус к науке я получил не на факультете, а в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО, тогда еще АН СССР), куда меня взял на работу мой научный руководитель и главный в жизни научный наставник – Андрей Владимирович Полетаев. Что он во мне тогда разглядел – я не до конца понимаю и сейчас (хотя, по-моему, догадываюсь).

Тогда, как и сейчас, институт стоял на горе у метро Профсоюзная – и взять эту гору в Советском Союзе было непросто. Насколько мне известно, я был первым действующим студентом (тогда четвертого, предвыпускного курса), ставшим сотрудником ИМЭМО – конечно, по совместительству и в должности старшего лаборанта. А институт и вправду был уникальным: на фоне доминировавших догм о превосходстве социализма над капитализмом и единственно верном учении это был один своеобразный гуманитарный «аквариум», созданный специально для того, чтобы кто-то в стране знал, что по ту сторону кордона происходит на самом деле, и при необходимости (когда поступали запросы) мог бы это рассказать в ЦК КПСС.

Из множества направлений – а в ИМЭМО в лучшие годы работало до полутора тысяч сотрудников – еще с 1960-х годов институту была позволена роскошь держать людей, работа которых заключалась в том, чтобы читать и понимать, что делается в западной экономической науке. И пусть все, что делалось тогда, могло увидеть свет только под густым идеологическим соусом – именно за это понимание и отвечали в институте А.Г. Милейковский, А.В. Аникин, И.М. Осадчая, С.М. Никитин, Р.М. Энтов. Им наша общественность обязана и первым переводом «Экономики» Самуэльсона (еще с грифом «Для служебного пользования»), и изданными трудами Дж.Ст. Милля, А. Маршалла, Й. Шумпетера, Дж.Р. Хикса, причем предисловие Р.М. Энтова к русскому переводу «Стоимости и капитала» (при всех идеологических ограничениях) сам Хикс, кажется, называл лучшим, что было когда-либо написано о его книге.

Револьд Михайлович задал стандарт работы экономистов-теоретиков института и дал нашей стране целую плеяду выдающихся специалистов – пусть не с точки зрения техники (в этом ИМЭМО, за малыми исключениями, не мог тягаться с ЦЭМИ!), но точно – по глубине понимания реальных экономических проблем. Аспирантами и учениками Револьда Михайловича были Л.М. Григорьев, С.П. Аукуционек, В.С. Автономов, Р.И. Капелюшников, Е.В. Белянова, С.А. Николаенко, М.А. Субботин, М.В. Бойко и многие другие, чьи имена сегодня на слуху в стране, не говоря уж о Вышке. Все они живут и работают и в наши дни – все, кроме одного из первых, моего учителя – Андрея Владимировича Полетаева.

Он ушел невозможно рано – в 58 лет, в осень 2010 г., залившую дождями те самые лесные пожары и смог, который в конце концов его и добил (хотя Андрей Владимирович всегда помногу курил, что, конечно, не добавляло ему здоровья). В Вышкеныне его именем назван ИГИТИ-институт, который он с Ириной Максимовной Савельевой создал буквально с нуля и который уже стал одним из сильнейших научных подразделений университета.

А начинался институт все же с журнала (точнее, периодического альманаха) THESIS, который Андрей Владимирович и Ирина Максимовна придумали еще в начале 1990-х. Альманах THESIS задумывался как сборник переводных работ ведущих западных ученых-обществоведов, имена которых тогда только начинали «звучать» в России, – и уже поэтому он стал заметным событием интеллектуальной жизни страны. Альманаху была суждена не очень долгая жизнь – вышло всего шесть выпусков, однако цитируется он до сих пор, чему немало способствовали и подборка статей, и качество переводов, которым редакция уделяла перво-степенное внимание. Но что самое, пожалуй, главное – уникальной была сама идея альманаха: объединить под одной обложкой классические и современные статьи по экономике, социологии и истории, написанные по одной теме, но представителями разных наук. Эта идея и сейчас остается беспрецедентной по замыслу не только в России: думаю, и в мировой академической науке найдется не много людей, способных не то что придумать, но пусть хотя бы повторить подобный проект. Можно сказать, что именно этот подход во многом сформировал и мое отношение к экономике как к одной из многих общественных наук, и именно этот интерес как нельзя лучше отражал широту взглядов самого Андрея Владимировича. Ведь по первой профессии он был экономист-математик, выпускник кафедры экономической кибернетики – и вместе с тем стал, по сути, первым в России экономическим историком в современном понимании, а затем, в последующие годы – и историком. Его отличала какая-то особенная, всепоглощающая жажда знаний, и в этой жажде он никогда не боялся учиться – и думать. «Если в этом Лесу кто-то должен думать, а когда я говорю “думать”, я имею в виду думать по-настоящему, то это наше с тобой дело» – эта фраза из «Винни-Пуха», поставленная Андреем Владимировичем в эпиграф к первому выпуску THESISa, как нельзя точно характеризует его подход к науке как к призванию и профессии – и именно это стало, наверное, главным и самым важным уроком, который он мне преподал.

Были, конечно, и чисто специальные вещи – так, именно с подачи Андрея Владимировича я познакомился с трудами практически всех классических экономистов, с его курса экономической истории начиналось и мое знакомство с современной экономической теорией, наконец, по его рекомендации (и конечно, по его совету) я оказался в итоге на программе PhD, которую успешно завершил несколько лет спустя. Но все-таки главное, что вспоминается теперь, – это его колоссальное личное влияние на все и всех, с кем он имел дело. Он прежде всего задавал стандарт, планку отношения и к себе, и к своему делу – планку, по которой могли безошибочно равняться и его коллеги-сверстники, для которых он был просто Энди, и многие поколения его студентов. Он, кстати, никогда не позволял себе обращаться к студенту на «ты» – притом что все без исключения бывшие аспиранты Энтова обращались друг к другу только так, но всегда были на «вы» и со своим Учителем, и со своими студентами. Эту практику перенял и я, хотя она нехарактерна для западных академических кругов: даже в тех странах, где есть живые местоимения «вы» (например, во Франции), в университетской среде принято обращаться на «ты». По-видимому, за этим символизмом стоит еще одна планка – тот, кто младше тебя, кто менее опытен, но кто стоит с тобой на одной дороге, уже поэтому достоин уважительного к себе отношения. Именно это отношение я всегда чувствовал со стороны Андрея Владимировича, а такая поддержка и такое доверие дорогого стоят. Наверное, это и есть одна из тех неразрывных, ненаблюдаемых нитей, которые связывают учителей с учениками, а поколения – в научные школы. И хотя мои научные интересы оказались иными, чем у Андрея Владимировича, я всегда чувствовал – да что там, и до сих пор чувствую – его присутствие и многие свои действия сверяю по одному внутреннему критерию: а что бы на это сказал он?

Сергей Сергеевич Аверинцев:
Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος
(В начале было Слово)

Короток век человеческий – но долга человеческая память. Уходят гиганты – не всеми оцененные при жизни, не всегда признанные в мировом научном сообществе, – но как же много дает общение с ними и просто сознание самого факта, что ты жил с ними в одно время! В феврале 2013 г. ушел великий старик – Григорий Померанец, пожалуй последний из когорты классиков отечественной гуманитарной мысли, таких как Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев. С первыми двумя я никогда не встречался, а Сергея Сергеевича Аверинцева не только видел, но и осмеливаюсь считать своим учителем, хотя общался с ним с глазу на глаз всего один раз.

Имя это я услышал довольно поздно – уже студентом третьего, кажется, курса, когда отец моего однокурсника и друга, по профессии инженер, как-то сказал про Аверинцева, что это самый умный гуманитарий в Советском Союзе. В науке, конечно, трудно придумывать шкалы и планки, но тут спорить было трудно: Сергея Сергеевича признавали не только и даже не столько выдающимся ученым-филологом (хотя в профессии о нем ходили легенды чуть не со студенческих лет), сколько непререкаемым моральным авторитетом. Широкому читателю он стал известен как один из ключевых авторов философского энциклопедического словаря, изданного еще в 1960–1970 гг., выпуск которого прозвучал как гром среди ясного неба – или среди идеологических шор позднесоветского марксизма с уклоном в маразм. Первые три тома были вполне «правильными», но последние два стали шоком: статья про Владимира Соловьева была по размеру больше статьи про Фридриха Энгельса (!), а такие статьи, как «Христианство», «София» или «Теократия», и просто прозвучали как ясный знак откуда-то свыше в глухую пору гуманитарного безвременья. Их написал молодой тридцатилетний ученый, из-под пера которого вышли и биография Плутарха,

и фундаментальный труд о византийской поэтике (его докторская диссертация), и множество переводов – от Платона до германских поэтов-символистов и псалмов Давида, не забывая и о таком, без преувеличения, выдающемся памятнике религиозной поэзии, как «Стихи духовные» (а Сергей Сергеевич был глубоко верующим человеком). Я слушал его лекции в МГУ, в рамках только что созданной тогда кафедры истории и теории мировой культуры, где открытые курсы лекций читали М.Л. Гаспаров и В.В. Бибихин, В.С. Библер и Е.М. Мелетинский, Вяч.Вс. Иванов и А.Я. Гуревич. Однако лекции Аверинцева были беспрецедентны даже на фоне этих «звезд первой величины»: они собирали две полные поточные аудитории (во второй организовывалась аудиотрансляция), и на них стекались студенты со всего МГУ – от филологов до мехматян. И в эту аудиторию входил невысокий, сгорбленный человек в очках на толстом шнурке, озарял ее одним пронизательным взглядом, устремленным, казалось, на каждого слушателя, – и начинались полтора часа общения с вечностью, в которой блаженный Августин становился так же близок и понятен, как Михаил Бахтин, а поэзия Серебряного века вставала в один ряд со всеми Евангелиями. И конечно, его неповторимый, тягучий, но неожиданно мелодичный голос – остались замечательные записи его стихов и переводов в авторском исполнении:

*Неотразимым острием меча,
Отточенного для последней битвы,
Да будет слово краткое молитвы
И ясным знаком – тихая свеча.*

*Да будут взоры к ней устремлены
В тот недалекий, строгий час возмездья,
Когда померкнут в небесах созвездья
И свет уйдет из солнца и луны.*

Аверинцев никогда не отличался крепким здоровьем: он умер в 2004-м, в возрасте 66 лет – но след, оставленный им в поколениях, жить будет, пока жива русская культура.

ИНЕССА ЛЬВОВНА БИМ

- Родилась в семье служащего.
- В 1947 г. окончила с отличием факультет немецкого языка Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина.
- В 1964 г. защитила кандидатскую диссертацию «Моделирование устной речи на основе речевых образцов во 2 классе школ с преподаванием ряда предметов на немецком языке»; в 1976 г. – докторскую диссертацию «Система обучения иностранному языку в средней школе и учебник как модель ее реализации».
- Более 20 лет проработала в Московском государственном педагогическом институте им. В.Л. Ленина в должности доцента, затем профессора и заведующей кафедрой лексики и фонетики немецкого языка.
- С 1984 г. – сотрудник лаборатории обучения иностранным языкам НИИ содержания и методов обучения АПН СССР (позже ИСМО РАО).
- Действительный член Российской академии образования (с 2004 г.).
- На протяжении многих лет была председателем Проблемного совета по вопросам обучения иностранным языкам в средней школе при бюро отделения Президиума РАО.
- Автор почти 400 научных работ, среди которых три монографии, научные статьи по теории учебника иностранного языка и около 40 учебно-методических комплектов по немецкому языку для средней школы.
- Удостоена премии Правительства Российской Федерации в области образования за создание учебно-методического комплекта «Немецкий язык», звания «Заслуженный работник высшей школы» (1996), знака «Победитель социалистического соревнования» (1974); диплома лауреата конкурса за «Научные достижения в образовании России»; звания «Ветеран труда СССР»; награждена почетной грамотой за достижения в области педагогической и психологической наук в связи с 60-летием Российской академии образования; памятной медалью в память 850-летия Москвы; памятной юбилейной медалью к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне.

МАРИЯ ЛЫТАЕВА О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Инесса Львовна Бим: Учитель для миллионов

Self-made person – так характеризуют человека, который всего в жизни добился самостоятельно, без поддержки. О себе такого я сказать не могу. Как специалист я – отражение многогранного труда моих педагогов. Мне повезло: это были отличные учителя, в моих достижениях есть частичка каждого. Но рассказать я хочу о человеке, который определил мою профессиональную судьбу.

Дорога в тысячу ли начинается с первого шага

В конце 80-х я, ученица четвертого класса, получила свой первый учебник немецкого языка. Узнав, как читаются буквы латинского алфавита, очень скоро сложила фамилию автора: I.L. Vim. Тогда я, конечно же, не могла и предположить, что этот человек станет для меня Учителем на все времена. Но все-таки что-то зацепило меня в новом предмете. Может быть, мечты о красивой незнакомой стране, ключом к которой должен был стать язык.

А может, забавный персонаж учебника – репортер Шрайбикус, который в шуточной форме брал у нас, учеников, интервью по-немецки. Помню, что, когда мой преподаватель по музыке (в то же время я начала учиться в музыкальной школе) спросил меня, не желаю ли я связать свою жизнь с аккордеоном, я ответила, что планирую стать учителем немецкого языка.

Синица в руках или... ?

Во время учебы в Рязанском государственном педагогическом университете на факультете иностранных языков мое заочное пока еще знакомство с Инессой Львовной стало гораздо более близким. Я узнала ее и как автора учебников и книг для учителя, с которыми нам предстояло работать в школе, и как ученого, чьи статьи и монографии мы изучали на семинарах. Мой дальнейший жизненный и карьерный путь представлялся мне ясным и упорядоченным до 17 мая 1999 г., когда выяснилось, что в связи с сокращением штатов ставки на кафедре для меня нет. Есть варианты: подождать год, поработать учителем в школе или... попробовать поступить в аспирантуру в Москве.

Через два дня (и две бессонных ночи) я приехала в Москву, на улицу Погодинская, в Российскую академию образования (РАО), вошла в лабораторию дидактики иностранных языков и увидела Инессу Львовну Бим. В моей памяти она и осталась такой, какой предстала передо мной тогда: очень привлекательная, элегантная дама с широко распахнутыми удивительными голубыми глазами. Она выслушала мою историю, полистала дипломную работу и сказала довольно будничным тоном: «Я вас беру». Эти три слова изменили мою жизнь, повернули ее на другую, еще неизвестную мне дорогу. Инесса Львовна поверила в мои силы и возможности, каким-то непостижимым образом за пару часов первой встречи оценила мой потенциал. Тогда я ужасно боялась не оправдать ее ожиданий, не справиться, подвести. Мне было неведомо, что Инесса Львовна все годы после этого момента будет меня опекать, помогать мне, содействовать, принимать активное участие в моей судьбе. Потому что все, кто попадал в орбиту внимания этой удивительной личности, всегда чувствовали ее поддержку.

Дома хорошо. А в гостях?

Лаборатория дидактики иностранных языков РАО, где я обучалась в очной аспирантуре, на протяжении десятилетий была центром фундаментальных исследований в методике преподавания иностранных языков. Я имела уникальную возможность общаться с основоположниками отечественной методической науки, авторами лучших школьных учебников. В лаборатории царил дружелюбная и творческая атмосфера. Всем сотрудникам было интересно, какими проблемами занимаются аспиранты, и наши первые отчеты и статьи обсуждались живо и горячо. Инесса Львовна всегда старалась привлечь своих учеников к работе лаборатории: к разработке государственных образовательных стандартов и примерных программ, деятельности Проблемного совета по вопросам обучения иностранным языкам. В 2000-х годах темами для обсуждения на этом совете становились такие острые вопросы, как введение второго

иностранного языка (немецкого, французского и др.) в условиях доминирования английского как первого, разработка единого государственного экзамена по иностранному языку и т.д.

Я могла наблюдать за тем, как Инесса Львовна защищает «интересы» иностранного языка в школе. Во многом благодаря ее усилиям наша дисциплина заняла достойное место в учебном плане, началось преподавание иностранного языка на начальной ступени общеобразовательной школы, была разработана концепция предпрофильного и профильного изучения иностранного языка в старших классах. Ее деятельный, целеустремленный, настойчивый характер позволял найти решение проблем, казавшихся неразрешимыми. Мало кто знает, что еще в начале 90-х годов Министерство образования подготовило распоряжение о закрытии всех школ с преподаванием ряда предметов на иностранном языке. И то, что спецшколы все-таки устояли и выжили, – во многом заслуга Инессы Львовны. Это она отстаивала интересы предмета в Министерстве образования, инициировала обращения к Президенту и в Общественную палату РФ.

Лаборатория дидактики иностранных языков была центром притяжения и для ее бывших аспирантов. Они приезжали на защиты своих младших коллег, часто в качестве оппонентов. Многие консультировались у Инессы Львовны, работая над докторскими диссертациями. В общей сложности она выпустила 22 кандидата и 5 докторов наук. Они работают в университетах разных регионов нашей страны, и у них тоже уже есть ученики. И все мы принадлежим к «школе И.Л. Бим». Кстати, такой логотип стоит сейчас на обложках ее учебников.

Упорство и труд

Личным примером Инесса Львовна учила трудолюбию, профессионализму, равнодушию, уважению и такту по отношению к коллегам. Мне довелось побывать на ее лекциях и выступлениях перед студентами и учителями. Перед началом лекции она всегда формулировала

несколько проблемных вопросов и в ходе выступления подводила аудиторию к тому, чтобы слушатели смогли сами найти ответы и аргументировать свою точку зрения. Поэтому лекции или выступления на конференциях почти всегда становились полилогом, а подчас и оживленной дискуссией. От Инессы Львовны я усвоила навсегда, что, независимо от степени важности встречи или конференции, от состава аудитории, нужно всегда добросовестно готовиться к публичным выступлениям и стараться избегать экспромтов.

Интерес Инессы Львовны к реакции коллег на ее выступления и их мнениям был неподдельным. Например, она просила меня фиксировать предложения и замечания учителей, которые касались применения ее учебников в школе. Позже все это учитывалось при их доработке. Инесса Львовна в общении всегда «подтягивала» собеседника до своего уровня: он начинал чувствовать себя опытным, значимым, полноправным участником научной дискуссии.

А еще она была «щедрым» ученым – делилась научными идеями, темами статей и диссертаций. Инесса Львовна не тратила времени на объяснения или нравоучения – чтобы научить работать, она всегда включала аспирантов в свои исследовательские проекты. Все исправления в мои материалы, в верстку учебников Инесса Львовна всегда вносила карандашом. Она говорила, что всегда оставляет адресату комментариев возможность не согласиться с замечаниями и просто стереть их ластиком.

Над всеми текстами, которые выходили в печать под ее именем, Инесса Львовна упорно трудилась не только в ходе их создания, но и после того, как они поступали в издательства: многократно прочитывая их от первой буквы до последней точки, она всякий раз находила, что в них еще можно исправить. Немыслимое количество учебников и пособий для средней школы, над которыми она работала в большинстве случаев как глава авторского коллектива, она всегда правила сама. В издательстве «Просвещение», с которым она сотрудничала более 50 лет, зачастую говорили: «Инесса Львовна, убейте в себе редактора».

Мне повезло: наше общение с Инессой Львовной не ограничивалось только рамками Академии. Она часто приглашала нас, аспирантов, на домашние консультации – и это было ценно для нас не только в научном, но и в человеческом отношении. Некоторые максимы, усвоенные мною в разговорах с ней, помогают мне в жизни до сих пор. Наше более чем десятилетнее сотрудничество оставило у меня в памяти много трогательных воспоминаний. Это совместные посещения концертов, прогулки по центру Москвы, поездка на отдых, памятные подарки для моих детей. Одно из главных впечатлений – это стремление Инессы Львовны всегда оставаться современной, интерес к новым технологиям, модным среди молодежи явлениям культуры. Ведь до последних минут жизни она работала над учебниками для детей.

Какое мастер – таково и дело

Учебники были главным делом в жизни Инессы Львовны. Первое учебное пособие вышло в издательстве «Просвещение» в 1954 г. В 1970–1980-х годах тиражи ее учебников превосходили миллион экземпляров: вся необъятная страна изучала немецкий язык по ее учебникам. Да и на данный момент для общеобразовательной школы существует только одна полная серия учебников немецкого языка (от 2 до 11 класса) – та, что создана под руководством Бим. Она выпустила четыре поколения школьных учебно-методических комплектов, и в каждом из них нашли отражение самые существенные достижения методической науки периода его создания. Во многом Инесса Львовна была первопроходцем: она разрабатывала первые учебники немецкого языка как второго иностранного, первые пособия для младших классов общеобразовательной школы. Мое диссертационное исследование было связано с теорией учебника иностранного языка. В новых на тот момент Стандартах для старшей школы выделялись два уровня изучения иностранного языка: базовый и профильный.

Ине́сса Льво́вна решила создать первый многоуровневый учебник. Разработку профильных материалов она доверила мне. Я оказалась внутри процесса создания учебного пособия, могла ощутить, как появляется это системное произведение, в котором всё (упражнения, тексты, новая лексика и грамматика) связано невидимыми нитями, подчинено одной цели – обеспечить ученику прогресс в языке. Учебник должен моделировать каждый урок. Упражнение – это учебное действие; тексты, новые слова, грамматика – это материал, оперируя которым, ученик усваивает новое. Например, чтобы участвовать в дискуссии, нужно овладеть целым комплексом речевых действий. Автору учебника необходимо отобрать тексты, на которые будет опираться обмен мнениями, дать возможность запомнить необходимую лексику, научить формулировать тезисы и подбирать к ним аргументы и контраргументы. Все это закодировано в заданиях. Мне посчастливилось наблюдать Мастера за работой.

Ине́сса Льво́вна большую часть своих учебников создала для общеобразовательной школы, где всегда отводилось мало часов на изучение довольно трудного немецкого языка. Она считала, что овладение языком должно приносить радость, предвкушение возможности общения с людьми из других стран. Ведь язык – это не зубрежка слов, не мука с грамматическими формами. Это средство взаимопонимания.

Учитель должен знать и применять на практике все возможности методики обучения иностранным языкам, чтобы его работа принесла плоды.

Ине́сса Льво́вна рассказывала, показывала, наставляла меня в этом нелегком труде. С одной стороны, она многое мне доверяла, с другой – аккуратно исправляла ошибки. Никогда не критиковала, придавала уверенности, незамедлительно подключалась, если у меня возникали затруднения. Даже сейчас мне сложно выразить, что я испытала, когда вышел учебник, на обложке которого рядом с фамилией И.Л. Бим стояло мое имя. Все хорошо, что не кончается.

Иностранный язык – это предмет, от которого можно и нужно получать удовольствие. Ведь на уроках ино-

странный язык можно обсуждать любые проблемы – личные, научные, общественные; говорить о чем угодно – о погоде и политике, о последних новинках литературы и интересных фильмах; о путешествиях и курсе валюты, о химических соединениях и событиях истории. И о чем бы ни шла речь на занятии – все принесет пользу, так как позволит повысить уровень владения языком.

Иностранный язык – это проводник в мир другой культуры, и вместе с тем изучение иностранного языка позволяет лучше понять свой собственный язык.

Мой преподавательский опыт в Вышке служит еще одним тому доказательством. Я преподаю немецкий язык экономистам и политологам, учу общению в бытовых и профессиональных ситуациях. Стараюсь делать это эффективно, чтобы мои студенты могли свободно заговорить на немецком языке, не боясь ошибиться. Под руководством Ине́ссы Льво́вны я научилась методически грамотно организовывать языковой материал, использовать разные виды упражнений, чтобы целенаправленно формировать то или иное речевое умение. На уроках у меня иногда создается впечатление, что я держу студентов за невидимые ниточки и что есть силы тяну их с одной ступеньки на другую, более высокую. Мне всегда кажется, что неделя, разделяющая наши занятия, – слишком долгий срок; что за это время я могу потерять эфемерный, тонкий, но стойкий мне таких усилий контакт с каждым учеником и кто-то начнет отставать.

В своих работах Ине́сса Льво́вна во многом опередила время. Вместе с моей коллегой я написала учебник по немецкому языку для экономистов и постаралась вложить в него все, чему научилась у нее. Когда я вспоминаю своего учителя, цитирую слова Ине́ссы Льво́вны, у меня возникает чувство, что я продлеваю ее научную жизнь. А 1 сентября тысячи школьников нашей страны вновь получают учебники, на которых будет стоять зачаровавшее меня когда-то имя – I.L. Vim...

ТАТЬЯНА ЛЬВОВНА КЛЯЧКО

- В 1973 г. окончила МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности «Экономическая кибернетика», в 1976 г. – аспирантуру Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) АН СССР.
- В 2008 г. защитила докторскую диссертацию по специальности «Математические и инструментальные методы экономики».
- Директор Центра экономики непрерывного образования Академии народного хозяйства при Правительстве РФ.
- Профессор кафедры государственного управления и экономики общественного сектора НИУ ВШЭ.
- Автор многочисленных научных публикаций, среди которых монографии: «Белая книга российского образования» (в соавторстве, 2000), «Модернизация российского образования. Ресурсный потенциал и подготовка кадров» (в соавторстве, 2002), «Стратегии адаптации высших учебных заведений: Экономический и социологический аспекты» (в соавторстве, 2002).
- Удостоена Благодарности Правительства РФ (2012), Благодарности Министерства образования РФ (2002).

ИВАН ПАВЛЮТКИН О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Татьяна Львовна Клячко:
Железная леди

Я встретил научного руководителя в то время, когда у Высшей школы экономики не было еще ни одной лаборатории – ни международной, ни научно-учебной, ни проектно-учебной. Университет населяли преимущественно кафедры, и факультетов было всего пять. Представить себе, что студент выберет в качестве научного руководителя преподавателя другого факультета, было практически невозможно. Большинство моих однокурсников после выбора специализации шли к научным руководителям внутри кафедры, что казалось вполне разумным шагом. У меня вышло иначе.

Знакомство. На третий раз она согласилась

Впервые я услышал о Татьяне Львовне Клячко еще на втором курсе факультета социологии. В то время начал свою работу студенческий социологический клуб «Город». Помимо проведения семинаров мы занимались внутриуниверситетскими исследованиями – и тем самым

положили начало практике анкетирования студентов и преподавателей. Мы сами ходили к преподавателям, которые в нашем присутствии и с нашей помощью заполняли анкеты. Как-то я услышал от своего коллеги по клубу, что ему досталось от одного преподавателя с факультета экономики, который разнес анкету в пух и прах. И это был, к тому же, не просто преподаватель, а «большая шишка» в университете (через какое-то время выяснилось, что это и была Татьяна Львовна). Позже, когда мы впервые выступали на Ученом совете университета с результатами анкетирования, именно там, в президиуме, я и увидел ученого секретаря Ученого совета Высшей школы экономики Татьяну Львовну Клячко. В то время я узнал о книге «Стратегии адаптации российских вузов...», которая претендовала на содержательное исследование поведения высших учебных заведений в России. В соавторах я увидел декана моего факультета Александра Олеговича Крыштановского, а руководителем коллектива значилась та самая Т.Л. Клячко. Я заинтересовался книгой, потому что мои студенческие проекты так или иначе были связаны с образованием и к четвертому курсу я выбрал в качестве темы дипломной работы что-то про поведение вузов.

Страшно сказать: я собирался на свежих данных мониторинга экономики образования строить типологию стратегий российских вузов... На кафедре исследованиями образования занималась Я.М. Рощина, и я думал, что она меня возьмет. Однако она сказала, что этой темой не занимается, но есть Клячко: «Только она вас вряд ли возьмет. Вы попробуйте, конечно, но вряд ли». На этом все закончилось.

Уже на четвертом курсе я попал на семинары по экономике образования к ректору. Попал по объявлению. Это были регулярные встречи, на которых первое время Ярослав Иванович рассказывал о специфике экономического взгляда на высшее образование, а в дальнейшем начал приглашать разных людей, занимавшихся экономикой и образованием. На одну из встреч он позвал Татьяну Львовну. Было любопытно наблюдать, как эти люди спорят. Я редко видел, чтобы с Кузьминовым кто-то содержательно спорил, в силу многих причин, – а вот она это делала. Потом была еще одна встреча в рамках семинара, после которой я робко подошел к ней, спросил о возможности научного руководства – и получил немедленный отказ: «Вы же социолог, а не экономист. Идите к Крыштановскому...». Прошел месяц, я прислал ей текст исследовательского проекта, который собирался делать, и мы договорились о первой содержательной встрече. Почему она согласилась со мной работать, так и не знаю. Возможно, потому, что я от слов сразу перешел к делу. Было еще несколько встреч, на которых мы обсуждали, как делалось исследование по вузам и как писалась книга. Для меня это было очень важно, особенно когда рассказывали о ремесле исследователя и показывали ошибки в построении собственных моделей. Ошибки – это важная вещь в нашей работе. Это то, что позволяет задумываться и двигаться вперед. Мой научный руководитель про это рассказывал, и я видел, что передо мной профессионал. Диплом я защитил на отлично и считаю, что работа над ним была для меня очень продуктивной.

Наше общение. Руководителей на переправе не меняют

Татьяна Львовна работала не на другой кафедре, располагающейся на другом этаже, – она работала на другом факультете и в другом здании. Это важный момент, потому что скорость жизни, ее циклы и законы в зданиях на Кочновском и на Мясницкой совершенно разные. На Мясницкой жизнь всегда кипела. Там всегда заседал ректорат и в то время располагался активный экономический факультет. Как активность факультета связана с близостью к администрации – вопрос непростой, но эта зависимость была видна по скорости перемещений важных людей между этажами и по количеству публичных мероприятий. Там вершилась судьба реформ... Кочновский проезд находится в спальном районе, но дистанция между миром Кочновского и миром Мясницкой отнюдь не только физическая. Прошло не так много времени, и Татьяна Львовна перешла работать сначала в экспертную службу «Первого канала», а затем уже в Академию народного хозяйства, став там директором Центра экономики непрерывного образования.

Я никогда не посещал ее курсов. Пару раз я ездил к ней на лекции в Шанинку и был на семинарах в Вышке. Мне было интересно послушать про советскую систему образования, про создание Физтеха и запуск образовательной реформы в середине 1980-х. Многие из этих рассказов пересекаются с ее собственной биографией или биографиями членов ее семьи, друзей. Но было важно, что это не чтение лекции с выражением, а попытка раскрыть контекст тех или иных изменений и просто, «на пальцах», объяснить их суть. Вообще в социологии с этим довольно сложно. С метафорами все хорошо. Есть разные языки описания. Вот ты начал строить свое «нерушимое здание» из концептов, связей, ассоциативных рядов, подверстал пару ссылок на классику, потом современную классику, затем начал, как мясорубка, делать фарш из объекта исследования, чтобы слепить и пожарить пару котлет. Социология, которой мы учились, очень напоминала книгу рецептов для приготовления пищи на любой вкус.

Когда ты с этим приходишь к человеку, прошедшему Центральный экономико-математический институт, занимающемуся прогнозами, и пытаешься ему продемонстрировать всю мощь своего теоретического анализа, то получаешь довольно жесткий отпор. Тебя очень быстро опускают с неба на землю и заставляют заниматься прояснением, логикой, тем, что называют «сутью вещей». Находясь в своей среде, довольно легко рассуждать и делать вид, что ты занимаешься социологическим объяснением. А вы пойдите на другую улицу и попробуйте там. Если вас не побьют, то заставят задуматься над тем, что и как вы делаете, увидеть важное. Для меня такие встречи были хорошей тренировкой, особенно когда я начал заниматься диссертацией. Так вышло, что вместе с моим научным руководителем я писал дипломную работу, две магистерских диссертации в ВШЭ и МВШСЭН, а потом и кандидатскую. Я участвовал в нескольких исследовательских проектах под руководством Татьяны Львовны. Знаю, что многие студенты меняют научных руководителей. И у меня несколько раз спрашивали, почему бы мне не сменить Татьяну Львовну на кого-то другого, в силу, в том числе, и чисто конъюнктурных соображений. Но я придерживался принципа, что менять руководителя «на переправе» не буду. Содержательно мы занимались совершенно разными вещами, но мне никогда не навязывали, что делать и о чем писать. В моей кандидатской диссертации не описана ни одна модель, совсем нет формул. Она построена на анализе массива глубинных интервью, которые были собраны в поездках по разным техническим университетам. Хотя в самом конце работы я и думал о том, чтобы такую модель построить. Для меня были важны содержательные обсуждения, переходящие в «разговоры за жизнь» с человеком, обладающим огромным опытом и сопричастным многим изменениям, происходившим в сфере образования в стране. Было много переживаний и переделок текста моей диссертации. Было много обсуждений – и содержания, и формы моей работы... Я в какой-то момент почти опустил руки. И здесь ее помощь и поддержка были для меня неоценимы.

Поддержание связей – болезненная тема для всех студентов

Вопрос поддержания связей с научным руководителем после защиты диссертации – это вопрос непростой. Кажется, что предмет для обсуждения у вас исчерпан. О чем теперь разговаривать? Какой интерес в том, чтобы поддерживать связи? После защиты был период, когда я начал длинный полевой проект, не связанный с образованием, и выпал из жизни на довольно продолжительное время. Тем не менее всегда старался поздравить Татьяну Львовну с важными праздниками, хотя приезжал редко. Я считаю, что общение с руководителем не всегда строится только на интересе к общей теме или предметной области. Мы принадлежим к разным дисциплинарным направлениям или даже лагерям. Махровым социологам и экономистам не всегда есть о чем поговорить, хотя зачастую их союз может быть очень продуктивным. Но они из разных миров. Иногда даже присутствует взаимная ирония. Есть отношения человеческие, которые могут созреть, а могут и не созреть. Мы продолжаем общаться. Бывает, что и на профессиональные темы. Не часто, но регулярно, как в кабинете, так и у нее дома. Я думаю, мое общение с научным руководителем состоялось не благодаря, а вопреки многим обстоятельствам – внутренним и внешним. Много из того, чему сам я научился от Татьяны Львовны, я реализую в своем общении со студентами. Например, принцип, согласно которому в работе нет деления на «взрослых» и «детей». Если ты взялся за тему и заявил, что именно она тебе интересна, то будь добр ставить содержательные вопросы и пытаться давать на них содержательные ответы. Диплом не должен быть просто учебной работой, в которой нет никакого настоящего содержания. Диплом это или статья, проект это или уже результаты работы – ко всему надо относиться серьезно и все делать максимально содержательно. Часто бывает так, что от этого страдает форма, но она никогда не должна идти впереди содержания.

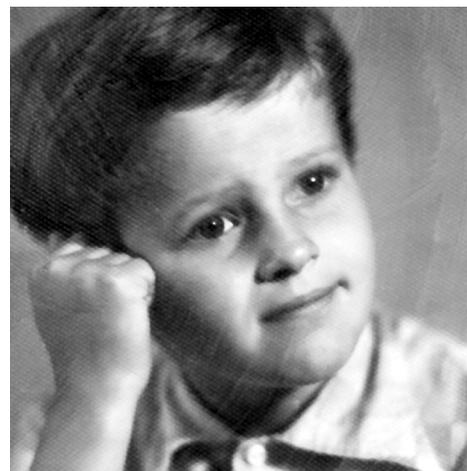

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ ЧИЧУРОВ

- Родился в семье потомственных военных в Москве.
- В 1969 г. окончил филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, продолжил обучение в аспирантуре Института российской истории РАН.
- В 1976 г. защитил кандидатскую диссертацию «Место „Хронографии“ Феодана в ранневизантийской исторической традиции (IV – начало IX в.)», в 1991 г. – докторскую диссертацию.
- Профессор Тюбингенского университета (с 1992 г.).
- Член научного совета при Институте европейской истории права общества Макса Планка (Франкфурт-на-Майне).
- Один из основателей и преподаватель Российского православного университета.
- Член редколлегии журнала «Византийский временник», сотрудник издательского центра «Православная энциклопедия».
- Автор многочисленных публикаций по истории византийской литературы, общественно-политической мысли, русско-византийских отношений, истории Церкви.
- Основные работы: «Хронография» Феодана и ранневизантийская историографическая традиция IV–VIII вв.» (1976), «Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феодана, “Бревиарий” Никифора: Тексты, перевод, комментарий» (1980), «Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь)» (1991).

АНДРЕЙ ВИНОГРАДОВ

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Игорь Сергеевич Чичуров:
«Византийский европеец»

Мне случилось родиться в семье археологов, и потому ученые окружали меня с самого детства. Многие из друзей семьи и стали моими первыми учителями: Мирон Ильич Золотарев, под чьим руководством я осваивал азы археологии, Гайк Арутюнович Таронян, которому я обязан своим знанием латыни и пониманием древних языков вообще, Хайнц Хайнен, открывший мне мир немецкой науки; наконец, мой отец, Юрий Германович Виноградов – мой проводник в дебрях древнегреческого языка и эпиграфики. Древностью я хотел заниматься уже лет с семи, но когда на втором курсе исторического факультета МГУ я вдруг понял, что меня интересует именно Византия, оказалось, что в кругу друзей семьи византинистов совсем нет. Советское время разобщило антиковедов и византинистов, и дореволюционных знатоков обеих дисциплин, вроде Василия Васильевича Латышева (у которого я много учился по книгам), казалось, больше быть не может.

Введение в специальность

По счастью, отцу, который ходил вольнослушателем на курсы к филологам-классикам, посчастливилось познакомиться там с Игорем Сергеевичем Чичуровым. Тот пошел навстречу просьбе руководить моей студенческой работой – так я оказался его учеником. Уже сам этот поступок Игоря Сергеевича был жестом доброй воли, так как он никак не был связан в тот момент с МГУ, преподавал в Российском православном университете и учеников у него хватало. Более того, это был поступок благородный, так как он знал, что официально моим руководителем будет числиться другой человек, сотрудник МГУ.

Но, главное, Игорь Сергеевич подошел к своим обязанностям совсем неформально: раз в неделю у него дома, на Ленинском проспекте, мы читали греческие тексты. Я уже давно учил древнегреческий, и мне казалось, что я буду читать с листа, но запнулся уже на расстановке ударений в набранном маюскулом заголовке.

Оказалось, мой учитель требует постоянного внимания к деталям, к смысловым нюансам текста, но в неменьшей мере и к его историческому контексту: в нем самом знатоки языков и текстологи замечательно дополняли проницательного историка. Привитый им метод можно назвать осторожным скепсисом: всегда соблюдай «презумпцию невиновности» источника, но постоянно проверяй его достоверность. Чичуров умел замечать несоответствие между отдельным сюжетом и его местом в тексте, благодаря чему удавалось поправить датировки, а соответственно и исторический контекст многих эпизодов.

Предложив мне в качестве темы жития апостола Андрея, Игорь Сергеевич погрузил меня сразу в суть вопроса, как говорится, *in medias res*. Позже я понял, что он и сам не осознавал всей глубины и важности поднятой им тогда проблемы – мимо которой проходили десятки исследователей до него, – но, пусть и невольно, поставил меня на единственно правильный, как потом оказалось, путь. И это был путь прямой и всеобъемлющей работы с источником. То же самое происходило с темами других его учеников – например, с работой о походе Руси на Царьград, написанной Павлом Кузенковым. Более того, у меня сложилось ощущение, что Чичуров предложил мне тему, которая глубоко интересовала его самого: он, по сути, «подарил» ее ученику, который мог уделить ей больше времени и сил. Но и после этого Игорь Сергеевич не ослаблял своего внимания к моей работе: одним из самых сильных впечатлений для меня осталась наша совместная поездка в Грецию, где мы работали с рукописями в Метеорах и на Афоне.

Однажды в метеорском Преображенском монастыре, закончив работу со своей рукописью, я предложил Чичурову помощь в копировании одного из его текстов (о цифровых фотоаппаратах тогда не было и речи), благо навык чтения греческих манускриптов он привил мне сам, ведя такие занятия на протяжении года. Открыв данную им рукопись, я увидел, что вся она написана не только сложно читаемым почерком, но и полна сокращений, которые в юридическом тексте расшифровать

мне удавалось, да и то с трудом, лишь благодаря полученным у Игоря Сергеевича навыкам (тут следует заметить, что, в отличие от лучшего отечественного палеографа Бориса Львовича Фонкича, делавшего в своих занятиях упор на изложении истории письма и особенностей различных почерков, Чичуров прививал навык практического чтения рукописей и в этом преуспел намного больше). Именно тогда я понял, насколько тяжелым был его собственный исследовательский труд, требовавший сотен таких манускриптов. Этим отчасти объясняется то, что он успел опубликовать далеко не все из задуманного и наработанного. Игорь Сергеевич любил повторять фразу великого немецкого византиниста Ханса-Георга Бека – его однажды спросили, кто такой византинист, и он ответил: пожалуй, это тот, кто умеет читать греческие рукописи.

Европейский почвенник

В Чичурове замечательным образом сочетались две черты, которые начиная с позапрошлого века воспринимались в России как два полюса: европейскость и почвенничество. Внешне, особенно в 90-е годы, он выглядел совершенным немецким профессором, со всеми соответствующими обыкновениями, включая не только трогательный чайничек на горелке со свечкой, но и, прежде всего, научную педантичность. И это неудивительно, если принять во внимание, что он был первым отечественным гуманитарием-стипендиатом Гумбольдтовского фонда, а затем стал членом специального научного совета при Институте европейской истории права общества Макса Планка (Франкфурт-на-Майне) и профессором Тюбингенского университета. Вообще, Чичуров был гумбольдтианцем в высшем смысле этого слова, одним из немногих в России.

Но одновременно он постоянно высказывал мысль, изумлявшую и даже задевавшую многих: русский историк должен заниматься в первую очередь темами, связанными с Россией. Это были необязательно темы из русской

истории, но и, например, уникальные неизданные тексты в рукописях отечественных собраний (например, проповеди Михаила Хониата, которыми занялся под его руководством Алексей Крюков). И в этой идее был не практический расчет – достичь научного успеха меньшими затратами сил, – а глубокая уверенность в гражданском призвании мыслящего человека в России. Вся его научная деятельность, особенно в последние годы (когда он внезапно, подобно Брамсу, отпустил окладистую бороду), была посвящена именно этому.

Но не меньше сил положил он и на ту неблагодарную работу, которая называется «организация науки». Он трудился – трудился по-настоящему – в Институте российской, а затем и Институте всеобщей истории РАН, воспитал плеяду историков в РПУ, пробудил от спячки кафедру древних языков исторического факультета МГУ, возглавлял аттестационный совет и кафедру истории Церкви в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете, договаривался о стажировке студентов в Берлине, стоял у истоков «Православной энциклопедии» – и все это одновременно. Уже не говоря о его постоянной работе со студентами, из которых почти всегда выходили серьезные исследователи, хотя он считал себя в первую очередь академическим ученым.

От учителей к ученикам

Сам Чичуров стал византинистом благодаря счастливой случайности: мальчик из военной семьи, где не предполагался интерес к древности, он учился в одном классе с Дмитрием – сыном Александра Петровича Каждана, крупнейшего отечественного византиниста второй половины XX в., который и стал его первым учителем. Преданность учителю, с которым он зачастую расходился и в научных взглядах, и в жизненных позициях, Игорь Сергеевич сохранил и тогда, когда Каждан вынужден был эмигрировать из СССР в США: он долго и непросто занимался пересылкой его библиотеки в Америку. Вторым его наставником стал Владимир Терентьевич Пашуто,

вокруг которого собралась группа исследователей, как раз и занимавшихся изучением древней истории России через призму иностранных источников. Оглядываясь назад, следует признать, что «сектор Пашуто» оказался, пожалуй, одной из самых плодотворных научных институций страны: рядом с Чичуровым в нем трудились такие поистине выдающиеся – и близкие ему по духу – специалисты, как Александр Васильевич Назаренко, Александр Васильевич Подосинов и многие другие.

В науке Игорь Сергеевич умел смотреть на шаг вперед: именно ему принадлежит реализованная позже другими идея создать первую в российских университетах кафедру истории Церкви, именно он, насколько я знаю, первым предложил воссоздать Русский археологический институт в Константинополе. Еще одним важным качеством в нем было умение небанально, свежим взором взглянуть на историю. Если вам зададут вопрос, какая была связь между Гете и Тютчевым, вы отыщете, вероятно, пусть и не сразу, некое сходство в их поэзии. Между тем, работая в архивах, Чичуров выяснил, что русский дипломат Тютчев доносил в Санкт-Петербург, зачем путешествует по Европе веймарский министр Гете. Пример может показаться курьезным, но он демонстрирует одновременно и всю широту научных интересов Игоря Сергеевича, и его любовь к отечественной истории, как IX, так и XIX в.

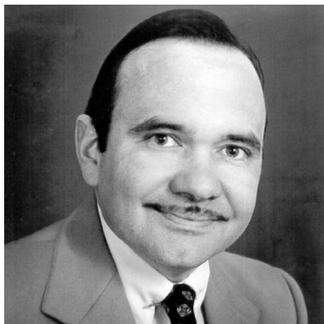
Возможно, именно эта широта, и прежде всего широта душевная, беспрестанная забота о десятках учеников, институций и проектов, от которой он убежал – ради науки – на свою любимую дачу, и стоила Чичурову жизни. Уход многих ученых вызывает скорбь, но не порождает чувства трагической невосполнимости. Однако безвременная, нелепая смерть Игоря Сергеевича в подмосковной электричке, где ему никто вовремя не помог, создала невосполнимую брешь: не от кого теперь ждать такого мудрого и притом неназойливого совета, такой деятельной и притом деликатной поддержки. Правда, эту лауну восполняют отчасти его ученики разных поколений, в которых он вложил столько сил и которые продолжают намеченное им.

И потому кажется неслучайным, что его ученики сами, в том числе и на свои средства, собрали сначала Festschrift в честь юбилея Игоря Сергеевича, а затем и Denkschrift в его память.

Закономерный парадокс

И еще один парадокс Чичурова: в нем сочетались желание найти компромисс для решения проблемы и умение решительно высказать свою позицию. Безукоризненно вежливый, изысканно, даже старомодно говоривший, всегда встававший при появлении дамы, он умел быть принципиальным в критические моменты, как это было на скандально знаменитом заседании редколлегии «Византийского временника», где решалась судьба одного из старейших отечественных научных журналов. Но характерно, что, в отличие от Фонкича, вышедшего после этого из состава редколлегии, Чичуров, прямо высказав свое несогласие главному редактору (и своему прямому начальнику) Геннадию Григорьевичу Литаврину, продолжил свою работу в журнале, понимая, насколько чреват негативными последствиями будет его уход.

Сочетание двух этих качеств, мне кажется, порождала в Игоре Сергеевиче его честность перед самим собой. Он искренне, без лукавства раскаивался в своих заблуждениях прежних лет. Его обращение к вере в последние годы жизни было также искренним, в отличие от многих его коллег-византинистов, увидевших в православии новую, еще более подходящую им доктрину. Сохраняя иронию по отношению и к византийским, и к современным иерархам, в своей вере Чичуров был так же честен, как в своей помощи людям, и близко, и мало ему знакомым: помощи литературой, рекомендациями, рецензиями и т.п. Он никогда не навязывал ученикам своих взглядов – ни научных, ни жизненных. Но чем дальше, тем больше начинаешь с ними соглашаться.

ГАРВИН ЧАСТЕЙН
GARVIN CHASTAIN

- Родился в г. Форт Ворт (Fort Worth), США.
- В 1967 г. закончил Техасский университет (г. Остин).
- В мае 1976 г. защитил докторскую диссертацию «Human Experimental Psychology».
- С 1978 г. – преподаватель, с 1986 г. – профессор Университета штата Айдахо (г. Бойс).
- Автор более 100 публикаций, включая монографии, главы в книгах, журнальные статьи.
- Член редколлегии 11 журналов, в том числе «The Journal of General Psychology», «The Journal of Psychology» и «Perception».

ВАЛЕНТИНА КУСКОВА

О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Гарвин Частейн: “I am indebted to my teacher for living well”
(Alexander the Great)

Наверное, у каждого есть в жизни поворотный момент – некая точка отсчета, оглядываясь на которую, понимаешь: а ведь все могло быть по-другому. В моей жизни таких моментов было несколько, но один из них – весной 1996 г. – определенно решил мою будущую карьеру. Тогда я, разумеется, этого не понимала: ведь вопрос-то решался всего-навсего об одном курсе – исследовательской работе, которую я должна была выполнить в рамках бакалаврской программы по психологии в Университете Boise State в США. У меня был выбор: делать ее самостоятельно (написать фактически обзор литературы по выбранной теме – от бакалавров большего не требовалось) или участвовать в исследовательском проекте с кем-то из профессоров кафедры психологии. Написать работу самостоятельно было проще: несколько дней в библиотеке – и проблема решена. Но я смотрела на сокурсников, которые с важным видом обсуждали свои эксперименты и хвастались друг перед другом работами, принятыми на студенческие секции конференций,

и с тихой завистью думала: «Вот бы и мне так!» И я отправилась искать себе научного руководителя. Как это правильно делается, я не знала, спросить стеснялась (в основном из-за плохого английского, которого с трудом хватало, чтобы справляться с учебной программой). И я решила просто прийти на кафедру психологии и постучаться в двери.

Свет в конце тоннеля

Кафедра психологии занимала одно из четырех крыльев на седьмом этаже факультета социальных наук. Оказавшись перед ней, я вдруг поняла, что никакого плана у меня нет. Неужто и вправду вот так взять и постучаться? Пройдя мимо нескольких закрытых дверей, я испытала некоторое облегчение. Одна дверь все же была открыта, за ней сидел один из моих самых любимых преподавателей – он занимался проблемами психологии алкоголизма и был непревзойденным гуру в статистике. Именно он, после проваленного мною вводного курса по этому предмету у другого преподавателя, вселил в меня надежду, что и я, оказывается, могу выучить статистику.

– Я к вам насчет индивидуального исследовательского проекта... – скорее промямлила, чем твердо сказала (скорее всего, на не очень хорошем английском).

– Желающих очень много, у меня уже есть достаточно большая студенческая группа, извините – помочь не могу.

Хотелось развернуться и уйти напрямиком в библиотеку, и я решила, что возвращаться и разговаривать с теми, кого в офисах в то время не было, я точно не буду. Но, раз уж я здесь, поговорю с теми, кто есть. Так я довольно быстро добралась до конца коридора.

Не судите о книге по обложке

В последнюю дверь мне заходить не хотелось совершенно. Этот кабинет занимал профессор Гарвин Частейн, у которого я как раз в том семестре изучала физиологическую психологию. Его боялись все, так как он славился своей строгостью на экзаменах и полной бескомпромиссностью: «89% – это “В”, 89.9% – это тоже “В”, и не ходите и не выпрашивайте баллы, а учитесь так, чтобы получить 90% для высшей отметки». Я тянула его курс с трудом – и не только потому, что мне было сложно усвоить совершенно новую терминологию с моим-то английским, но и потому, что его экзамены радикально отличались от экзаменов по другим предметам: нужно было не только знать материал, как на обычных экзаменах multiple choice, а еще и думать. Его вопросы типа «Что чувствует человек, если к коже приложить предмет, состоящий из двух перекрещенных трубок, в одной из которых содержится холодная вода, а в другой – теплая?» – на экзаменах вводили меня в ступор. После двух экзаменов я сидела где-то на уровне твердой тройки и считала, что еще неплохо занимаюсь. Но вот на научную деятельность с такими успехами претендовать явно не могла.

Я уже собралась было повернуть обратно, но тут профессор Частейн поднял на меня глаза:

– Я могу вам чем-то помочь?

– Я не знаю, помните ли вы меня, но я сейчас выбрала ваш предмет, и я к вам насчет исследовательского проекта ... – начала я снова мямлить.

Не успела я закончить предложение, как профессор подскочил на месте:

– Great! Правда? Вот здорово! Конечно, помню – вы же на всех лекциях сидите на переднем ряду. А мне как раз нужны помощники, и что-то студенты ко мне не особенно идут. Заходите-заходите, сейчас все обсудим. Я вам лабораторию покажу. А когда начать можете? Завтра? Вот и отлично, дайте я папку с материалами найду.

Он говорил много и быстро, а я стояла и не вполне понимала, что происходит. Он и правда меня к себе берет? и в экспериментах я участвовать буду? и помощники ему нужны? Видимо, нужны, раз троечников берет... Я, наверное, многое из сказанного им при той встрече просто пропустила из-за своего английского, а говорил он очень быстро, с протягивающим южным акцентом – я и на лекциях-то не все понимала. Мне потребовалось еще много времени, чтобы к этому акценту привыкнуть, но в тот день я была просто вне себя от радости и, слушая его быстрый южный говор, подумывала, что не так уж он страшен, как все думают. Вполне себе доброжелательный и приятный человек. И хорошо, что не сбежала, пока была возможность.

Научная работа 101

Об этом «хорошо, что не сбежала» я потом еще не раз пожалела. Профессор Частейн не давал никому никаких поблажек. Я работала наравне со всеми – англоговорящими и более опытными своими сокурсниками – и точно так же, как все, кодировала в Фортране, считала до бесконечности ANOVA вручную и сидела допоздна в лаборатории, чтобы пропустить через эксперименты всех добровольцев. Из-за языкового барьера задания занимали у меня втрое больше времени, чем у моих однокурсников.

Но я боялась жаловаться – вдруг выгонят. Я молча соглашалась со всеми поручавшимися мне заданиями, отмечая про себя, однако, что библиотека была бы ко мне куда как милосерднее. Профессор Частейн неотлучно был рядом с нами – полон оптимизма и всегда в хорошем настроении, он поддерживал нас просто своим присутствием, хотя, разумеется, на индивидуальную работу с каждым тратил очень много времени. Я теперь понимаю, что тяжело было всем. Но никто из нас от него не ушел – все успешно закончили свои исследовательские работы. И в этом исключительно заслуга его наставнического таланта. Он был очень занят, но на работу со студентами – даже бакалавриата – у него всегда чудесным образом находилось время.

Мы занимались исследованием привлечения зрительного внимания добровольцев мгновенными (несколько миллисекунд) стимулами с определенными характеристиками: цветом, наличием движения и его типа и т.д. С самого начала профессор Частейн разговаривал со мной на равных: «Ты же понимаешь, что внезапное появление стимула является неотъемлемой частью движения. Как ты его собираешься выделить?» Внимательно читал отчеты для моего исследовательского проекта и комментировал: «Ты знаешь лучше – это твоя работа, – но попробуй написать вот так». Обсуждал идеи экспериментов. Я считала, что вполне справляюсь с работой, и вскоре даже начала позволять себе спорить с профессором: «Не поверю, что нет разницы между плавным и прерывистым движением. Как это тестировали раньше? Может быть, что-то новое попробуем?» Профессор задумывался: «Гм... отличная идея!» И давал мне задание написать код для очередного эксперимента, а потом ждал результатов чуть ли не с большим нетерпением, чем я: «Ну как, получилось? Подожди, не отчаивайся – давай еще попробуем с другой скоростью движения».

Я старалась изо всех сил оправдать доверие профессора Частейна. Отложив все нерабочие мероприятия, сидела и над литературой по исследованию, и над домашним заданием от профессора. На третьем экзамене я получила

по его предмету твердую «четверку» – самую твердую, какую только можно было получить, набрав 899 баллов из 1000 возможных. Профессор говорил мне с гордостью, что у меня была самая высокая четверка, какую он когда-либо ставил, а я с досадой вспоминала тот вопрос о трубках с холодной и теплой водой, который неотвратимо отдалил меня от «пятерки». По окончании семестра после получения зачета никого из моих однокурсников в лаборатории не осталось, а я все сидела, считая, что раз профессор все еще дает мне задания, значит, помощники ему по-прежнему нужны. И если он доверяет мне писать отчеты по экспериментам для публикаций, отказать я просто не имею права. Мне очень нравилось чувствовать себя нужной, а по вечерам, когда некому было работать с добровольцами, – даже незаменимой. Так прошло мое первое с начала учебы лето в Америке.

Научные лавры

Шесть удачных и несчетное количество неудачных экспериментов спустя профессор Частейн спросил меня:

- *Хочешь представить работу на конференции Академии наук штата Айдахо?*
- *Студенческой?*
- *Да нет же! Академия наук – не студенческая ассоциация.*

Я была на седьмом небе от счастья и рассказывала маме по телефону взахлёб, как все это интересно и здорово. Потом оказалось, что не все работы берут, что есть такой процесс – «слепое рецензирование», когда работу читают эксперты в твоей области. Моего пыла поубавилось, но профессор, как всегда, был полон оптимизма: «Не переживай, не возьмут на эту конференцию, возьмут на другую». Взяли. Пару лет спустя мы представили работу в расширенном виде на конференции национального уровня, а еще через некоторое время опубликовали в рецензируемом журнале с высоким индексом цитируемости.

Я к тому времени уже закончила бакалавриат и магистратуру и работала в корпорации, но, одновременно преподавая в этом же университете, мечтала о том, чтобы полноценно заниматься наукой. На программу PhD я поступила несколько лет спустя, заручившись поддержкой профессора Частейна и получив от него рекомендацию.

Когда раскрывается правда

Не помню, когда из наставника профессор Частейн превратился в коллегу. В какой-то степени он со мной как с коллегой обращался с самого начала, но, разумеется, определенный барьер существовал, пока я не защитила PhD. Профессор Частейн ушел на пенсию и переехал во Флориду, и мы потеряли друг друга из виду на пару лет. Я уже работала профессором в Университете Индианы, когда Гарвин нашел меня на Фейсбуке. Барьера между студентом и профессором больше не существовало, мы весело болтали на разные темы, и разговор как-то естественно перешел на «а помнишь?». Тут мне пришло в голову задать вопрос, который как-то не давал мне покоя в самом начале: во время нашей первой встречи Гарвин сказал мне, что ему нужны помощники, а когда я пришла в лабораторию, мне и сесть-то было негде. Помолчав немного, Гарвин сказал:

– Я же понимал, что если ты стояла в тот день у моей двери в конце коридора, то тебе везде уже отказали.

– И особой радости мое появление у вас не вызвало? – Я вспомнила, как он чуть не выпрыгнул из стула.

– Нет, нет – я был искренне тебе рад. Ведь если, будучи законченной троечницей, ты все же решилась попроситься работать со мной, значит, наука тебе была интересна. А этому я всегда очень рад.

Извлеченные уроки

– И идеи мои отличными не были? И для написания отчетов я не была так уж нужна? И незаменимой не была? – Я была рада, что узнавала это много лет спустя, уже пройдя путь до PhD.

– Идеи у тебя были не очень: почему, ты думаешь, из десятков экспериментов только несколько удались? И писала ты не ахти... Но у тебя глаза горели, и я видел, как ты хочешь, чтобы все получилось. Я понимал, что и английский ты выучишь, и в литературе разберешься – было бы желание. В студентов верить надо. Когда-нибудь и ты вот так же дашь шанс какому-нибудь среднему троечнику, а когда он достигнет высот, о каких ты и сама не мечтала, тебя будет распирать от гордости, что в фундамент его успеха и ты заложила свой кирпич.

Высот, достигнутых профессором Гарвином Частейном, мне еще долго не достичь. Но своей карьерой и тем, что я занимаюсь интересной, любимой работой, я обязана только ему. Это, наверное, самый ценный урок, который мне мог бы дать наставник. Точно так же, как он, я верю в своих студентов, даже заядлых троечников, – если у них горят глаза и есть желание учиться, – и меня так же распирает от гордости за учеников, имеющих собственные компании, работающих волонтерами в Африке, преподающих в университете. Ведь именно нашей верой в их успех мы закладываем его фундамент!

ЯРОСЛАВ ИВАНОВИЧ КУЗЬМИНОВ

- Родился в Москве в семье профессора экономики.
- В 1979 г. окончил экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.
- В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Экономические науки», посвященную экономике общинных отношений.
- 1979–1989 гг. – преподаватель кафедры экономической истории и истории экономической мысли МГУ.
- С 1989 г. – старший научный сотрудник, затем заведующий сектором историко-экономических исследований Института экономики АН СССР (впоследствии РАН).
- Один из создателей т.н. «альтернативной» кафедры экономической теории в Физико-техническом институте (1989).
- Автор концепции (совместно с Е.Г. Ясиным), создатель и ректор Государственного университета – Высшей школы экономики.
- Заведующий кафедрой институциональной экономики, научный руководитель Института институциональных исследований НИУ ВШЭ.
- Один из основных разработчиков ряда ключевых государственных реформ: реформы государственной службы, административной реформы, реформы образования.
- Инициатор первого в России периодического издания в области экономической истории – альманаха «Истоки».
- Автор ряда монографий и учебных пособий по экономической истории (сфера интересов – период становления капитализма в различных странах, докапиталистические типы экономики) и истории экономических учений (сфера интересов – анархизм и ранние социалистические теории, вульгарный марксизм рубежа XIX–XX вв.), многочисленных научных и публицистических статей по проблемам различных отраслей экономики, социологии, государственного управления.
- Автор первого в России учебного курса институциональной экономики и ряда учебников и учебных пособий на его основе.
- Награжден рядом правительственных наград, в том числе Орденом Почета (2002), Золотым Почетным знаком «Общественное признание» (2003), орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2012), удостоен звания Офицера ордена Академических пальм (награда Правительства Франции в области образования и науки, 2003).

МАРИЯ ЮДЖЕВИЧ О СВОЕМ УЧИТЕЛЕ

Ярослав Иванович Кузьминов:
«Где больше неба мне –
там я бродить готов»

С самого детства я мечтала «работать с книжками» и потому довольно долго, лет до десяти, лелеяла смутные планы стать библиотекарем и «всегда быть при книгах». Мысль, что с книгами работают не только библиотекари, тогда попросту не приходила мне в голову. Экономике до момента моего непосредственного знакомства с нею я считала «наукой из багажа строителей социализма». А устройство высшего образования и вовсе никогда не было предметом моих размышлений или интереса. И вот сейчас я занимаюсь проблемами высшего образования и как исследователь, и как преподаватель, и как администратор. Столь радикальной переменой взглядов на книги, экономику и университеты я в значительной степени обязана моему учителю – Ярославу Ивановичу Кузьминову.

Она и музыка и слово

Я закончила маткласс московской государственной 57-й школы, и как большинство моих одноклассников,

поступила на мехмат МГУ, где и проучилась пять вполне счастливых лет. К моменту получения диплома у меня не было никаких, даже самых туманных представлений о том, где я буду работать и кем. Вместе с тем я хорошо понимала, что не готова быть «чистым математиком»: мне хотелось применять освоенный мною инструментарий к анализу прикладных, а не абстрактных задач.

Я отнесла свежеполученный диплом в приемную комиссию Вышки и, сдав экзамены, поступила на первый курс магистратуры. Мы – выпускники мехмата, МФТИ и МИФИ 1996 года – стали первым набором в группу по направлению «экономическая социология». Нам достался поистине звездный состав преподавателей: О.И. Шкаратан, Л.Г. Ионин, Р.В. Рывкина, Г.Г. Диллигенский, Ю.Н. Толстова, Я.И. Кузьминов. Из лекций Кузьминова, впрочем, мне тогда не удалось послушать ни одной: половину из них пропустила я, половину – он. На мой вопрос «почему по этому курсу никто не пишет конспекты?» коротко, но исчерпывающе ответил мой однокурсник: «Эти лекции надо слушать, а не записывать».

По иронии судьбы, институциональная экономика заинтересовала меня лишь к концу первого курса магистратуры, когда я уже прошла отбор на стажировку в Сорбонне и принялась нащупывать точки пересечения своих свежеприобретенных социологических знаний и экономики. Ректор Вышки, услышав, что в группу экономистов на стажировку затесался «без пяти минут социолог», распорядился найти для меня персонального консультанта по институциональной экономике, «потому что для экономиста, интересующегося социальными аспектами экономических отношений, это самая подходящая область исследований». Так моим консультантом стал профессор Университета Париж-10 Оливье Фавро – один из живых классиков французского институционализма. Раз в неделю я приезжала в Нантер, и он подробно расспрашивал, что меня интересовало в лекциях, которые я посещала по его рекомендации, а также в статьях, которые я увозила от него и проглатывала пачками.

Только детские книги читать

Я вернулась в Москву под огромным впечатлением от всего прочитанного и увиденного. Настал момент задуматься о дипломе. Научного руководителя не было, как не было и мыслей, откуда бы он мог появиться, – темы, которыми занимались известные мне преподаватели, были очень далеки от тех, которые заинтересовали меня во время стажировки. Я начинала медленно, но верно впадать в депрессию: приоткрывшаяся дверь в мир интересных идей грозила захлопнуться так же быстро, как до этого открылась. В один из весенних дней я проходила мимо библиотеки на Кочновском и увидела Кузьмина, погруженного в изучение бумажных каталогов зарубежных издательств. Терять мне было особенно нечего, поэтому я довольно нагло нарушила его одиночество словами: «Из-за вас я начала заниматься институциональной экономикой, так что вам придется быть моим научным руководителем».

Кузьминов оторвался от каталога, засмеялся: «Ну, приходите, обсудим» – и вернулся к чтению. Я набралась храбрости (на это тоже ушло какое-то время) и «пришла обсудить». Собственно, обсуждение темы моего будущего диплома (а как выяснится потом – и диссертации) свелось к одной фразе Кузьмина: «Давай ты подумаешь о транзакционных издержках измерения». Идея, стоящая за этой концепцией, довольно проста: оценить качество блага для некоторых категорий благ можно до, а для некоторых – только после покупки. Соответственно, на рынках различных товаров формируются разные структуры и институты (такие, как гарантии, информационные рейтинговые агентства и пр.), позволяющие оптимально распределить бремя транзакционных издержек между участниками рыночных отношений. В целом ряде случаев понять дизайн рыночных структур невозможно, не принимая во внимание эти издержки.

Я пошла в библиотеку, нашла одну-единственную статью, в которой обсуждался тезис о том, как издержки измерения качества товара влияют на дизайн транзакций с участием этого товара (это была статья Йорама Барцеля «Издержки измерения и организация рынков»), и изучила ее от первой до последней строчки. Кстати, теперь, когда я занялась экономической образованием (а образование – типичный пример доверительного блага), я еще раз убедилась, что случайностей в жизни гораздо меньше, чем нам кажется. Едва ли не во время нашей первой встречи Кузьминов сказал, что я могу пользоваться любыми книгами из тех, что хранятся у него в кабинете (а у него уже тогда была довольно большая библиотека зарубежных книг). Перебирая их, я более-менее локализовала возможные вопросы и составила представление о том, где в принципе можно было бы искать ответы на них. В результате моих раздумий появился короткий текст, который я принесла на суд будущему научному руководителю. Тогда состоялось первое подробное и содержательное обсуждение моей будущей работы. К концу затянувшегося на пару часов разговора

Кузьминов мимоходом бросил: «Раз ты собираешься заниматься этим серьезно, тебе нужно преподавать. Пиши заявление, будешь вести за мной семинары». Так началась моя работа в Вышке.

Осенью 1998 г. я одновременно дописывала диплом, готовилась к экзаменам в аспирантуру и вела свои первые семинары по курсу институциональной экономики, который читал Кузьминов. Вот тогда-то я и прослушала первый в своей жизни полноценный курс институциональной экономики. Лекции читались по субботам, и в перерыве или после занятий мы обсуждали планы на ближайшие семинары (устоявшейся программы не было, и курс формировался фактически по ходу дела), и у меня появлялась возможность задать все накопившиеся от прочитанного и услышанного вопросы. А вопросов возникало множество: за простыми на первый взгляд рассуждениями и моделями, сопровождавшими изложение лекционного материала, всегда стояли глубокие идеи, четкая логика и открывалось широкое пространство для формирования собственных суждений у слушателей. Это довольно редкое умение – в очень простых словах не только изложить основы той или иной теории, но и запустить в умах слушателей разных уровней подготовки механизм рефлексии над услышанным. Ко всем моим соображениям и идеям (а большинство из них наверняка были достаточно наивными) Ярослав Иванович всегда относился очень серьезно. Не менее серьезно, кстати, он относился и к студентам, отвечавшим ему на устном зачете или экзамене.

Кузьминов научил меня, думая о той или иной модели, искать границы и условия ее применимости и не сводить ее критику к поиску иллюстраций того, что модель «объясняет не всё». Сейчас такой подход помогает мне во многих рабочих ситуациях, и далеко не только при решении чисто исследовательских задач.

Записи лекционного курса легли в основу сначала пособия, а потом и учебника по институциональной экономике, который вышел в 2007 г. Совместная работа над

учебником стала для меня не только важной школой, но и большим удовольствием. Чему-то мне удалось научиться, чему-то – нет. Например, я давно завидую тому, каким четким с первого же раза выходит у Кузьминова любой текст, в то время как я вынуждена переписывать свои части статьи по многу раз. Однажды, когда я спросила, почему так получается, Ярослав Иванович ответил: «Все просто: ты пишешь, когда можешь, а я – когда не могу не писать».

Из тяжести недоброй и я когда-нибудь прекрасное создам

Относясь ко мне как к вполне взрослому индивиду (что довольно долго было не более чем авансом), Ярослав Иванович и поручал мне такие вещи, которые не очень-то принято доверять начинающим преподавателям. И на то, что в этих вещах у меня не было ни достаточных знаний, ни опыта, он не слишком обращал внимание (во всяком случае, так мне казалось тогда, а иногда кажется и сейчас). На мои несмелые «у меня не получится» и «я никогда этим не занималась» я слышала в ответ ироничные «да?» и «вот и попробуй». Собственно, за пятнадцать лет, что мы знакомы, в этом отношении мало что изменилось...

Не изменилось за эти годы и отношение Кузьминова ко всему новому, будь то люди, идеи или проекты: при всей своей занятости и все большей поглощенности безумным количеством самых разных дел, он наделен поразительной способностью содержательно и заинтересованно включаться в обсуждение исследовательских идей и проектов в самых разных областях. Он обладает уникальным свойством видеть потенциальные исследовательские связи между новыми академическими командами, приходящими в Вышку, и уже существующими группами. Возможно, в этом один из секретов успешной мультидисциплинарности Вышки, в которой нет академической периферии и точки академического роста поддерживаются вне зависимости от того, насколько близки они к экономике.

Идея такого общеуниверситетского пространства, служащего питательной средой для академического развития и не разбитого на феодальные уделы кафедр и факультетов с незыблемыми границами, мне очень близка. Я радуюсь, наблюдая, как эта идея находит множество воплощений – в подрастающем кадровом резерве, в междисциплинарных проектах и совместных усилиях, которые объединяют коллег с разных факультетов.

Сегодня нам приходится общаться, в основном обсуждая вопросы, которые принято называть «административными» или «бюрократическими», – на научные статьи и исследовательские проекты остается гораздо меньше времени, чем каждому из нас хотелось бы. Но для меня проблемы университетского управления – это всегда повод применить институциональную теорию на практике. А без этого развитие университета само по себе было бы невозможно.

Ярослав Иванович научил меня относиться к университетскому пространству не просто как к объекту анализа или площадке для институциональных инноваций. Он научил меня видеть его уникальность – и любить его, принимая таким, каково оно есть, но и не оставляя оптимизма в попытках изменить его к лучшему.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агадуллина Елена Рафиковна – доцент кафедры организационной психологии факультета психологии

Бабкова Галина Олеговна – доцент кафедры политической истории факультета истории

Белянин Алексей Владимирович – доцент Международного института экономики и финансов, заведующий Лабораторией экспериментальной и поведенческой экономики

Вахштайн Виктор Семенович – старший научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева (ИГИТИ)

Веселов Дмитрий Александрович – старший преподаватель кафедры макроэкономического анализа департамента теоретической экономики факультета экономики

Виноградов Андрей Юрьевич – доцент кафедры социальной истории факультета истории

Воскобойников Олег Сергеевич – доцент кафедры социальной истории факультета истории

Гаспарян Диана Эдиковна – доцент кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии

Даниэль Михаил Александрович – профессор факультета филологии

Ефименко Ирина Владимировна – заместитель декана факультета филологии, ведущий научный сотрудник Центра информационно-аналитических систем Института статистических исследований и экономики знаний

Захаров Алексей Владимирович – доцент факультета экономики

Зыков Сергей Викторович – доцент кафедры управления разработкой программного обеспечения отделения программной инженерии факультета бизнес-информатики

Иванова Юлия Владимировна – ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ), доцент кафедры истории идей и методологии исторической науки факультета истории

Игнатов Дмитрий Игоревич – доцент кафедры анализа данных и искусственного интеллекта отделения прикладной математики и информатики факультета бизнес-информатики

Карабекян Даниел Самвелович – преподаватель кафедры микроэкономического анализа департамента теоретической экономики, научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений

Касамара Валерия Александровна – доцент кафедры политического поведения факультета прикладной политологии, заведующая Лабораторией политических исследований

Кирия Илья Вадимович – профессор департамента «Медиапроизводство и креативные индустрии» факультета медиакоммуникаций, заведующий Лабораторией медиаисследований

Котельникова Зоя Владиславовна – старший преподаватель кафедры экономической социологии факультета социологии

Кудряшов Юрий Георгиевич – доцент общеуниверситетской кафедры высшей математики

Кускова Валентина Викторовна – доцент факультета менеджмента, научный сотрудник Института фундаментальных междисциплинарных исследований

Левина Татьяна Владимировна – доцент кафедры практической философии факультета философии

Левченко Ян Сергеевич – профессор кафедры наук о культуре отделения культурологии факультета философии

Лежнина Юлия Павловна – доцент кафедры социально-экономических систем и социальной политики департамента прикладной экономики факультета экономики

Лытаева Мария Александровна – доцент кафедры иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики

Михайловский Александр Владиславович – доцент кафедры истории философии факультета философии

Новикова Анна Алексеевна – профессор департамента «Новые медиа и социальные коммуникации» факультета медиакоммуникаций

Павлюткин Иван Владимирович – старший преподаватель кафедры экономической социологии факультета социологии, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований

Парахоняк Алексей Никитич – доцент Международного института экономики и финансов, заведующий Международной научно-учебной лабораторией по исследованию стратегического поведения и институционального дизайна, доцент кафедры институциональной экономики департамента прикладной экономики факультета экономики

Пекарский Сергей Эдмундович – профессор кафедры макроэкономического анализа департамента теоретической экономики факультета экономики

Пеникас Генрих Иозович – старший преподаватель кафедры математической экономики и эконометрики департамента прикладной экономики факультета экономики, старший научный сотрудник Международной научно-учебной лаборатории анализа и выбора решений

Погосова Зинаида Михайловна – старший преподаватель кафедры уголовного права факультета права

Полдников Дмитрий Юрьевич – доцент кафедры теории права и сравнительного правоведения факультета права

Ребязина Вера Александровна – доцент кафедры стратегического маркетинга факультета менеджмента

Савельева Александра Александровна – доцент кафедры управления разработкой программного обеспечения отделения программной инженерии факультета бизнес-информатики

Смирнов Евгений Юрьевич – доцент факультета математики

Сонин Константин Исаакович – директор по микроэкономическим исследованиям, профессор кафедры институциональной экономики департамента прикладной экономики НИУ ВШЭ, содиректор и преподаватель отделения «Совместный бакалавриат ВШЭ и РЭШ», профессор РЭШ

Степанова Анастасия Николаевна – доцент кафедры экономики и финансов фирмы департамента финансов факультета экономики

Стребков Денис Олегович – доцент, заведующий Учебной лабораторией кафедры экономической социологии факультета социологии

Стукал Денис Константинович – доцент общеуниверситетской кафедры высшей математики

Талалакина Екатерина Викторовна – доцент кафедры иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики

Татарко Александр Николаевич – доцент кафедры организационной психологии факультета психологии

Тиморин Владлен Анатольевич – профессор базовой кафедры Математического института им. В.А. Стеклова РАН факультета математики

Уточкин Игорь Сергеевич – доцент кафедры общей и экспериментальной психологии факультета психологии, заведующий Научно-учебной лабораторией когнитивных исследований

Файер Владимир Владимирович – доцент факультета филологии, старший научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева (ИГИТИ)

Юдкевич Мария Марковна – проректор, доцент кафедры институциональной экономики департамента прикладной экономики факультета экономики

Юрко Анна Вячеславовна – доцент Международного института экономики и финансов

Также в этой серии

**Рассказы-воспоминания профессоров ВШЭ
о своих учителях и первых шагах
в академическом мире**

ПОКОЛЕНИЯ ВШЭ

УЧИТЕЛЯ ОБ УЧИТЕЛЯХ

Информационное издание

**Поколения ВШЭ
Ученики об учителях**

Литературный редактор *Ю.В. Иванова*
Компьютерная верстка, дизайн обложки: *В.И. Кремлев*
Корректор *Н.Н. Щигорева*

Подписано в печать 23.10.2013. Формат 60×90 1/8
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 13,9
Доп. тираж 500 экз. Изд. № 1675

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

